

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»	СОДЕРЖАНИЕ
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: доктор юридических наук М. О. Баев (главный редактор) доктор юридических наук В. А. Мещеряков кандидат юридических наук Т. Э. Кукарникова (ответственный секретарь)	Предисловие..... 5
	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
	Баев М. О., Баева К. М. Типичные ошибки, нарушения и злоупотребления при возбуждении уголовного дела: пути их нейтрализации и преодоления..... 6
	Белкин А. Р. Несвоевременное ознакомление сторон с важнейшими судебными документами 13
	Дудко Н. А. О значении практики рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей..... 21
	Комбарова Е. Л. О роли председательствующего судьи при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей (процессуальные и криминалистические аспекты) 30
	Спирidonов М. С. Об ответственности стороны защиты за процессуальные нарушения, допущенные в ходе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей (ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ) 41
	Стояновский М. В. Следственная тактика и уголовно-процессуальный закон (к вопросу о соотношении криминалистического содержания и процессуальной формы) 51
	Суворова Л. А. Об участии в уголовном судопроизводстве в качестве защитников лиц, не являющихся адвокатами 59
	Федорин В. Е. Прокурор в уголовном судопроизводстве: процессуальные гарантии объективности деятельности 66
	Шельская С. Н. Особенности возбуждения уголовного дела по ст. 159.2 УК РФ в случаях умолчания о фактах прекращения выплат 72
	КРИМИНАЛИСТИКА
	Боков С. Н., Матасова Л. В. Возможности молекулярно-генетических исследований в раскрытии и расследовании преступлений 78
	Дорофеев К. И. Сравнительно-правовое исследование законодательной регламентации отдельными зарубежными странами деяний, связанных с противоправной манипуляцией аудиовизуальными материалами («deep fakes») 84

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

Адрес редакции:
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Дата выхода в свет
27.12.2024.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 100. Заказ 342

Адрес издателя:
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Адрес типографии
Издательского дома ВГУ:
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2024
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2024

Ефимов К. А. Особенности судебно-экспертного исследования клинкового холодного оружия	95
Исаенко В. Н. Вклад кафедры криминалистики Воронежского государственного университета в становление и развитие методики расследования серийных преступлений.....	99
Краснова Л. Б., Кукарникова Т. Э. Криминалистические проблемы использования цифровых доказательств.....	105
Нарыков И. И. Криминалистические основы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности, совершенных обманным путем.....	113
Семенихина Т. Н. Психологические аспекты обмана как метода манипулирования человеком на примере мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций	118
Щербаков И. О. К вопросу о криминалистическом исследовании беспилотных летательных аппаратов гражданского назначения, применяемых в военных конфликтах	124
Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	127

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 11 (28). 2024

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

CRIMINAL PROCESS

Baev M. O., Baeva K. M. Typical mistakes, violations and abuses when initiating a criminal case: ways to neutralize and overcome them..... 6

Belkin A. R. Late familiarization of the parties with the most important court documents13

Dudko N. A. On the significance of the practice of considering criminal cases by a jury 21

Kombarova E. L. On the role of the presiding judge in the consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors (procedural and forensic aspects)..... 30

Spiridonov M. S. On the liability of the defense for procedural violations committed during the judicial investigation in jurors court (Part 1 of Article 389.25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation).....41

Stoyanovsky M. V. Investigative tactics and the criminal procedure law (on the question of the correlation of criminalistic content and procedural form).....51

Suvorova L. A. On participation in criminal proceedings as representatives of individuals not acting as lawyers..... 59

Fedorin V. E. Prosecutor in criminal proceedings: procedural guarantees of objectivity of activity..... 66

Shelskaya S. N. Peculiarities of instituting criminal proceedings under article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases of non-disclosure of facts of termination of payments 72

CRIMINALISTICS

Bokov S. N., Matasova L. V. The possibilities of molecular genetic research in the detection and investigation of crimes78

Dorofeev K. I. Comparative legal study of legislative regulation in separate foreign countries of acts related to the illegal manipulation of audiovisual materials («deep fakes»)..... 84

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Yefimov K. A. Peculiarities of forensic research of bladed edged weapons.....	95
Isaenko V. N. Contribution of the department of criminology of Voronezh State University to the formation and development of methods of investigation of serial crimes.....	99
Krasnova L. B., Kukarnikova T. E. Forensic problems of using digital evidence	105
Narykov I. I. Forensic fundamentals for identifying, solving and investigating economic crimes, committed fraudulently.....	113
Semenikhina T. N. Psychological aspects of deception as a method of manipulating a person on the example of fraud committed using the Internet and mobile telecommunications.....	118
Shcherbakov I. O. On the issue of forensic investigation of unmanned aerial vehicles for civilian purposes used in military conflicts	124
The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие коллеги! В рамках Международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию юридического факультета ВГУ, прошедшей в г. Воронеже 16–17 ноября 2023 г., был проведен круглый стол «Роль Воронежской криминалистической школы в развитии российской криминалистики».

Факт столь представительного участия ведущих российских криминалистов и в конференции, и в работе круглого стола, исключительно содержательные доклады, вызвавшие бурные дискуссии, позволяют констатировать не только высокий уровень научного общения, но и очевидный интерес и высокую оценку Воронежской криминалистической школы.

Выражаю искреннюю благодарность всем участникам. Особенно хочется поблагодарить гостей, которые в наше супертяжелое во всех смыслах время нашли возможность приехать к нам и принять активное участие в работе конференции.

Яркие выступления Е. Р. Россинской, А. Р. Белкина, А. М. Кустова, В. Н. Исаенко, С. Б. Россинского, И. М. Комарова, Л. В. Бертовского и многих других (пусть извинят, что всех не перечисляю) отразили традиционные и новейшие теоретические и прикладные аспекты современной криминалистики и не только.

В этой связи редакционная коллегия «Воронежских криминалистических чтений» приняла решение о посвящении очередного номера научно-практического журнала результатам данного исключительно значимого для нас события.

Разноплановость и разнонаправленность предложенных для анализа участниками круглого стола проблем обусловила включение в содержание номера публикаций различной проблематики: новейшие экспертные методики, тактика и методика исследования отдельных видов преступлений, криминалистическая тактика защиты, криминалистическая адвокатология, взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства и иными, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных отношений лицами.

С удовлетворением хочется отметить, что состоявшаяся дискуссия обозначила массу актуальных проблем. Прочитав Закон Кидлина: «Если можно четко обозначить проблему, значит вопрос уже наполовину решен», сделаем вывод, что оставшаяся половина, очевидно, то, чем нам предстоит заниматься. Желаю успехов!

*Главный редактор «Воронежских криминалистических чтений»
академик РАН, доктор юридических наук,
профессор М. О. Бабев*

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ, НАРУШЕНИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА : ПУТИ ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: рассматриваются типичные ошибки, нарушения и злоупотребления при возбуждении уголовного дела; данные ошибки классифицируются и анализируются, предлагаются пути их нейтрализации и преодоления в целях оптимизации достижения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: злоупотребление правом, возбуждение уголовного дела, уголовное судопроизводство, сторона обвинения, сторона защиты.

TYPICAL MISTAKES, VIOLATIONS AND ABUSES WHEN INITIATING A CRIMINAL CASE: WAYS TO NEUTRALIZE AND OVERCOME THEM

Abstract: the article discusses typical errors, violations and abuses when initiating a criminal case, these errors are classified and analyzed, and ways to neutralize them and overcome them are proposed in order to optimize the achievement of the purpose of criminal proceedings.

Key words: abuse of law, initiation of a criminal case, criminal proceedings, prosecution, defense.

Поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.

Аксиоматичным представляется тот факт, что именно принятием решения о возбуждении уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда¹.

В этой связи ошибки, нарушения и злоупотребления, допускаемые при принятии данного структурообразующего, определяющего всю последующую дея-

тельность участников уголовного судопроизводства решения, с неизбежностью влекут неблагоприятные последствия для реализации назначения уголовного судопроизводства, охранения как публичных, так и частных прав. Таким образом, их определение, выявление и обозначение путей нейтрализации и преодоления представляются исключительно значимыми как в теоретическом, так и практическом плане.

Во многом в постановочном плане к таковому, на наш взгляд, следует отнести: – возбуждение уголовного дела в отсутствие надлежащих поводов и оснований;

– возбуждение уголовного дела при очевидном несоответствии описательно-мотивировочной (установочной) части постановления резолютивной;

– возбуждение уголовного дела «по факту» при наличии оснований возбуждения уголовного дела «в отношении конкретного лица»;

– принятие решения о возбуждении уголовного дела фактически за пределами законно установленного срока процессуальной проверки;

– «сокрытие» факта возбуждения уголовного дела при его возбуждении в отношении конкретного лица от подозреваемого неопределенно долгий срок.

По каждому из вышеизложенных, основных, на наш взгляд, типичных ошибок, нарушений и злоупотреблений считаем необходимым обозначить следующее.

Относительно возбуждения уголовного дела в отсутствие надлежащих поводов и основания

В рамках требований ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела служат заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Типичными нарушениями, в том числе часто свидетельствующими о злоупотреблении правом, являются:

а) принятие решения о возбуждении уголовного дела без указания на над-

лежащий повод, в том числе на рапорт, заявление, явку с повинной, полученные позже первоначальной регистрации в КУСП. По нашему мнению, данные действия совершаются с единственной целью – завуалировать нарушения при исчислении сроков доследственной проверки, что, безусловно (см. выше), влияет на оценку законности возбуждения уголовного дела, либо с указанием на ненадлежащий, неопосредованный императивными и исчерпывающими требованиями УПК РФ, либо вообще без ссылки на какой-либо повод, предусмотренный ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

К сожалению, в собственной судебно-следственной практике приходилось сталкиваться со случаями, когда в качестве повода ссылались на документ, отсутствующий в материалах уголовного дела.

Формой злоупотребления правом полагаем предпринимаемые стороной обвинения на различных стадиях судопроизводства (как правило, после обозначения соответствующих претензий стороной защиты), действия, направленные на процессуальную легализацию ранее отсутствующих документов на более поздних стадиях судопроизводства.

Считаем данные действия недопустимыми, подлежащими в том числе нормативному пресечению путем внесения в действующее уголовно-процессуальное законодательство нормы о запрете предоставления каких-либо процессуальных документов на этапах хронологически последующих дат якобы их совершения;

б) возбуждение уголовного дела либо вообще без ссылки на какие-либо основания (что случается, но достаточно редко), либо же формальное указание на наличие «достаточных данных, свидетельствующих о признаках пре-

ступления», в то время, и это является штатной формой злоупотребления правом стороной обвинения, в ситуации, когда анализ материалов доследственной проверки необходимой системы допустимых, достоверных, относимых и достаточных сведений об этом с очевидностью не содержит.

Формой преодоления данных нарушений и злоупотреблений является тактически выверенное процессуальное реагирование на них. По нашему мнению, в данном случае тактически выверенным может считаться действие после объективной фиксации факта нарушения (например, получение соответствующих заверенных копий постановлений, фиксация соответствующих сведений в материалах, предоставляемых в суд в порядке ст. 29 УПК РФ (избрание и продление различных мер пресечения, наложение ареста на имущество, отстранение от должности и т. д.), либо в материалах, предоставляемых следователем в обоснование своей позиции при обжаловании соответствующих действий/бездействия в порядке ст. 125 УПК РФ). Часто из тактических соображений целесообразно констатировать факт наличия соответствующих нарушений и, как следствие, их процессуальных последствий на более поздних стадиях, а именно при рассмотрении дела соответствующими судебными инстанциями в целях избегания как возможной фальсификации, в том числе путем приобщения к материалам дела дополнительных документов, так и в целях избегания предвзятости вопроса о наличии/отсутствии нарушений в рамках судебного контроля, что фактически лишает сторону защиты сослаться на данные обстоятельства при рассмотрении дела по существу, когда суд воспринимает всю процессуальную и доказательственную совокупность.

Относительно возбуждения уголовного дела при очевидном несоответствии описательно-мотивировочной (установочной) части постановления резолютивной

Как отдельная форма злоупотребления правом при принятии решения о возбуждении уголовного дела могут и должны быть оценены следующие обстоятельства:

а) неуказание либо необоснованно «размытое» указание в постановлении о возбуждении уголовного дела обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков преступления, что лишает возможности оценить законность выводов об их наличии;

б) указание в постановлении о возбуждении уголовного дела на наличие признаков состава преступления (что является достаточно часто встречающимся, в то время как в данной процессуальной стадии вопрос о наличии состава преступления не может и не должен разрешаться);

в) некорректное формулирование диспозиции нормы уголовного закона, не позволяющее сделать вывод о том, какие именно квалифицирующие признаки конкретного деяния усмотрел на этапе возбуждения уголовного дела автор постановления, и (или) неуказание в резолютивной части постановления на часть или пункты статьи особенной части УК РФ.

Относительно возбуждения уголовного дела «по факту» при наличии оснований возбуждения уголовного дела «в отношении конкретного лица»

К сожалению, действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо объективных критериев, предусматривающих необходимость возбуждения конкретного уголовного дела «в отношении конкретного лица», либо возможность его возбужде-

ния «по факту». Более того, некоторые ученые вообще полагают невозможным возбуждение уголовного дела «в отношении конкретного лица», что оставляет широкое поле для злоупотребления правом лицом, принимающим решение о возбуждении уголовного дела.

По нашему мнению, наличествуют ситуации, когда возбуждение уголовного дела «по факту», а не «в отношении конкретного лица» даже теоретически невозможно (в отношении специальных субъектов, при наличии признаков квалифицированных составов, свидетельствующих о возможности совершения конкретных действий исключительно конкретным лицом, например, в случаях совершения деяния в условиях очевидности, либо когда заявитель, либо автор рапорта прямо указывают на конкретное лицо, либо имеется законно полученная явка с повинной и т. д.).

Кроме того, это необходимо в случаях, когда вся деятельность в рамках доследственной проверки с очевидностью свидетельствует о ее осуществлении в целях проверки незаконных действий конкретного лица (осмотры, опросы, отобрание объяснений, отобрание образцов, освидетельствование, назначение и производство экспертиз).

В случаях, когда описательно-мотивировочная (установочная) часть постановления о возбуждении уголовного дела содержит указание на совершение противоправных, содержащих признаки преступления действий конкретным лицом, резолютивная констатирует возбуждение уголовного дела «по факту».

По нашему категорическому утверждению, побудительным мотивом данного способа злоупотребления правом является желание субъекта осуществления уголовного преследования обеспечить себе иногда достаточно долгий (исчисляемый и месяцами, и годами) период

беспротиводейственного расследования уголовного дела, в то время как наличие факта возбужденного «в отношении конкретного лица» уголовного дела наделяет данное лицо соответствующим процессуальным статусом подозреваемого, позволяющего ему реализовывать систему защитных прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, в том числе с привлечением адвоката-защитника, а также корреспондирует систему обязанностей следователя/дознателя на совершение ряда существенных процессуальных действий.

Относительно принятия решения о возбуждении уголовного дела фактически за пределами законно установленного срока процессуальной проверки

В рамках требований ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить *сообщение* о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения.

Руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-разыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

Личная многолетняя практика, а также анализ следственно-судебной практики позволяют сделать вывод о том, что штатной формой злоупотребления являются:

1) процессуальная пассивность уполномоченного субъекта при проведении процессуальной проверки сообщения о преступлении;

2) низкий уровень взаимодействия субъекта проведения доследственной проверки с должностными лицами органа дознания как в части предоставления сведений, полученных в рамках оперативно-разыскной деятельности, так и оценки полученных сведений на данном этапе на предмет их допустимости для дальнейшего использования в доказывании. Одной из форм злоупотребления как раз и является очевидное игнорирование соответствующих требований к оценке допустимости, наличия провокативности и т. д.;

3) немотивированность постановлений о продлении сроков доследственных проверок, игнорирование императивных требований к основаниям возможного продления срока (особенно при продлении до 30 суток);

4) многократные и фактически ничем не обоснованные отказы в возбуждении уголовного дела с их фактически немедленной последующей отменой соответствующим руководителем с незаконным, по нашему мнению, установлением дополнительных неопосредованных действующим законодательством сроков проверки либо необоснованные явно свидетельствующие о злоупотреблении правом изменения территориальности по рассматриваемому материалу. Иной территориальный орган, получив подобный материал, зарегистрировав его в КУСП, срок проверки исчисляет с момента соответствующей регистрации, а не с момента начальной даты его поступления и фиксации.

Убеждены, что подобные системные действия направлены не на осуществление законной уголовно-процессуальной деятельности. Они являются формой злоупотребления правом с целью завуалирования оснований для получения незаконного процессуального срока.

Способы противодействия считаем необходимым подразделить на два уровня – текущие и опосредованные (последующие).

К текущим нужно отнести немедленное обжалование заинтересованными субъектами, чьи права затрагиваются указанными действиями в порядке ст. 124–125 УПК РФ, соответственно руководителю следственного органа, надзирающему прокурору и в суд, а к опосредованным (последующим) следует отнести возможности вышеуказанных обжалований на последующих стадиях (в случаях, когда о допущенных нарушениях стороны обвинения становится известно позже, например, на этапе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 216–217 УПК РФ, либо из тактических соображений).

По нашему мнению, констатация данных оснований является одним из поводов оспаривания законности принятого процессуального решения, в том числе, о возбуждении уголовного дела.

Относительно «сокрытия» факта возбуждения уголовного дела при его возбуждении в отношении конкретного лица от подозреваемого неопределенно долгий срок

В последнее время достаточно часто возникают ситуации, когда субъект, в отношении которого возбуждено уголовное дело, узнает о данном, безусловно, значимом для него юридическом факте спустя достаточно продолжительный период времени, порой не от следовате-

ля/дознателя, а от третьих лиц либо средств массовой информации. Более того, отдельные должностные лица органов предварительного следствия либо дознания расценивают данные действия как специальную следственную операцию не только в целях беспротиводействия определенного промежутка времени расследования, но и в целях осуществления в указанный период (между возбуждением уголовного дела и первым вызовом для участия в каких-либо процессуальных либо следственных действиях соответствующего лица) системы оперативно-разыскных мероприятий.

Категорически убеждены, что данные действия суть злоупотребления правом, препятствующим своевременной и эффективной реализации защитной деятельности подозреваемого.

Полагаем, что обязанность не формального (как в настоящее время путем извещения, направляемого по почте, которое «почему-то» не доходит до адресата), а реального, подтвержденного документально зафиксированным уведомлением о вручении копии постановления о возбуждении уголовного дела должна быть закреплена нормативно. До тех пор, пока соответствующие требования не будут зафиксированы в действующем

законодательстве, единственно логичной и обоснованной реакцией на данное злоупотребление будет обжалование надлежущим должностным лицам либо в суд незаконных бездействий, в том числе с постановкой вопроса о признании юридически ничтожными всех совершенных в данный промежуток времени процессуальных действий и недопустимыми полученных доказательств.

Несмотря на часто уместное и уместное позиционирование утверждения о процессуальной самостоятельности следователя, он не освобождается от необходимости правильного и, главное, законного применения норм уголовно-процессуального законодательства. Однако, с сожалением, процитируем Эльчина Сафарли: «Правильного выбора в реальности не существует – есть только сделанный выбор и его последствия»². И если ошибок, к сожалению, избежать практически невозможно (но стремиться к этому нужно), то нарушения и злоупотребления остаются на совести правоприменителя, а их нейтрализация и преодоление – цель и гордость любого профессионального участника судопроизводства, вступающего в процесс для защиты частного интереса против всемогущества государства.

¹ См.: Определение Конституционного суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 452-О.

² Сафарли Э. Мне тебя обещали. М. : АСТ, 2011. С. 159.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

Тел.: 8-910-342-66-64

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminalistics Department

E-mail: baev_co@mail.ru

Tel.: 8-910-342-66-64

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Тел.: 8-919-246-97-21

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ ОЗНАКОМЛЕНИЕ СТОРОН С ВАЖНЕЙШИМИ СУДЕБНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ*

Аннотация: статья исследует проблему несвоевременного предъявления сторонам таких важнейших процессуальных документов, как полный текст приговора, особого мнения судьи, протокола судебного заседания, обусловленного несовершенством законодательства, изобилующего обтекаемыми формулировками. Анализируются негативные последствия подобной несвоевременности и даются рекомендации по улучшению ситуации.

Ключевые слова: описательно-мотивировочная часть приговора, протокол судебного заседания, особое мнение судьи.

LATE FAMILIARIZATION OF THE PARTIES WITH THE MOST IMPORTANT COURT DOCUMENTS

Abstract: the article examines the problem of untimely presentation of such important procedural documents as sentence full text, judge's dissenting opinion, court hearing protocol, due to the imperfection of the legislation, replete with streamlined wording. Some negative consequences of such untimeliness are analyzed and recommendations to improve the situation are given.

Key words: descriptive and motivational part of the sentence, protocol of the court hearing, dissenting opinion of the judge.

Поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.

Нет нужды вновь и вновь заострять внимание на первостепенной важности своевременного ознакомления участников судебного процесса с решениями, принимаемыми судом. Несоблюдение этого важнейшего условия создает серьезные препятствия в их процессуальной деятельности, оказывается помехой для подготовки и своевременной подачи обоснованных апелляционных и кассационных жалоб, ходатайств и заявлений.

В свете этого имеет смысл коснуться грандиозной новеллы нашего процессуального законодательства, введенной законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ.

Очевидно, движимый заботой о председательствующем судье, который ранее был обременен скучной монотонной обязанностью огласить весьма пространную описательно-мотивировочную часть приговора, а равно и заботой об участии

* Данная работа представляет собой расширенный вариант пленарного доклада, прочитанного на Международной конференции «Юридические науки и вызовы современности: отечественные и сравнительно-правовые исследования», посвященной 105-летию юридического факультета Воронежского государственного университета (ноябрь 2023 г.).

ках (и зрителях) судебного заседания, вынужденных устало внимать монотонному чтению (и при этом не имеющих возможности оценить обоснованность и убедительность оглашаемой части приговора на слух, при первом впечатлении), законодатель совершил подлинный переворот в процедуре оглашения приговора, императивно предписав оглашать только вводную и резолютивную его часть, что ранее статьей 241 УПК РФ разрешалось только для дел, рассматривавшихся в закрытом судебном заседании.

Практический смысл нововведения вполне очевиден – спокойный, неспешный анализ вручаемой участникам *полной* копии приговора сулит гораздо больше возможностей, нежели утомительное прослушивание объемной описательно-мотивировочной части. К тому же законодатель, учтя интересы потенциальных апелляторов, заботливо продлил сроки апелляционного обжалования с 10 до 15 суток – что же тут не так? Казалось бы, все хорошо?

Оказывается, есть тут некая тонкость. Сроки продлены не просто так – на те же пять суток отложено и вручение копии приговора. Таким образом, вполне естественно предположить, даже не будучи сторонником конспирологии, что отложено оно по очень простой причине – описательно-мотивировочная часть просто еще не готова (в противном случае ее можно было бы вручить сразу же, не дожидаясь пяти дней – ст. 312 УПК это отнюдь не возбраняет).

Итак, приговор уже провозглашается, а есть ли у него описательно-мотивировочная часть, в общем, так и не известно? Можно ли считать такой приговор обоснованным и мотивированным? И если *да*, то чем именно он обоснован и мотивирован?

Нам встречались возражения, что, дескать, внутреннее убеждение судьи

может и не быть еще письменно им эксплицировано, но оно уже существует и может считаться обоснованием резолютивной части. Однако это явно не так. Никакого предварительного, неявного, подсознательного обоснования и (или) внутреннего убеждения не может быть в принципе, внутреннее убеждение имеет место с момента его осознания на явном уровне и становится обоснованием с момента последующего явного изложения, экспликации. Налицо яркий пример *скачка* – прямого действия закона перехода количественных изменений в качественные; а все предыдущие мысли и колебания судьи убеждением не являются, иначе нам придется допустить неоднократные изменения приговора под влиянием внезапного изменения убеждений судьи. Возникновение внутреннего убеждения – итог долгого процесса, но этот итог одномоментный, и именно с ним можно связать окончание судебного слушания и переход к этапу постановления приговора. Отсутствие на момент провозглашения приговора важнейшей части, призванной обосновать приговор, не впадая в конспирологию, объяснить очень трудно. Отметим также, что и часть 2 ст. 303 «Составление приговора» была тем же Законом № 608 дополнена словами: приговор «составлен в полном объеме», т. е. указанием на то, что описательно-мотивировочная часть должна появиться одновременно с двумя своими соседками, – так зачем же откладывать вручение полной копии приговора, почему не вручить ее сразу после провозглашения (или чуть позже – осужденному). Тогда бы и продлевать апелляционный срок не понадобилось?

Практики по этому вопросу у нас пока очень мало, однако в частном порядке с мест уже сообщали, что и этот пятидневный срок вручения не соблюдается; более того, задержка вручения может

оказаться значительной. Никакой санкции за это не предусмотрено, продление срока апелляционного обжалования проблематично – и что делать? Предложения жаловаться председателю суда на нарушение разумного срока в порядке ст. 6¹ УПК РФ не выглядят перспективными, ибо этот срок к сфере ст. 6¹ имеет весьма слабое отношение и в ней не упомянут.

Однако анализируемая новелла, на наш взгляд, связана с неявной линией законодателя на затруднение ознакомления и с некоторыми иными судебными процессуальными документами.

Упомянем в первую очередь *особое мнение* – невозможно отрицать его значение в качестве довода для планируемой апелляционной или кассационной жалобы. Однако по части 5 ст. 310 УПК РФ «5. Особое мнение судьи должно быть изготовлено не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора... приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит. При провозглашении приговора председательствующий объявляет о наличии особого мнения судьи и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение 3 суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления».

Ст. 5 УПК РФ не содержит определения особого мнения, но не вызывает никакого сомнения, что это *документ*, а не просто растрепанные беспорядочные мысли, так что если судья объявляет, что оно есть, значит оно-таки есть как документ, а не будет зафиксировано когда-то в будущем. Кстати, в противном случае нам придется допустить и совершенно неприличный случай, когда судья, заявивший, было, о своем несогласии и намерении подготовить особое мнение, позже (в ходе этих пяти суток) вдруг передумал и фиксировать пресловутое мнение так

и не стал (никакой санкции за это нет!), а при провозглашении приговора председательствовавший судья появление особого мнения уже анонсировал. И с чем стороны тогда будут знакомиться? А как быть, если носитель особого мнения затянул с его представлением, – этот случай в УПК тоже никак не упомянут?

Упомянем еще и об ознакомлении с особым мнением. Части 5–6 ст. 310 УПК РФ наделяют участников правом подачи ходатайства об ознакомлении с ним, но ходатайство, по общему правилу, может быть и отклонено – куда прикажете обжаловать отказ председательствующего участнику в ходатайстве об ознакомлении с особым мнением? На наш взгляд, такое ходатайство отклонению не подлежит и должно быть безальтернативно удовлетворено (с возможным исключением разве что ходатайств гражданского истца или ответчика, если особое мнение не касается вопросов гражданского иска).

К сожалению, все сказанное относится не только к суду первой инстанции, но и к апелляционному производству. Часть 2 ст. 389³³ УПК РФ после замечательного сальто-мортале, описанного упомянутым законом № 608-ФЗ, также допускает появление обосновывающей и мотивирующей части судебного решения позже провозглашения (в ВС РФ – аж до 7 дней), часть 2¹ (принятая ранее) распространяет и на апелляционное производство те же правила ознакомления с особым мнением, что и в суде первой инстанции (безо всякого упоминания об обязательности удовлетворения ходатайств); но особенно интересна часть третья, в которую Закон № 608 добавил примечательные слова: «3. Апелляционные приговор, определение или постановление в течение 7 суток со дня их вынесения *в окончательной форме* (выделено нами. – А. Б.) направляются вместе с

уголовным делом для исполнения в суд, постановивший приговор или вынесший иное итоговое судебное решение».

В окончательной форме! Видимо, существует и какая-то предварительная форма, где живут прообразы будущих описательно-мотивировочных частей и дүхи так и не воплотившихся *in corpore* особых мнений? Но ничего подобного УПК и близко не допускает.

Итак, сама идея отказаться от монотонного чтения описательно-мотивировочной части судебного решения и заменить его спокойным изучением официально заверенной копии полного текста прекрасна, но именно тогда, когда эта копия вручается *незамедлительно*. Естественно, в таком случае, пока эта часть не готова и не оформлена, приговор еще не готов, провозглашать его еще нельзя, но зато не надо и сдвигать/продлевать срок апелляционного обжалования. То же, в общем, можно сказать и по поводу особого мнения: пока судья-«особист» его не зафиксирует явно или не передумает и не решит отозвать его, приговора еще и нет (особое мнение – факультативная его часть), при его временном отсутствии объявлять о его наличии нельзя, ходатайство об ознакомлении с ним должно быть удовлетворено безальтернативно. И никакой окончательной формы приговора, форма и бывает только окончательная, причем *первой свежести*.

В завершение анализа хотелось бы упомянуть еще один «больной документ» судебного процесса, ознакомление с которым может оказаться весьма неудобным и затруднительным, – протокол судебного заседания¹.

Как уже нами не раз отмечалось, протокол следственного действия обладает таким важнейшим свойством, как *безотлагательность* – до тех пор пока протокол не изготовлен и не подписан, следственное действие не может считать-

ся завершенным. Другое важнейшее требование к протоколу – требование *адекватности*: протокол должен отражать все происходящее в ходе следственного действия. Адекватность протокола проверяется и удостоверяется всеми участниками действия, которым предоставлено безусловное право вносить в него замечания и поправки. Ни о каком праве следователя, дознавателя не принять, отклонить вносимые поправки и речи при этом не идет – напротив, прямо указано на необходимость занесения их в протокол.

Однако даже беглый взгляд на ст. 259–260 УПК РФ, касающиеся протокола судебного заседания, обнаруживает, что никаких требований, подобных уже упомянутому, к этому документу не предъявляется даже в редуцированном варианте. Последствия этого на практике трудно оценить.

Ни о какой безотлагательности изготовления протокола УПК вообще не говорит – напротив, закон устанавливает определенный срок для изготовления протокола или его частей (в последнем случае уже налицо казус: суд продолжается, а сослаться на то, что было вчера, нельзя, поскольку подтверждающей это части протокола еще нет). Более того, этот конкретный, казалось бы, срок (трое суток) на деле отнюдь не является жестким, просрочку его УПК вовсе не считает грехом и в части 7 ст. 259 запросто предлагает всего-навсего уведомлять участников, что срок, мол, выдержать не удалось, и сообщать им дату возможного ознакомления с протоколом.

Отсутствие протокола, несвоевременное его изготовление ущемляет право участников судопроизводства на подачу апелляционных жалоб и представлений, поскольку именно в протоколе фиксируются действия суда и в том числе процессуальные нарушения, допущенные

судом и могущие стать основанием для пересмотра постановленного приговора. При этом ни о каком продлении или восстановлении срока подачи таких жалоб или представлений в связи с несвоевременным изготовлением протокола или несвоевременным предоставлением сторонам права с ним ознакомиться речи вновь не идет – во всяком случае, ст. 389⁵ УПК РФ не содержит явного указания на то, что данная причина пропуска апелляционного срока является уважительной.

Некоторым паллиативным средством для исправления столь неприятных ситуаций могло быть продление срока апелляционного обжалования в случае несвоевременного изготовления протокола (или хотя бы явное указание на то, что несвоевременное предоставление протокола для ознакомления должно считаться уважительной причиной пропуска срока апелляционного обжалования); однако в свете дальнейшего изложения этого все равно недостаточно. Логичнее императивно требовать, чтобы протокол был непременно готов к моменту провозглашения приговора.

Возвращаясь к судебному разбирательству в суде первой инстанции, отметим, что несвоевременное изготовление протокола может повлечь и другие, не менее неприятные последствия.

Согласно части 1 ст. 295 УПК РФ, заслушав последнее слово подсудимого, суд удаляется в совещательную комнату. Никакого перерыва или отложения заседания, чтобы дождаться появления протокола, УПК не предусматривает.

Итак, суд удалился в совещательную комнату, прихватив с собой – что? Рассмотрим возможные ответы на этот риторический вопрос. Во-первых, конечно, само дело и, разумеется, обвинительное заключение. Однако материалы дела (и тем более обвинительное заключение) – довольно односторонний

источник, излагающий преимущественно позицию обвинения. Кроме того, в деле явно нет ничего о доказательствах, представленных непосредственно в судебное заседание, – например, нет там показаний свидетеля и специалиста, пришедшего в суд в порядке части 4 ст. 271 УПК РФ, нет показаний допрошенного в суде эксперта или понятого и т. д.

Во-вторых, тезисы выступлений в прениях участников судебного заседания – если эти тезисы участниками заранее подготовлены и представлены суду. Если нет – в отсутствие протокола у суда нет достаточно полного представления о позициях сторон.

В-третьих, собственные записи и заметки, сделанные судьей в ходе процесса. УПК РФ прямо разрешает присяжным заседателям вести собственные записи и брать их с собой в совещательную комнату (п. 3 части 1 ст. 333), относительно же судьи подобного прямого дозволения в УПК нет, хотя нет и прямого запрета. Многие ли успевают?

Неофициальный опрос, проведенный автором данной работы в частном порядке, принес вполне ожидаемые результаты². Вопрос, заданный 50 практикующим и отставным федеральным и мировым судьям, звучал так: «Удавалось ли вам, по вашему мнению, в судебном заседании вести записи, с достаточной полнотой отражающие ход судебного разбирательства и доказательства, приводимые сторонами?»

Были получены следующие ответы:

- практически всегда или, по крайней мере, очень часто – 12 человек (24 %);
- обычно *кое-что* успевал для себя пометить – 28 человек (56 %);
- практически никогда или, по крайней мере, очень редко – 10 человек (20 %).

Наконец, в-четвертых, память судьи сохранила, разумеется, ход процесса; но

насколько полно и безошибочно это отражение? Можно ли полагаться на него с достаточной уверенностью, особенно при рассмотрении сложных, многоэпизодных дел с большим количеством участников с обеих сторон? Кстати, одни и те же события могли отразиться в памяти различных членов коллегии судей по-разному.

Итак, при отсутствии протокола не может быть никакой уверенности в том, что суд в совещательной комнате располагает возможностью объективно, разносторонне и беспристрастно оценить и проанализировать все обстоятельства дела с достаточной полнотой и постановить обоснованный и справедливый приговор. Основным (если не единственным) источником информации для суда становятся материалы дела – стоит ли удивляться тому, что формулировки описательно-мотивировочной части приговора порой дословно совпадают с текстом обвинительного заключения?

По мысли А. В. Дулова и В. В. Печерского, «суд, находясь в совещательной комнате, не имеет перед собой основного и единственного источника доказательства, опираясь на который, он сможет вынести законный и справедливый приговор <...> лишен возможности проверки собранных доказательств (а значит, анализа находящихся в протоколе доказательств, сопоставления доказательств между собой), их оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве»³.

Ничуть не лучше обстоят дела со вторым требованием – требованием адекватности протокола, его соответствия тому, что на самом деле имело место в судебном заседании. Это требование, как нетрудно видеть, к протоколу судебного заседания вообще никоим образом не относится.

Отметим, что удостоверения протокола судебного заседания уголовно-про-

цессуальный закон вообще не предусматривает. Изготовленный секретарем протокол подписывает председательствующий судья, сверяясь разве что со своими воспоминаниями о ходе судебного заседания; однако прошло уже немало времени – можно ли считать эти воспоминания исчерпывающе полными и верными и признать такое подписание удостоверительным действием? На наш взгляд, никоим образом нельзя. Что до остальных членов коллегии судей, то они протокола не подписывают и никаких прав по его проверке и удостоверению не имеют.

Еще плачевнее обстоит дело с участниками судебного заседания – их право удостоверять протокол (или хотя бы ту его часть, где зафиксированы их собственные показания) фактически проигнорировано, и даже право хотя бы ознакомиться с протоколом тоже оказывается далеко не бесспорным и в значительной мере зависит от усмотрения председательствующего.

Часть 6 ст. 259 УПК РФ, указывая на возможность изготовления протокола по частям, ничего не говорит о том, кто решает, осуществится ли такая декомпозиция или нет, и можно ли как-то повлиять на это решение (например, подав соответствующее ходатайство) или обжаловать его. Зато указано, что по ходатайству сторон им *может быть* предоставлена возможность ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления. Может быть – значит, *может и не быть*? Получается, что председательствующий вправе не дать участникам многодневного процесса возможности ознакомиться с частями протокола по мере их изготовления, а дать им весь протокол, что называется, чохом, по окончании процесса, когда многие детали уже изгладилась из памяти за давностью лет и приносить замечания бессмысленно? Кстати, и обжаловать это решение председательству-

ющего тоже уже не имеет смысла, даже если бы это и было возможно.

Можно, конечно, возразить на это в том ключе, что добросовестный профессиональный судья, стремящийся к справедливому разрешению дела по существу, так, разумеется, поступать не должен; однако эта презумпция не выглядит безупречной. Закон должен учитывать и возможную недостаточную добросовестность или профессиональность судьи, и даже такую практическую ситуацию, когда судья не вполне объективен, предубежден относительно одной из сторон и не прочь, формально не нарушая закона, создать для нее определенные проблемы. Кстати, часть 6 ст. 259 формально не запрещает судье предоставить такую возможность лишь одной из сторон, а второй стороне отказать.

Кроме того, ознакомиться и удостоверить – совершенно разные по смыслу понятия. Правильность протокола следственного действия участники его именно *удостоверяют* своей подписью, при этом они вправе сделать поправки и дополнения, подлежащие занесению в протокол. Знакомясь же с протоколом судебного заседания, стороны (вновь не все участники, а только стороны!) вправе всего лишь принести на него замечания, вовсе не обязательно учитываемые в протоколе. Председательствующий обязан всего лишь приобщить их к протоколу, но вправе отклонить и в протокол не вносить, причем возможность обжалования этого его решения в ст. 260 УПК не упоминается. Фактически судья уже после окончания судебного заседания, подменяя свое процессуальное положение, превращается в своеобразного свидетеля или понятого, по памяти свидетельствующего о прошедшем событии: были некие обстоятельства в судебном заседании или не были.

Итак, отсутствие в уголовно-процессуальном законе требований безотлага-

тельности и адекватности применительно к протоколу судебного заседания представляет собой серьезный системный дефект законодательства. Замена письменного протокола судебного заседания аудио- или видеопротоколом не снимет трудностей, связанных с ознакомлением с аудиопротоколом, его удостоверением и адекватным копированием.

По нашему мнению, выход из сложившейся тупиковой ситуации мог бы быть связан только с резким ускорением процесса изготовления протокола и созданием возможности его реального удостоверения всеми участниками. Суд, удаляясь в совещательную комнату для постановления приговора, должен располагать изготовленным и подписанным протоколом судебного заседания по рассматриваемому уголовному делу.

При этом в текст части 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ следует внести поправку, указав, что существенным нарушением уголовно-процессуального права, влекущим отмену приговора во всяком случае, является не просто отсутствие протокола судебного заседания, но отсутствие протокола судебного заседания к моменту ухода суда в совещательную комнату для постановления приговора (или хотя бы к моменту провозглашения приговора).

Единственным выходом, позволяющим реально обеспечить быстрое своевременное изготовление протокола, нам видится резкая интенсификация этой деятельности за счет увеличения количества секретарей-протоколистов, ведущих протокол попеременно. Наконец, полагаем совершенно необходимым закрепить положение о том, что протокол должен быть готов к моменту провозглашения приговора, а сроки ознакомления с протоколом и рассмотрения замечаний на него установить так, чтобы не пропустить срок апелляционного обжалования.

¹ Подробный и обстоятельный анализ проблемы ознакомления сторон с протоколом судебного заседания см. в нашей недавней монографии: *Белкин А. Р. УПК РФ : отменить нельзя поправить? : в 3 т. Т. 3, § 17.7. М. : Юрлитинформ, 2023. Здесь мы ограничимся общим конспективным обзором.*

² См.: Там же.

³ *Дулов А. В., Печерский В. В. Проблемные аспекты стадии судебного разбирательства в уголовно-процессуальном законодательстве России // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 14. Воронеж : ВГУ, 2012. С. 125–131.*

*Российский технологический университет
(РТУ–МИРЭА)*

Белкин А. Р., доктор юридических наук,
профессор

E-mail: anatbel@yandex.ru

Тел.: 8-926-427-80-56

Russian University for Technology

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-926-427-80-56

О ЗНАЧЕНИИ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

А н н о т а ц и я: рассматривается вопрос о влиянии практики суда с участием присяжных заседателей на совершенствование производства по уголовным делам. Выделены направления совершенствования уголовного судопроизводства с учетом практики рассмотрения уголовных дел судами с участием присяжных: правовые позиции и рекомендации Верховного Суда РФ; правовые позиции Конституционного Суда РФ; внесение изменений и дополнений в УПК РФ. Сделан вывод, что необходимы дополнительные изменения в УПК РФ в целях совершенствования производства по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: суд присяжных, судебная практика, права обвиняемого, формы судебного производства.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE PRACTICE OF CONSIDERING CRIMINAL CASES BY A JURY

A b s t r a c t: consideration is given to the impact of jury trial practice on improving criminal proceedings. Directions for improving criminal proceedings are highlighted, taking into account the practice of considering criminal cases by courts with the participation of a jury: legal positions and recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation; legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation; amendments and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It was concluded that additional changes are needed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to improve the proceedings in criminal cases considered by courts with the participation of jurors.

Key words: jury trial, judicial practice, rights of the accused, forms of judicial proceedings.

Поступила в редакцию 11 апреля 2024 г.

Вопрос о роли и значении судебной практики является предметом многих научных исследований и дискуссий¹. По мнению председателя Совета судей РФ В. В. Момотова, «...суд выступает не только в роли холодного интерпретатора закона и его глубокого толкователя, но и является государственной властью, создающей и развивающей право посредством своей ежедневной деятельности»².

Особый научный и практический интерес имеет практика рассмотрения уго-

ловных дел судами с участием присяжных заседателей. Это обусловлено тем, что в суде с участием присяжных заседателей реализуются два конституционных права: право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 47 Конституции РФ) и право граждан РФ участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей (ст. 32 Конституции РФ)³.

Суд с участием присяжных заседателей как сложная форма уголовного судопроизводства 30 лет успешно применяется в Российской Федерации, начиная

с 1 ноября 1993 г.⁴, и оказал значительное влияние на совершенствование уголовного судопроизводства. При производстве по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей, были выявлены проблемы в понимании и толковании отдельных уголовно-процессуальных положений, а также проблемы применения норм УПК РФ. Например, возникали вопросы о применении аналогии в уголовном судопроизводстве, действии уголовно-процессуального закона во времени и в пространстве, неизменности состава суда, праве суда принимать решение о выделении уголовного дела в отдельное производство, об оценке допустимости доказательств. Уточнение этих вопросов, в том числе на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, было учтено при внесении изменений в УПК РФ и в правоприменительной деятельности.

Совершенствование уголовного судопроизводства на основе практики рассмотрения уголовных дел судами с участием присяжных заседателей проводилось по следующим направлениям: правовые позиции и разъяснения Верховного Суда РФ по применению норм УПК РФ; правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам рассмотрения судами уголовных дел с участием присяжных заседателей; внесение изменений и дополнений в УПК РФ.

На основе изучения и обобщения судебной практики Пленум Верховного Суда РФ отметил, что суды в основном правильно применяют уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие производство в суде присяжных. Вместе с тем они допускают ошибки в толковании отдельных положений закона, по-разному решают вопросы, возникающие в практике применения положений одних и тех же статей УПК⁵. Поэтому в

целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм, регулирующих особенности производства по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, Пленум Верховного Суда РФ последовательно в двух постановлениях сформулировал разъяснения по применению этих уголовно-процессуальных норм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 9⁶ и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23⁷.

Вместе с тем одно из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в дальнейшем было скорректировано с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в постановлении от 19 апреля 2010 г.⁸ № 8-П. Это является одним из примеров влияния решений Конституционного Суда РФ на совершенствование производства по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей.

В постановлении от 22 ноября 2005 г. № 23 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «...В соответствии со статьей 29 УПК РФ, определяющей полномочия суда, судья не вправе решать вопрос о выделении уголовного дела. Решение о выделении уголовного дела при такой ситуации принимается следователем только при окончании предварительного следствия до направления дела в суд (ч. 5 ст. 217 УПК РФ)»⁹. Такое категоричное разъяснение Верховного Суда РФ: только следователь, но не суд вправе решать вопрос о выделении уголовного дела, – долгие годы негативно влияло на формирование судебной практики.

В результате Свердловский областной суд обратился с запросом в Конституционный Суд РФ с просьбой проверить конституционность ч. 2 ст. 325 УПК РФ. Рассмотрев запрос, Конституционный

Суд РФ пояснил: «...Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает выделение уголовных дел в отношении обвиняемых, отказывающихся от рассмотрения их дела судом с участием присяжных заседателей, в отдельное производство... Соответственно, статья 325 УПК Российской Федерации – по ее конституционно-правовому смыслу в системе норм уголовно-процессуального законодательства – не исключает возможность разделения судом уголовных дел и в случае возражения части подсудимых против рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, поскольку именно суду, в конечном счете, принадлежит право определять надлежащие процедуры для рассмотрения конкретного уголовного дела... оценивая достаточность либо недостаточность оснований для применения таких процедур...» (п. 6 описательной части постановления от 19 апреля 2010 г. № 8-П). «...суд при проведении предварительного слушания – с учетом обстоятельств, лежащих в основе ходатайства отдельных обвиняемых против рассмотрения их дела с участием присяжных заседателей, – правомочен разрешить вопрос о выделении дела для обеспечения его рассмотрения в отношении этих лиц судом в составе профессиональных судей...» (п. 2 резолютивной части постановления от 19 апреля 2010 г. № 8-П).

Правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что суд, а не только следователь правомочен разрешить вопрос о выделении дела в отдельное производство, существенно скорректировала правовую позицию Верховного Суда РФ по этому вопросу. В 2018 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 были внесены изменения, соответствующие правовой позиции Конституционного Суда РФ¹⁰.

Вывод Конституционного Суда РФ базируется на положении, которое явля-

ется общепризнанным в теории уголовного процесса, о возможности применения уголовно-процессуальной аналогии.

Возможность применения уголовно-процессуальных норм по аналогии, конечно, не исключает необходимость дальнейшего совершенствования норм УПК РФ. На основании и во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П были последовательно внесены изменения в УПК РФ: 2011 г. – п. 7 ч. 1 ст. 236 и ч. 2 ст. 325¹¹, 2013 г. – п. 7 ч. 2 ст. 229 и ст. 239-1. Суд наделен полномочием в предварительном слушании принимать решение о выделении или невозможности выделения уголовного дела в случаях, предусмотренных УПК РФ, если раздельное рассмотрение судами уголовных дел не отразится на всесторонности и объективности их разрешения.

Практика рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей с 1993 по 2001 г. была учтена при разработке УПК РФ. Раздел X УПК РСФСР «Производство в суде присяжных» был существенно переработан и дополнен. В главу 42 УПК РФ «Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» также неоднократно вносились изменения и дополнения на основе судебной практики и в целях ее совершенствования.

Основанием производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, является ходатайство обвиняемого о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Поэтому положения УПК РФ о выборе суда с участием присяжных заседателей подлежат дальнейшему изучению в целях эффективного функционирования этой формы судебного производства.

В соответствии с УПК РФ следователь по окончании ознакомления с ма-

териалами дела обязан разъяснить обвиняемому его право заявить ходатайство о выборе формы судебного производства (ч. 5 ст. 217). В протоколе ознакомления с материалами дела делается соответствующая запись о разъяснении обвиняемому его права, а также отражается желание обвиняемого воспользоваться этим правом или отказаться от него (ч. 2 ст. 218).

По мнению Н. А. Колоколова, следователь должен быть освобожден от этой обязанности, «должен быть освобожден от несвойственных ему функций», так как следователь является представителем стороны обвинения, а «...речь идет об определении параметров предстоящего судебного заседания, в основе организации которого – принцип состязательности». «Поскольку речь идет о реализации прав обвиняемым в суде, то и разъясняться они должны судом, уже после утверждения обвинительного заключения поступления уголовного дела в суд»¹².

Предложение Н. А. Колоколова интересно, обосновано и может быть учтено законодателем.

Однако по действующему УПК РФ требования ч. 5 ст. 217 выполняет следователь на предварительном следствии по окончании ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Поэтому необходимо дальнейшее изучение и совершенствование практики применения положений ч. 5 ст. 217 и ч. 2 ст. 218 УПК РФ.

Во-первых, для заявления обоснованного ходатайства о выборе формы судебного производства обвиняемый должен знать и понимать условия заявления ходатайства и его процессуальные последствия, т. е. особенности проведения судебного разбирательства. Однако ч. 5 ст. 217 УПК РФ предусматривает разъяснение только особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участи-

ем присяжных заседателей. Считаем, что обвиняемому необходимо разъяснять также особенности рассмотрения дела коллегией из трех судей, последствия заявления ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства, основания проведения предварительного слушания. Так, если в ходатайстве стороны не содержится мотивов и оснований для проведения предварительного слушания, судья при отсутствии таких оснований принимает решение об отказе в удовлетворении ходатайства и назначает судебное заседание без проведения предварительного слушания (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28¹³).

Во-вторых, ч. 2 ст. 218 УПК РФ не обязывает следователя в протоколе ознакомления с материалами дела делать запись о разъяснении обвиняемому особенностей рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, прав обвиняемого в судебном разбирательстве и порядка обжалования судебного решения.

Таким образом, проблема применения норм ч. 5 ст. 217 и ч. 2 ст. 218 УПК РФ состоит в следующем: 1) должен ли следователь разъяснять особенности всех форм судебного производства (рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, рассмотрение уголовного дела коллегией из трех судей, применение особого порядка судебного разбирательства, проведение предварительного слушания); 2) в каком протоколе следователь должен не только процессуально закреплять факт разъяснения особенностей производства, но и включать в протокол перечень особенностей всех форм судебного производства.

Актуальность этой проблемы подтверждается тем, что вопросы реализации положений ч. 5 ст. 217 и ч. 2 ст. 218 УПК РФ были предметом рассмотрения

Конституционным Судом РФ. Конституционный Суд РФ последовательно обосновывает конституционно-правовую позицию о том, что требования УПК РФ по реализации прав обвиняемого, в том числе конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 47 Конституции РФ), обязательны для исполнения следователем.

Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 298-О¹⁴: «...Это положение прямо закреплено в пункте 1 части пятой статьи 217 УПК Российской Федерации и в соответствии с частью второй статьи 1 УПК Российской Федерации обязательно для исполнения следователем».

Определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 217-О¹⁵: «Обвиняемый, заявляя ходатайство о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, уведомляется об особенностях производства в данном суде и соглашается с ними».

Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2820-О¹⁶: «Статьи 217 и 218 УПК РФ детализируют право обвиняемого знакомиться по окончании расследования со всеми материалами уголовного дела, а также обязанность следователя разъяснить обвиняемому его права... Названные статьи не содержат положений, ограничивающих конституционные права обвиняемого, а, напротив, направлены на обеспечение этих прав...».

Вопросы реализации права обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей также исследовались при апелляционной и кассационной проверке приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей. Например, Верховный Суд РФ отменял приговоры и направлял дела на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям: органами предвари-

тельного следствия не в полном объеме выполнены требования уголовно-процессуального закона и протоколы разъяснения обвиняемым их прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ, не содержат всех законных положений, обеспечивающих гарантию прав обвиняемых в случае изъявления ими желания рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей, порядок проведения предварительных слушаний в случаях, предусмотренных ст. 229 УПК РФ¹⁷; вопреки требованиям п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ, вместе с правом на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей не были разъяснены особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, права обвиняемого в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения¹⁸; не были разъяснены особенности судебного рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, включая права обвиняемого в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения, несмотря на то, что данные особенности существенно отличаются от обычной формы судопроизводства¹⁹; с особенностями производства и судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей подсудимого на предварительном следствии не ознакомили²⁰.

Изучение следственной практики показывает, что следователи, руководствуясь рекомендациями по составлению процессуальных актов предварительного следствия²¹, о выполнении предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ действий делают соответствующую запись в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела. Бланк протокола воспроизводит требование п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ о том, что следователь разъясняет обвиняемому особенности рассмотрения уголовного дела су-

дом с участием присяжных заседателей, права обвиняемого в судебном заседании и порядок обжалования судебного решения, но не содержит перечня этих особенностей и перечня прав обвиняемого.

Более того, ч. 5 ст. 217 УПК РФ, а соответственно и бланк протокола ознакомления с материалами дела, не содержат положений о том, что следователь должен разъяснить и особенности других форм судебного производства: особенности рассмотрения уголовного дела коллегией из трех судей; особенности применения особого порядка судебного разбирательства; особенности проведение предварительного слушания.

В следственной практике применяется и другой способ процессуального оформления действий следователя, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ: составляется дополнительный (дополнительно к протоколу ознакомления с материалами дела) «Протокол о разъяснении обвиняемому условий выбора порядка судопроизводства». Составление подобного «отдельного» протокола было предусмотрено в УПК РСФСР²²: ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела судом присяжных либо его отказ от использования права на рассмотрение его дела судом присяжных, а также другую позицию обвиняемого по данному поводу следователь обязан зафиксировать в отдельном протоколе, который подписывается следователем и обвиняемым (ч. 2 ст. 424).

Применительно к УПК РФ, вступившему в действие с 1 июля 2002 г., в прокуратуре Алтайского края, с учетом норм УПК РСФСР и практики рассмотрения уголовных дел в Алтайском краевом суде с участием присяжных заседателей с 1 января 1994 г., был разработан бланк «Протокол разъяснения обвиняемому условий выбора порядка судопроизводства» (рекомендован к применению ин-

формационным письмом прокурора Алтайского края от 22 июля 2002 г.²³).

В последующие годы бланк был переработан и дополнен. Бланк содержит подробный перечень условий выбора порядка судопроизводства и юридических последствий заявления соответствующего ходатайства: 1) особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, права обвиняемого в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебных решений; 2) порядок заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции; 3) порядок заявления ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства и особенности применения особого порядка судебного разбирательства; 4) порядок заявления ходатайства о проведении предварительного слушания и основания проведения предварительного слушания. Кроме того, в бланк включен текст: «Условия заявления ходатайства о выборе порядка судопроизводства и юридические последствия удовлетворения ходатайства мне разъяснены и понятны». Считаем целесообразным составление следователем этого протокола. Подобные протоколы составляются и в других регионах: в Томской, Новосибирской, Кемеровской областях, городе Севастополе.

Изложенное позволяет сделать вывод о целесообразности дополнения ст. 218 УПК РФ частью 3: «О разъяснении условий заявления и процессуальных последствиях ходатайств, предусмотренных частью 5 статьи 217 настоящего Кодекса, составляется отдельный протокол. Копия протокола вручается обвиняемому». Закрепление в УПК РФ такой нормы будет способствовать дальнейшему совершенствованию производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей».

¹ См., например: *Даровских С. М.* Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве : теоретические основы и процессуальные формы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 380 с. ; *Гук П. А.* Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России : общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 409 с. ; *Видергольд А. И.* Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2017. 252 с. ; *Бугрова Е. Г.* Судебные правовые позиции в системе российского уголовно-процессуального права : понятие, суть, назначение : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 211 с. ; *Глоба М. В.* Роль правовых позиций высших судебных органов Российской Федерации в правовом регулировании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 202 с.

² *Момотов В. В.* О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства : российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 4.

³ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (в ред. федеральных конституционных законов от 25.03.2004 № 1-ФКЗ, от 14.10.2005 № 6-ФКЗ, от 12.07.2006 № 2-ФКЗ, от 30.12.2006 № 6-ФКЗ, от 21.07.2007 № 5-ФКЗ, от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.03.2014 № 6-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁴ См.: О порядке введения в действие Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : постановление Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1314.

⁵ См.: О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 9. URL: <http://www.vsrfl.ru>

⁶ Там же.

⁷ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 2015 г. № 59, от 15 мая 2018 г. № 11, от 28 июня 2022 г. № 22) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. URL: <http://www.vsrfl.ru>.

⁸ По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудяева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18. Ст. 2276.

⁹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 22 декабря 2015 г. № 59, от 15 мая 2018 г. № 11, от 28 июня 2022 г. № 22) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23. URL: <http://www.vsrfl.ru>

¹⁰ См.: О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7 : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 11. URL: <http://www.vsrfr.ru>

¹¹ См.: О внесении изменений в статьи 236 и 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 11 июля 2011 г. № 194-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 29. Ст. 4285.

¹² Колоколов Н. А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Статья 2. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28. URL: <http://www.vsrfr.ru>

¹⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ждана Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 476 (приложение 151) и 477 (приложение 35), части первой статьи 474, статей 476 и 477 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 298-О/2005. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33209.pdf>

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никифорова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 347 и частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 217-О. URL: <https://base.garant.ru/1791018/?ysclid=lu8lus8bp272637783>

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гуркина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 210, 217 и 218 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2820-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision373780.pdf>

¹⁷ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 ноября 2004 г. № 726п04пр // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 14 февраля 2006 г. № 59-О05-10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 12 декабря 2006 г. № 53-О06-33 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 11 июля 2007 г. № 92-О07-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Коротков А. П., Синицын А. П., Тимофеев А. В. Процессуальные акты предварительного следствия и дознания / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2009.

²² См.: УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. (глава X «Производство в суде присяжных» введена Законом РФ от 16 июля 1993 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313.

²³ См.: Дудко Н. А. Производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : предварительное слушание : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 56, 114–117.

Алтайский государственный университет

Дудко Н. А., кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

E-mail: dudkona@yandex.ru

Tel.: 8-903-990-07-77

Altai State University

Dudko N. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Criminal Procedure and Forensics

E-mail: dudkona@yandex.ru

Tel.: 8-903-990-07-77

Е. Л. Комбарова

Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия (г. Воронеж)

О РОЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А н н о т а ц и я: статья посвящена исследованию специфики организационной и доказательственной деятельности председательствующего судьи в процессе рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей. Выявлены и проиллюстрированы примерами из судебной практики отдельные проблемы, возникающие в работе председательствующего. Сформулирован вывод о необходимости систематизации проблемных ситуаций, возникающих в процессе организации председательствующим судебного разбирательства судом с участием присяжных заседателей и разработки криминалистического алгоритма их разрешения. Обозначен тезис о важности выявления закономерностей когнитивных процессов, влияющих на формирование внутреннего убеждения у присяжных заседателей.

Ключевые слова: присяжные заседатели, председательствующий судья, доказывание, объем полномочий судьи, организационная деятельность.

ON THE ROLE OF THE PRESIDING JUDGE IN THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES BY A COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS (PROCEDURAL AND FORENSIC ASPECTS)

Abstract: the article is devoted to the study of the specifics of the organizational and evidentiary activities of the presiding judge in the process of considering a case by a court with the participation of jurors. The individual problems arising in the work of the presiding judge are identified and illustrated with examples from judicial practice. The conclusion is formulated about the need to systematize problematic situations that arise in the process of organizing a trial by the presiding court with the participation of jurors and the development of a forensic algorithm for their resolution. The thesis on the importance of studying the patterns of formation of cognitive processes affecting the formation of internal beliefs among jurors is outlined.

Key words: jurors, presiding judge, evidence, scope of the judge's powers, organizational activity.

Поступила в редакцию 11 апреля 2024 г.

Производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей, регламентированное главой 42 УПК РФ, имеет несомненную специфику.

Анализируя особенности рассмотрения дел в суде с участием присяжных заседателей в контексте исследования роли председательствующего судьи, прежде всего следует отметить, что данная форма судопроизводства вполне обоснованно относится к категории усложненных дифференцированных форм, что предопределяет особую роль председательствующего судьи, реализующего целый комплекс организационных мер, как характерных для разрешения дела в общем порядке (обеспечение общих условий судебного разбирательства, руководство процессом судебного заседания), так и осуществляемых только в рамках рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей (деятельность, связанная с формированием коллегии присяжных заседателей, осуществление организационного руководства их работой, составление вопросного листа, выступление перед присяжными с напутственным словом).

В рамках каждого направления вышеуказанной организационной деятельности судьи встречаются свои сложности и затруднения.

Так, согласно данным судебной практики, отмечает А. А. Ильюхов, 40 % приговоров отменяется из-за неправильной постановки вопросов, подлежащих разрешению судом с участием присяжных заседателей, при этом особую сложность вызывает составление частных вопросов при разрешении многоэпизодных дел, совершенных в соучастии¹.

Часты случаи недостаточной организации судьей контроля за поведением сторон – участников процесса, что нередко влечет оказание ими неправомерного воздействия на присяжных и обуславливает последующую отмену приговора.

Как показывает анализ судебной практики, наиболее распространенными основаниями отмены судебных решений являются действия стороны защиты, могущие повлиять на беспристрастность присяжных заседателей. Проявление подобных действий различно: искажение содержания различных видов доказательств в процессе выступлений, выдвижение версий о причастности к преступлениям свидетелей, необоснованное бездоказательное опорочивание личности потерпевших, оспаривание доказательств с позиции их допустимости в присутствии присяжных и т. д. Также достаточно часто подсудимыми высказываются сведения, имеющие целью опорочить предварительное расследование уголовного дела, в частности, распространены указания на применение незаконных методов следствия, негативные высказывания о личности следователя.

Если подобное поведение подсудимых и адвокатов-защитников носит систематический характер, то суд вышестоящей инстанции, как правило, считает, что замечания председательствующего судьи, направленные на пресечение подобных действий, являются недостаточными, и отменяет судебное решение ввиду наличия факторов, могущих вызвать предубеждение присяжных.

При этом учитываются такие факторы, характеризующие действия председательствующего, как частота воздействия, эмоциональная составляющая, своевременность реакции².

В особо сложных случаях, когда защитник не реагирует на замечания, вступает в пререкания с председательствующим, оспаривает законность и обоснованность его действий в недопустимых формулировках, проявляя неуважение к суду, потенциальная степень предубеждения присяжных в отношении законности деятельности правоохрани-

тельных органов возрастает многократно. В подобных ситуациях отсутствие со стороны председательствующего меры должного процессуального реагирования в форме замены защитника другим защитником (согласно ч. 2 ст. 258 УПК РФ) обуславливает продолжение недопустимого воздействия адвоката на присяжных (а рассмотрение судебных дел иногда длится годами) и серьезно влияет на беспристрастность и объективность вердикта присяжных. Приговор, постановленный на основании такого вердикта, подлежит отмене³.

Вместе с тем, воздействие на присяжных заседателей может также находить свое проявление извне, и в этих случаях председательствующий судья не в состоянии его пресечь, но в дальнейшем при установлении подобных фактов приговор суда, вынесенный на основании вердикта присяжных, отменяется.

Так, по одному из резонансных уголовных дел основанием для отмены оправдательного приговора в отношении подсудимого адвоката В. В. Света явилось воздействие на присяжных стороной защиты, которое выражалось в инициированном защитой тенденциозном освещении судебного процесса региональными средствами массовой информации Белгородской области. При этом в дальнейшем адвокатом-защитником были незаконно получены письменные объяснения всех присяжных заседателей, участвовавших в вынесении вердикта, с указанием их *домашних адресов и телефонов, с одинаковым печатным текстом, из которого следовало, что незаконное воздействие на них не производилось* (при этом в соответствии с ч. 4 ст. 327 УПК РФ списки кандидатов в присяжные заседатели вручаются сторонам без указания их домашнего адреса во избежание оказания на них какого-либо давления). Данный фактор с учетом того об-

стоятельства, что профессиональная адвокатская деятельность подсудимого позволяет ему иметь обширные связи как в правоохранительных органах, так и в судебной системе региона, послужил основанием для изменения территориальной подсудности дальнейшего рассмотрения данного уголовного дела, оправдательный вердикт по которому был отменен⁴.

Председательствующий судья должен осуществлять контроль и за поведением присяжных, принимать своевременные меры реагирования на нарушения. Допускаемое председательствующим бездействие является основанием для анализа степени существенности допущенного нарушения судом вышестоящей инстанции. Так, например, по одному из уголовных дел присяжная заседатель не скрывала неприязненного отношения к подсудимым, делилась с рядом сидящим присяжным заседателем своей убежденностью в совершении подсудимыми умышленного убийства, что являлось нарушением п. 2 ч. 2 ст. 333 УПК РФ, согласно которому присяжные заседатели не вправе высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта. Однако никакой меры ответственности к ней не применялось, и она участвовала в вынесении вердикта наряду с другими заседателями. Приговор суда впоследствии был отменен⁵.

Таким образом, огромное количество организационных проблем, возникающих в деятельности председательствующего судьи, обуславливает необходимость их систематизации по различным направлениям и разработки эффективного криминалистического алгоритма судебной деятельности по обеспечению надлежащей организации судебного разбирательства, профилактике и разрешению проблемных организационных ситуаций (ибо наука криминалистика изучает

в том числе организационную составляющую деятельности профессиональных субъектов доказывания и разрабатывает рекомендации, направленные на повышение качества осуществления ими организационной деятельности).

Далее обратимся к вопросу реализации председательствующим судьей доказывания. Проблема установления объема полномочий в процессе реализации доказательственной деятельности судьи, его активности в процессе доказывания по уголовному делу тесно связана с вопросом определения гносеологического целеполагания судебной деятельности.

Если ранее согласно УПК РСФСР 1960 г. на суд возлагалась обязанность полного, всестороннего исследования доказательств с целью познания объективной истины и судья данную обязанность активно осуществлял, то в действующем УПК РФ законодатель обошелся без данной нормы, таким образом переводя вопрос о гносеологической цели доказывания суда в разряд дискуссионных.

Многими авторами начал отрицаться методологический подход к познанию с позиции диалектического материализма, являвшегося главенствующим в науке советского периода. Напротив, стал активно пропагандироваться релятивизм, основными постулатами которого являются тезисы о проблематичности достоверного, объективного познания окружающей действительности, относительности всего происходящего, необходимости замены объективной истины формальной доказанностью фактов и обстоятельств сторонами – участниками процесса.

Как отмечают исследователи, релятивистский подход «берет за первичное не объективную реальность (материю), а сферу сознания в виде «языковой реальности», отдает приоритет не «объективному доказыванию», а софистическому (состязательно-выигрышному)

искусству аргументации, умению быть убедительнее, сильнее своего процессуального противника», при этом, как отмечают авторы, «все гуманитарные истины субъективны, ибо их мерилom является человек, поскольку он не учитывает действия объективных диалектических закономерностей...»⁶.

Мы согласимся с мнением о том, что, к сожалению, сейчас можно наблюдать кризис классической научной рациональности, отчетливо проявляющийся в отраслевых науках. Ю. С. Климович справедливо отмечает, что отрицание онтологии объективной реальности, влекущей, как следствие, отказ от возможности существования истины в уголовном процессе, ее замену неким стандартом доказывания «вне разумных сомнений», влечет подмену процесса познания гносеосимуляцией, особенно опасной для реальных практиков-правоприменителей. Автор пишет: «Им (практикам. – прим. авт.), имеющим дело с такой важной социальной функцией, как уголовный процесс, в определенном смысле предлагается понизить пафос своей профессиональной деятельности, приблизив ее к сюрреалистичному миру барона Мюнхгаузена, в котором, как мы помним, “правды не существует, правда – это то, что сейчас принято считать правдой”. А раз истины нет, то что тогда есть? На что тогда должна быть направлена деятельность органов уголовного преследования? Может быть на справедливость? Думается, что и это понятие после капитуляции истины в духе номинализма будет срезано оккамовской бритвой, как весьма эфемерная конструкция. А дальше как у классика: “Если Бога нет, всё позволено”»⁷.

При этом проблематично вести речь и о формально-логической доказанности фактов и обстоятельств, поскольку в основе логического мышления также находится понятие истины. Как отмечает

А. Л. Никифоров, отношение логического следования между выводами задается истинной связью между высказываниями; правила вывода, не опирающиеся на понятие логического следования, превращаются всего лишь в игру слов. Отказ от понятия истины влечет утрату способности отличать правильные выводы от неправильных⁸.

К сожалению, релятивизм в настоящее время получил весьма широкое распространение. Квинтэссенцией релятивистского подхода к процессу познания в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, явилось именно активное распространение такой формы судебного производства, как производство в суде присяжных.

Председательствующий судья оценивает доказательства лишь с позиций их относимости и допустимости, а к исключительной компетенции присяжных заседателей отнесена оценка доказательств с позиций их достоверности и достаточности. Таким образом, присяжные заседатели, не имеющие юридического образования, не обладающие зачастую какими-либо специальными познаниями, позволившими бы им полно и всесторонне оценить объективные закономерности, характеризующие событие преступления, выступают, как их называют в литературе, «судьями факта», устанавливая доказанность преступного деяния, виновность подсудимого в его совершении (ст. 334 УПК РФ).

Это обусловило меткое сравнение отдельными исследователями приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей, с «диагнозом и лечением, назначенным на его основании, поставленным прохожими в отношении лица, которому стало плохо на улице»⁹.

Очевидно, осознавая определенную уязвимость анализа присяжными

фактологической составляющей криминального события, законодатель предусмотрел невозможность обжалования приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, приравняв обжалование судебного решения, постановленного судом с участием присяжных заседателей, к пересмотру приговора, вынесенного в особом порядке, когда исследование доказательств в судебном следствии не производится вовсе (ст. 389.27 УПК РФ).

Однако обратимся к специфике анализа доказательственной деятельности судьи.

Разграничивая объем полномочий в деятельности судьи, связанной с организацией судебного разбирательства в суде присяжных, и деятельности по осуществлению доказывания, М. В. Кот полагает, что судья, проявляя значительную организационную активность, неизбежно необходимо для обеспечения эффективного рассмотрения уголовных дел коллегией из числа непрофессиональных, юридически некомпетентных присяжных заседателей, должен занимать более пассивную роль при разрешении дела по существу, поскольку «излишняя активность председательствующего в процессе может произвести неверное впечатление на присяжных и склонить их к одной из сторон»¹⁰. Также, по мнению автора, концентрация судьи преимущественно на организационной составляющей позволит снизить количество процессуальных нарушений и соответственно уменьшить количество отменяемых решений в суде апелляционной инстанции¹¹.

В. А. Судариков также уверен, что председательствующий не должен по собственной инициативе инициировать производство судебных действий следственного характера во избежание фор-

мирования обвинительного уклона. Все доказательства в суде с участием присяжных заседателей могут быть исследованы только по ходатайству сторон¹².

Д. О. Чистилина не связывает активность председательствующего судьи с его предвзятостью, однако отмечает, что действия председательствующего не должны иметь целью установление новых обстоятельств происшествия, возможно лишь уточнение некоторых из них¹³.

По мнению же А. Ю. Астафьева, судья должен предпринимать все меры для устранения возможных сомнений в объективности принимаемого им решения¹⁴.

Д. В. Шандров также отмечает предоставленную судьей законом возможность при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей по собственной инициативе, в целях установления объективной истины, осуществить судебные действия следственного характера, за исключением возможности вызова и допроса дополнительных свидетелей, что, по его мнению, можно объяснить небрежностью законодателя¹⁵.

Л. В. Головкин связывает возможность надлежащего осуществления судом правосудия именно с возможностью получения в процессе судебного следствия по собственной инициативе необходимых судьей доказательств¹⁶.

Таким образом, спектр научных взглядов на степень должной активности суда в исследовании доказательств весьма разнообразен.

Считаем, что деятельность судьи, связанная с формированием доказательств, не противоречит исследовательской функции суда при наличии нескольких условий:

1) собирание доказательств судом не может носить стратегический характер и должно реализовываться только «точечно», с целью разрешения проблемных гносеологических ситуаций;

2) формирование доказательств судом осуществляется лишь при наличии неполноты или противоречивости (в видении суда) фигурирующей в уголовном деле доказательственной информации, препятствующей постановлению объективного и справедливого судебного решения, при неустранении вышеуказанных гносеологических проблем сторонами;

3) процесс формирования доказательств судьей не может носить односторонний характер, отличаться обвинительным или защитным уклоном.

Убеждены, что судья, по собственной инициативе реализуя формирование доказательств, не выходит за пределы своей функции разрешения дела по существу, сохраняя объективность и беспристрастность, поскольку:

1) целеполагание суда в процессе собирания доказательств не носит тенденциозный характер, ибо формирование доказательств осуществляется для разрешения проблемных гносеологических ситуаций, причины возникновения которых судье не ясны (поскольку может наличествовать множество различных факторов, обусловленных противодействием или же неумышленным воспрепятствованием правосудию со стороны различных субъектов);

2) алгоритм проверки противоречивых доказательств неизбежно связан с необходимостью формирования новых доказательств, способных устранить имеющиеся противоречия, поэтому соответствующая деятельность суда не будет выходить за рамки исследовательской, проверочной;

3) формирование доказательств осуществляется посредством назначения и производства судебных действий следственного характера, конечный гносеологический результат проведения которых суду неизвестен (суд не может заранее знать итоговые результаты назначаемых

мой им судебной экспертизы, следственного эксперимента и т. д.), что предопределяет объективность и беспристрастность судебной деятельности, связанной с собиранием доказательств;

4) судебные действия следственного характера как средства судебного познания имеют в своей основе объективную природу, ориентированы на достоверное познание устанавливаемых фактов и обстоятельств, формирование объективной и полной информации путем ее извлечения из материальных и идеальных объектов. Данные судебные действия реализуются посредством применения общенаучных познавательных методов наблюдения, сравнения, измерения, эксперимента, моделирования, использования знаний естественных наук при производстве судебных экспертиз. Именно потому возможностью формирования доказательств путем производства данных познавательных действий наделен и суд.

Соответственно, эти процессуальные действия не могут сами по себе отождествляться с функцией уголовного преследования, поскольку направлены на познание, получение достоверной доказательственной информации.

Несмотря на то что проверку доказательств на предмет их достоверности сам председательствующий не производит, он обязан принять все необходимые меры, чтобы обеспечить все необходимые условия для вынесения объективного решения, базирующегося на полном и всестороннем исследовании всех обстоятельств дела, анализ которых возможен присяжными согласно требованиям закона.

Сами присяжные заседатели не могут осуществлять формирование доказательств. Судья же по собственной инициативе может инициировать производство процессуальных действий. Д. О. Чистилина предлагает разрешить председательствующему совещаться с присяжны-

ми по вопросу истребования дополнительных доказательств для обеспечения большей объективности исследования¹⁷. Нам такое предложение видится неприемлемым, поскольку фактически предполагает участие юридически некомпетентных присяжных в формировании доказательственной базы и может повлиять на их объективность и беспристрастность.

Согласно ч. 4 ст. 335 УПК РФ присяжные лишь вправе задать вопросы участникам процесса после их допроса сторонами. Эти вопросы формулируются в письменном виде и подаются председательствующему через старшину. При этом вопросы могут быть переформулированы председательствующим, а также отведены им как не относящиеся к предъявленному обвинению.

В ходе судебного разбирательства уголовного дела присяжные разрешают только те вопросы, которые предусмотрены п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 299 УПК РФ и сформулированы в вопросном листе. Присяжными исследуются только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается ими в соответствии с их полномочиями.

Соответственно, приобретают существенную специфику действия председательствующего, связанные с анализом доказательств с позиции их относимости, когда доказательственная база оценивается судьей не только на предмет способности доказательств устанавливать фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания, но и с позиции анализа возможности представления их для исследования в соответствии с компетенцией присяжных. Следует отметить весьма широкую степень судейского усмотрения при отборе доказательств, представляемых присяжным заседателям.

Например, в одном случае в присутствии присяжных осуществляется допрос экспертов, в другом допрос экспертов о

методах проведения экспертизы, процессуальных аспектах ее производства председательствующий проводит в отсутствие присяжных, поскольку, по его мнению, данные вопросы выходят за рамки предъявленного обвинения, а потому их рассмотрение не отнесено к компетенции суда присяжных¹⁸.

Дискуссионным является и вопрос о возможности представления присяжным так называемых «шокирующих» доказательств – фототаблиц со снимками обезображенного трупа, одежды со следами крови и т. д. Против их демонстрации присяжным довольно часто возражает сторона защиты, расценивая данный факт как психологическое давление со стороны обвинения на присяжных. Однако, как правило, суд вышестоящей инстанции при обжаловании судебного решения с данным тезисом не соглашается, указывая, что демонстрация данных доказательств имеет значение для установления факта насильственной смерти, способа лишения жизни потерпевшего, соответственно, оснований для исключения из числа доказательств не имеется¹⁹.

Вместе с тем, согласимся с мнением Д. О. Чистилиной о том, что «целесообразно установить единые критерии допустимости демонстрации фотоизображений», в частности, представлять фотоматериалы, отображающие общий план места происшествия, а не детали²⁰.

В соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются судом с участием присяжных лишь в той мере, в которой это необходимо для установления отдельных признаков состава преступления.

В частности, в законе содержится запрет исследовать в присутствии присяжных факты о прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом. Вместе с тем, в недавней редакции постановления Плену-

ма Верховного Суда РФ отмечается, что «в присутствии присяжных заседателей допустимо исследовать вопрос о совершении подсудимым преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения, если это связано с предъявленным обвинением, поскольку такие данные относятся к предмету доказывания по уголовному делу»²¹.

Также ученые обоснованно отмечают, что судебная практика идет по пути запрета исследования данных не только о личности подсудимого, но и о личности потерпевших и свидетелей, если эти сведения могут вызвать предубеждение у присяжных²².

Так, например, одним из оснований для отмены приговора Курганского областного суда с участием присяжных заседателей явилось выступление адвоката в судебных прениях, в рамках которого фактически обращалось внимание на осуществление потерпевшими сбыта наркотических средств, при этом никаких соответствующих доказательств в судебном заседании не исследовалось²³.

Важнейшую роль играет анализ председательствующим доказательств с позиции их допустимости. В силу закона вопрос о недопустимости доказательств разрешается судом в отсутствие присяжных (ч. 6 ст. 335 УПК РФ). При этом особое внимание должно уделяться анализу допустимости и относимости показаний субъектов, ранее не допрошенных в ходе предварительного расследования, о вызове которых ходатайствует сторона. Для этого председательствующий осуществляет предварительный (репетиционный) допрос субъекта в отсутствие присяжных заседателей, чтобы убедиться в том, что его показания отвечают критериям относимости и допустимости и их возможно заслушать присяжным.

При этом редко, но встречаются ситуации, когда председательствующий не

только не пресекает исследование недопустимых доказательств в присутствии присяжных, но и в дальнейшем использует их, обращаясь к присяжным с напутственным словом. Приведем пример из практики. «По ходатайству стороны защиты в ходе судебного следствия присяжным заседателям был представлен акт о применении служебной собаки, составленный инспектором-кинологом, что дало основания стороне защиты ссылаться на этот акт в прениях сторон. Между тем данный акт составлен до возбуждения уголовного дела лицом, не уполномоченным на проверку заявления (сообщения) о преступлении, и не фиксирует производство какого-либо из предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ действий, результаты которых непосредственно могут быть использованы в качестве доказательств. Председательствующий не только не принял мер по устранению недопустимых доказательств из судебного следствия с участием присяжных заседателей, но и привел их в своем напутственном слове, не только напомнив присяжным заседателям об их содержании, но и указав, в частности, на то, что служебная собака не нашла каких-либо следов подсудимых...»²⁴. Данное обстоятельство наряду с иными послужило основанием для отмены приговора суда.

Что касается оценки достоверности и достаточности доказательств, по закону председательствующий судья ее не осуществляет. Как мы упоминали ранее, для судопроизводства в суде с участием присяжных характерна уникальная специфика оценочной деятельности, когда доказательственную базу с позиций относимости и допустимости оценивает председательствующий, а оценка доказательств на предмет их достоверности и достаточности отнесена к компетенции исключительно присяжных заседателей.

Поэтому представляет особый интерес и нуждается в исследовании специфика взаимодействия председательствующего и присяжных заседателей в процессе познания обстоятельств исследуемого события, влияющая на особенности формирования внутреннего убеждения у коллеги присяжных относительно обстоятельств исследуемого события.

Отмечается, что в литературе понятие внутреннего убеждения трактуется неоднозначно: как способ или принцип оценки доказательств; как метод; как критерий оценки доказательств; как результат оценки доказательств, а также как совокупность всех или отдельных указанных направлений²⁵. Указывается на необходимость исследования столь многогранного понятия с нескольких сторон – гносеологической, логической, нравственной, психологической и юридической²⁶.

Интересен анализ закономерностей формирования когнитивных процессов, влияющих на формирование внутреннего убеждения у присяжных заседателей. Это малоисследованная проблема, однако ее анализ очень важен для уяснения особенностей формирования внутреннего убеждения именно у юридически некомпетентных субъектов, не обладающих специальными знаниями. Абсолютно справедливо отмечает А. В. Руденко, что «разработка криминалистических рекомендаций в использовании закономерностей эмоциональных психических процессов может позволить существенно пополнить арсенал тактических приемов и комбинаций. Исследования указанных закономерностей для разработки приемов корректировки собственного внутреннего убеждения субъекта доказывания могут обеспечить выработку рекомендаций по обеспечению достоверности процессуальных решений»²⁷.

¹ См.: *Ильяхов А. А.* Факторы, влияющие на вынесение оправдательных вердиктов судом с участием присяжных заседателей // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 50.

² См.: *Максимова Т. Ю.* Роль председательствующего в формировании у присяжных внутреннего убеждения по делу и недопущении незаконного воздействия на них : сравнительно-правовой анализ норм Устава уголовного судопроизводства 1864 года и УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 556–562.

³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 4 декабря 2019 г. на приговор Московского областного суда от 13 сентября 2019 г. Дело № 4-АПУ19-42СП. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2022 г. Дело № 32-АПУ 22-5-К1. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2 августа 2018 г. Дело № 30-АПУ18-4сп по делу № 2-5/2018. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ *Печников Г. А., Назаров С. Д., Смольяков П. П.* Классическая научно-философская методология и проблемы истины в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2. С. 112, 113.

⁷ *Климович Ю. С.* Об онтологических основаниях отечественного уголовного процесса (в двух частях. Часть 1) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1. С. 26.

⁸ См.: *Никифоров А. Л.* Понятие истины в теории познания / понятие истины в социогуманитарном познании / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. Л. Никифоров. М. : ИФРАН, 2008. С. 53.

⁹ *Кувшинова В. С.* Эффективность института суда присяжных на примере районных судов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4. С. 212.

¹⁰ *Кот М. В.* Роль председательствующего и его полномочия по установлению обстоятельств дела в суде с участием присяжных заседателей / Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 91.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: *Судариков В. А.* Роль председательствующего судьи при осуществлении правосудия судом с участием присяжных заседателей в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

¹³ См.: *Чистилина Д. О.* Принцип состязательности и активность председательствующего в суде с участием присяжных заседателей : проблемы теории и практики // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 78.

¹⁴ См.: *Астафьев А. Ю.* Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 10.

¹⁵ См.: *Шандров Д. В.* Роль председательствующего судьи при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Вестник Томск. гос. ун-та. 2008. № 311. С. 125.

¹⁶ См.: *Головкин Л. В.* Влияние профессионального статуса суда на степень его активности в уголовном судопроизводстве // Закон. 2016. № 1. С. 27–38.

¹⁷ См.: *Чистилина Д. О.* Полномочия председательствующего при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 131.

¹⁸ См.: Определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2006 г. по делу № 44-006-70СП по жалобам на приговор суда присяжных Пермского областного суда от 17 апреля 2006 г. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22 августа 2019 г. по делу № 2-14/2019 на приговор Ростовского областного суда от 5 июня 2019 г. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁰ См.: Чистилина Д. О. Полномочия председательствующего при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей. М., 2020. С. 125, 126.

²¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 (в ред. от 28.06.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.02.2024).

²² См.: Облаков А. А. Пределы допустимости исследования данных о личности участников уголовного процесса в суде присяжных // Актуальные вопросы рассмотрения уголовных дел в суде присяжных : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 19 мая 2017 г.). М. : Юрист, 2017. С. 64.

²³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 декабря 2019 г. по делу № 82-АПУ 19-15сп на приговор Курганского областного суда с участием присяжных заседателей от 20 августа 2019 г. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁴ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. по делу № 2-25/2019 на приговор Краснодарского краевого суда с участием присяжных заседателей от 15 августа 2019 г. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁵ См.: Косой В. А. Внутреннее убеждение судьи // Современное право. 2013. № 3. С. 98.

²⁶ См.: Бохан В. Ф. Формирование убеждений суда. Минск, 1973. С. 93.

²⁷ Руденко А. В. Закономерности формирования внутреннего убеждения субъектов доказывания при оценке доказательств // 30 лет юридической науки КУБГАУ : сборник научных трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2021. С. 441.

Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия
(г. Воронеж)

Комбарова Е. Л., кандидат юридических
наук, доцент, доцент кафедры судебной
экспертизы и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Тел.: 8-950-768-77-80

*The Central Branch of the Russian State University
of Justice (Voronezh)*

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of the Judicial Expertise and Criminalistics
Department

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

Tel.: 8-950-768-77-80

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ, ДОПУЩЕННЫЕ В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ (ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ)

Аннотация: рассматривается вопрос о трансформации специального основания для отмены оправдательного приговора в суде присяжных в юридический состав основания процессуальной ответственности. Обосновывается вывод, что субъектом данного состава ответственности выступает исключительно сторона защиты. Выявляется содержание фактического противоправного поведения, которое в судебной практике расценивается как основание для процессуальной ответственности в рамках рассматриваемой нормы закона. Определены критерии для квалификации действий стороны защиты как оказание воздействия на присяжных заседателей. Проанализировано влияние процессуальной ответственности стороны защиты на действие принципа состязательности сторон.

Ключевые слова: процессуальная ответственность, противоправное поведение, стороны процесса, оправдательный приговор, суд присяжных.

ON THE LIABILITY OF THE DEFENSE FOR PROCEDURAL VIOLATIONS COMMITTED DURING THE JUDICIAL INVESTIGATION IN JURORS COURT (Part 1 of Article 389.25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)

Abstract: the issue of transforming a special basis for overturning an acquittal in a jury trial into the legal composition of the basis for procedural liability is being considered. The conclusion is substantiated that the subject of this liability is exclusively the defense party. The content of actual illegal behavior is revealed, which in judicial practice is regarded as the basis for procedural liability within the framework of the rule of law in question. The criteria for qualifying the actions of the defense as influencing the jurors have been determined. The influence of the procedural responsibility of the defense party on the operation of the principle of adversarial behavior of the parties is analyzed.

Key words: procedural liability, illegal behavior, parties to the process, acquittal, jury trial.

Поступила в редакцию 29 февраля 2024 г.

Предметом анализа настоящей статьи является обозначенная в ее заглавии норма, предусматривающая специальное основание для отмены оправдатель-

ного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, в случае существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые привели к ограничению права стороны обвинения

на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

При первом приближении не совсем понятно, какое отношение имеет вопрос об ответственности к содержанию указанной нормы закона. Однако мы смеем утверждать, что положения ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ в том значении, которое им придает современная правоприменительная (в первую очередь – судебная) практика, представляют собой не что иное, как юридический состав основания уголовно-процессуальной ответственности. Более того, этот состав направлен по отношению только к одному субъекту ответственности, поскольку он отражает фактическое противоправное поведение стороны защиты, за совершение которого предусмотрена такая мера ответственности, как отмена оправдательного приговора с направлением дела на новое рассмотрение.

Дискуссия о существовании уголовно-процессуальной ответственности имеет давнюю историю¹. Количество разнообразных научных исследований по данной теме позволяет принять как факт наличие в формальном праве самостоятельного института ответственности. Поэтому наша цель состоит не в выдвижении новых аргументов в рамках этой дискуссии, а в демонстрации примера того, как норма закона, которая, казалось бы, призвана ограничить основания для отмены оправдательных приговоров (в том числе для этого в тексте нормы используется выражение «лишь при наличии...») и тем самым предоставить стороне защиты дополнительные гарантии от произвольного пересмотра состоявшегося по делу оправдательного приговора, на практике применяется в противоположном направлении, фактически выступая как основание для применения санкции

в виде отмены того итогового судебного решения², которое отвечает интересам стороны защиты, и тем самым делая основания отмены оправдательных приговоров даже шире, чем обвинительных. Кроме того, на примере вопроса о процессуальной ответственности стороны защиты мы хотим показать, какую роль эта ответственность играет в механизме правового регулирования уголовно-процессуального права и как наличие отдельных юридических составов противоправного поведения влияет на действие принципа состязательности и права на защиту от уголовного преследования.

Когда мы говорим об основаниях отмены приговора ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона (применительно к любому проверочному производству), то подразумевается, что эти нарушения допустил суд первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу. То есть это вопрос оценки действий именно суда. На это ориентируют нас положения, например, ст. 389.17 УПК РФ: в них ничего не сказано о нарушениях закона, допущенных сторонами, а говорится исключительно о действиях суда.

Буквальное прочтение положений ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ также ориентирует нас на оценку действий суда с точки зрения соблюдения права стороны обвинения на представление доказательств и других требований уголовно-процессуального закона, касающихся рассмотрения дел с участием присяжных заседателей.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» довольно дли-

тельное время сохранялось в редакции, которая не содержала подробных разъяснений о применении указанной нормы закона. Однако постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 22 был введен пункт 42.1, в котором в качестве примера иных существенных нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявших на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов, отмечено: оказание на присяжных заседателей незаконного воздействия, в результате чего присяжные заседатели не могли быть объективными и беспристрастными при вынесении вердикта.

Указанный выше термин «оказание на присяжных заседателей незаконного воздействия», безусловно, может быть распространен на любого участника процесса, включая суд, сторону обвинения и сторону защиты. Но положения ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ исключают сторону обвинения из субъектов этого противоправного поведения, поскольку только сторона обвинения вправе просить об отмене приговора по указанному основанию. Что касается суда, то при апелляционной или кассационной проверке любые его действия проходят оценку с указанной точки зрения, а именно, было или нет судом оказано незаконное воздействие на присяжных заседателей.

На вопрос о том, могут ли действия стороны защиты в ходе судебного следствия быть расценены как «оказание на присяжных заседателей незаконного воздействия», судебная практика дает нам положительный ответ. Рассмотрим это на конкретном уголовном деле, которое получило широкий общественный резонанс, и потому его обстоятельства, в том числе процессуальные, достаточно хорошо известны. Речь идет о деле в от-

ношении врачей Е. В. Белой и Э. С. Сушкевич, которые приговором Калининградского областного суда от 16 декабря 2020 г. оправданы по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ соответственно в связи с вынесением присяжными заседателями оправдательного вердикта. Указанный приговор отменен с направлением дела на новое рассмотрение апелляционным определением Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. со ссылкой в том числе на положения ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ. Судебная коллегия апелляционного суда признала следующие действия стороны защиты в качестве нарушений, которые оказали на присяжных заседателей незаконное воздействие, что отразилось на их объективности и беспристрастности (далее в целях точности формулировок приводятся цитаты из апелляционного определения):

– «стороной защиты в присутствии присяжных заседателей ставилась под сомнение допустимость доказательств, объективность следствия и государственного обвинения. Так, адвокат К. А. Бабасов во вступительном слове с целью оказать эмоциональное воздействие на присяжных указал на “чужовичество” обвинения»;

– «сторона защиты в ходе судебного заседания в нарушение регламента неоднократно допускала реплики и свои пояснения с места, таким образом оказывая воздействие на присяжных»;

– «с целью формирования у присяжных мнения о наличии мотива для оговора свидетелем № 3 подсудимой Е. В. Белой, а также недоверия к ее показаниям стороной защиты свидетелю задавался вопрос о том, подавала ли она документы на занятие вакантной должности главного врача роддома, где исполняющим обязанностями главного врача была Е. В. Белая»;

– «желая поставить под сомнение достоверность показаний свидетеля № 2, стороной защиты задавались вопросы, не относящиеся к обстоятельствам дела, направленные на оценку действий свидетеля, так адвокат К. А. Бабасов спрашивал: “Когда Сушкевич предложила вводить магнезию в родзале, у Вас это не вызвало никаких возражений? Вы согласились с этим?”; подсудимая Е. В. Белая: “Вы как заведующая консилиум организовали при осмотре ребенка?”; адвокат А. В. Золотухин: “Ребенок ФИО32 был пациентом вашего отделения? Вы несли за него какую-либо ответственность?”»;

– «с целью опорочить доказательства стороны обвинения и вызвать предубеждение к свидетелю № 2, подсудимая Е. В. Белая указала на то, что сказанное им “гнусная ложь, которая по заученному тексту говорится 1,5 года”»;

– «при допросе в ходе судебного заседания эксперта стороной защиты ставились вопросы, ставящие под сомнение компетентность эксперта, допустимость представленного экспертного исследования. Так, в присутствии присяжных задавались вопросы о том, почему использовалась литература прошлого столетия, почему при проведении экспертизы не были учтены показания Белой и Сушкевич, встречалась ли ранее в практике эксперта такая причина смерти, как отравление сульфатом магния»;

– «до сведения присяжных была доведена информация о личности подсудимой Э. С. Сушкевич в целях создания ее положительного образа, так при допросе свидетеля стороны защиты № 22 на вопрос защитника М. Ю. Захарова свидетель пояснила, что Э. С. Сушкевич много учится, посещает конференции, ответственна, дисциплинирована».

Может показаться, что изложенные выше выдержки из апелляционного судебного решения по содержанию напо-

минают обвинительный акт (заключение). И это не случайно, поскольку суд апелляционной инстанции, перечисляя допущенные стороной защиты нарушения закона, по сути описывает фактическую сторону противоправного поведения стороны защиты, иными словами, фактическое основание процессуальной ответственности. Между тем сами по себе указанные действия стороны защиты еще не могут быть достаточным основанием для отмены приговора, и уж тем более они недостаточны для констатации наличия состава процессуального правонарушения. Все дело в том, что на председательствующего в суде присяжных возлагается роль предупреждать, выявлять и пресекать любые процессуальные нарушения сторон. В идеале любое недопустимое высказывание стороны защиты должно быть немедленно остановлено председательствующим с последующим разъяснением присяжным заседателям о недопустимости учета этого высказывания. Дополнительной гарантией выступает также напутственное слово председательствующего, в котором он еще раз разъясняет присяжным, что они не могут учитывать при принятии решения все те недопустимые высказывания, которые могли сделать в процессе стороны, и обязаны вынести свободное от внешнего влияния и предубеждений решение. Можно сравнить работу председательствующего в суде присяжных с работой фильтра: он должен молниеносно реагировать на все, что говорят и делают в процессе стороны, и либо допускать это до восприятия присяжных, либо отсекают эту информацию, в том числе посредством дачи присяжным соответствующих разъяснений. Для удобства последующего изложения можно обозначить это «правилом фильтра председательствующего».

Поэтому для преодоления «правила фильтра председательствующего» и от-

несения действий стороны защиты к незаконному воздействию на присяжных заседателей требуется какой-то дополнительный критерий. На основе предложенного нами примера из практики видно, что в данном случае это оценка нарушений стороны защиты с точки зрения их количества. Так, в рассматриваемом деле указанное выше поведение стороны защиты носило системный характер. То есть множество и систематичность недопустимых высказываний стороны защиты даже с учетом своевременных действий председательствующего по пресечению такого поведения и верного реагирования на него позволили апелляционному суду прийти к выводу о том, что на присяжных заседателей оказано незаконное воздействие. Иными словами, количество допущенных стороной защиты нарушений переросло в качество и тем самым было преодолено «правило фильтра председательствующего» и аннулировано значение работы судьи (пусть она и была выполнена хорошо). Следовательно, полномочия председательствующего в суде присяжных не являются достаточной гарантией того, что значение и влияние допущенных стороной защиты нарушений будет нивелировано.

Стоит отметить, что в данном деле суду апелляционной инстанции было достаточно установить количественный критерий для вывода о том, что допущенные стороной защиты нарушения оказали незаконное воздействие на присяжных. То есть самих присяжных заседателей не опрашивали в рамках проверки этих обстоятельств.

Описанный выше подход к пониманию указанных в ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ иных существенных нарушений именно как противоправных действий стороны защиты, за которые наступает процессуальная ответственность, сложился в судебной практике значительно раньше,

чем было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 22. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2015 г. (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г.)³ опубликован аналогичный пример, когда оправдательный приговор суда присяжных заседателей отменен со следующей мотивировкой: «хотя председательствующий в большинстве случаев неоднократно прерывал речь адвоката и его подзащитного Х. и призывал присяжных заседателей не принимать во внимание высказывания стороны защиты, однако из-за множества нарушений, допущенных Х. и его защитником в судебном заседании, которые Судебная коллегия признает существенными, на присяжных заседателей было оказано незаконное воздействие, которое, как справедливо утверждается в апелляционном представлении, повлияло на формирование мнения присяжных заседателей, их беспристрастность и отразилось на содержании ответов на поставленные перед ними вопросы при вынесении вердикта, который не может быть признан законным, объективным и справедливым». Фактические обстоятельства допущенных стороной защиты нарушений выразились в следующем (далее приводятся цитаты из судебного решения):

– «подсудимый в присутствии присяжных заседателей неоднократно заявлял о том, что доказательства в отношении его сфабриковали сотрудники правоохранительных органов и предварительного следствия»;

– «подсудимый в присутствии присяжных заседателей доводил до их сведения, в том числе путем выкриков с места недопустимых фраз, свое мнение относительно правдивости показаний данных

лиц и представленных присяжным доказательств, заявлял о том, что показания свидетели дали под пытками, требовал не осквернять имя его убитого брата, в некорректной форме пытался выяснить у председательствующего судьи процедуру допроса свидетеля Д., высказывался о том, что оглашенные государственным обвинителем стенограммы его телефонных разговоров с различными абонентами являются “враньем следствия”, а следствие не все разговоры им представило»;

– «подсудимый допускал выкрики с места и доводил до сведения присяжных заседателей информацию, не входящую в их компетенцию»;

– «во время допроса в присутствии присяжных заседателей свидетеля Ц. подсудимый комментировал показания свидетеля, высказывая сомнение в их правдивости, а также допускал выкрики с места»;

– «защитник во время исследования признанных судом допустимых доказательств в присутствии присяжных заседателей высказывал сомнения относительно представляемых доказательств, пытаясь их опорочить, когда заявил о том, что в протоколе обыска от 8 февраля 2013 г. по месту жительства Х. отсутствует слово “опечатано”, которое является “выдумкой прокурора”»;

– «во время допроса свидетелей Х. М. и Х. И., которые не являлись подсудимыми по настоящему уголовному делу, защитник поставил перед первым вопросы о его причастности к поджогу кафе “Тушолё” и являлся ли он членом организованной вооруженной группы “Магас”, а перед вторым – вопросы относительно его роли в вовлечении Х. в преступное сообщество “Вилайят Галгайче” и давал ли свидетель указания подсудимому на поджог кафе “Тушолё”»;

– «защитник во время допроса свидетеля Х. И. и подсудимого Х. Я. в присутствии присяжных заседателей выяснял

у свидетеля вопрос о наличии личного бизнеса у подсудимого и что тот строил, а у подсудимого – давал ли тот деньги Х. В. на обучение в Египте, хотя эти обстоятельства не входили в предмет доказывания по делу»;

– «защитник в присутствии присяжных заседателей допускал выкрики с места, комментируя действия председательствующего».

Как видим, установленные в данном деле нарушения, допущенные стороной защиты, аналогичны тем, которые были установлены в деле Сушкевич и Белой.

В другом деле Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя оправдательный приговор суда присяжных, пришла к выводу, что имела место систематичность и целенаправленность воздействия на присяжных заседателей со стороны защиты, повлиявшие на содержание их ответов при вынесении вердикта, а меры реагирования в виде замечаний председательствующего были не достаточны в данном случае. (Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2019 г. № 82-АПУ19-15сп). Аналогичная позиция изложена, например, в Апелляционных определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2019 г. № 33-АПУ19-23сп, от 31 октября 2019 г. № 71-АПУ19-2сп, от 10 сентября 2019 г. № 48-АПУ19-27сп.

Приговор Ставропольского краевого суда от 18 марта 2021 г., постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, которым С. Н. Талавера оправдан по п. «а», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, отменен Третью апелляционным судом общей юрисдикции. В этом деле суд апелляционной инстанции установил, что «стороной защиты

до сведения присяжных заседателей целенаправленно доводилась информация, не относящаяся к обстоятельствам дела и не подлежащая исследованию с участием присяжных заседателей: сведения о личности подсудимого, потерпевшего, свидетелей, информация, ставящая под сомнение законность получения доказательств. Сторона защиты, воздействуя на присяжных заседателей, на их эмоции, напоминая и убеждая в незаконности предъявленного обвинения, комментируя действия председательствующего и оспаривая их законность, сформировала у коллегии присяжных заседателей негативное отношение к обвинению. Сторона защиты не просто поставила под сомнение компетентность органов предварительного расследования, государственного обвинения и суда, а прямо утверждала, что доказательства собраны с нарушением, а коллегия присяжных заседателей введена в заблуждение. Принятые председательствующим меры, которые заключались в основном в прерывании выступления того или иного участника и даже присяжным заседателям разъяснений не принимать сказанное во внимание, были явно недостаточными и недейственными для ограждения коллегии присяжных заседателей от незаконного воздействия. Множественные и повторяющиеся указанные выше нарушения уголовно-процессуального закона, по мнению судебной коллегии, повлияли на беспристрастность коллегии присяжных заседателей и отразились на содержании ответов на поставленные вопросы при вынесении вердикта» (Апелляционное определение от 15 июня 2021 г. № 55-327/2021). Аналогичное решение принято тем же судом при отмене приговора в отношении И. Р. Мнацаканова, оправданного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей по ст. 210.1, ч. 1 ст. 222, ч. 2 ст. 228 УК РФ (Апелляционное определение от 27 октя-

бря 2022 г. № 55-554/2022). Схожие фактические обстоятельства противоправного поведения стороны защиты можно увидеть в Апелляционном определении Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 14 декабря 2020 г. по делу № 55-698/2020.

На основе приведенных примеров можно суммировать, какие действия стороны защиты могут быть отнесены к иным существенным нарушениям для целей ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ:

- эмоциональные высказывания, содержащие негативную оценку деятельности правоохранительных органов, государственного обвинителя и суда;
- нарушения регламента судебного заседания и порядка в судебном заседании, в том числе комментирование действий председательствующего;
- постановка перед допрашиваемыми лицами (свидетелями и др.) вопросов, которые направлены на то, чтобы сформировать у присяжных заседателей недоверие к их показаниям, вызвать к ним предубеждение;
- высказывания об оценке доказательств по делу до начала прений сторон.

Важно отметить, что все указанные нарушения имеют место в ходе судебного следствия и в этом проявляется их повышенная «процессуальная опасность». Когда сторона защиты, например, допускает в ходе судебного следствия высказывания, связанные с оценкой доказательств, она тем самым переносит стадию прений на более ранний этап и заставляет присяжных заседателей невольно анализировать и оценивать доказательства уже с первых минут процесса, хотя по закону они могут к этому приступить, лишь удалившись на совещание.

Поэтому во всех описанных выше делах суды делают акцент именно на нарушениях, допущенных стороной защиты, а оценка роли суда первой инстанции вы-

ступает здесь вторым планом. Это вполне обоснованный подход, поскольку правильное всего отталкиваться от первопричины, а не от следствия. Так как первоначально именно сторона защиты совершает действие (например, выкрикивает что-то с места, неподобающим образом комментирует действия судьи или прокурора и т. п.), то любая последующая реакция суда, даже если она была молниеносной, не может исправить тот факт, что присяжные заседатели уже услышали и восприняли информацию от стороны защиты. Кроме того, не стоит упускать и то, что реакция председательствующего на каждое из многочисленных нарушений стороны защиты порождает у присяжных заседателей мнимое впечатление, что суд действует против стороны защиты, настроен с обвинительным уклоном.

Отмена оправдательного приговора в данном случае выступает именно в качестве санкции за процессуальное правонарушение, поскольку это укладывается в классическую схему механизма ответственности: противоправное поведение влечет реакцию со стороны властного органа в виде неблагоприятных последствий⁴. Поскольку сторона защиты в нарушение требований закона оказала на присяжных заседателей воздействие и это привело к оправдательному вердикту (в этом состоит противоправное деяние и его последствие), то неблагоприятным исходом (в значении санкции) для нее выступает отмена приговора и возвращение дела на стадию судебного разбирательства.

Однако применение такого рода процессуальной ответственности к стороне защиты не является безупречным, поскольку, во-первых, в уголовно-процессуальном законе отсутствует точно такое же, зеркальное, основание для отмены обвинительного приговора суда присяжных и применения к стороне обвинения аналогичной санкции. Вряд ли можно говорить

о пропорциональном действии принципа состязательности, если нарушения стороны защиты имеют значение независимо от выполнения председательствующим своих обязанностей, связанных с устранением из процесса всего, что не относится к компетенции присяжных, и напутствием их на вынесение объективного решения. В то же время обвинительные вердикты присяжных заседателей также могут сопровождаться нарушениями, которые допускает сторона обвинения или суд, но только критерии оценки здесь применяются другие. Во-вторых, если уж и оценивать действия стороны защиты с точки зрения того, оказали ли они воздействие на присяжных заседателей, то это нужно делать только через процедуру опроса самих присяжных, благо Конституционным Судом Российской Федерации такой механизм предусмотрен⁵.

Однако, вновь обращаясь к судебной практике, приходится констатировать, что выработанный при применении положений ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ критерий, согласно которому «правило фильтра председательствующего» не устраняет «процессуальную опасность» нарушений стороны защиты, не применим к обвинительным приговорам суда присяжных.

Так, после отмены оправдательного приговора уголовное дело в отношении Сушкевич и Белой было передано по подсудности в Московский областной суд, где его рассмотрение 6 сентября 2023 г. окончилось обвинительным приговором, основанным на обвинительном вердикте присяжных заседателей. Одним из доводов апелляционных жалоб стороны защиты было оказание незаконного воздействия судом на присяжных заседателей. Для проверки этих доводов суд апелляционной инстанции опросил четырех присяжных заседателей, которые пояснили, что председательствующий по делу судья дважды заходил к ним в совещательную

комнату, при этом он высказал свое мнение после исследования доказательств. Присяжные пояснили, что мнение судьи не повлияло на их мнение, но их возмутило поведение судьи, возникло мнение, что председательствующий заранее обвинил подсудимых. На это суд апелляционной инстанции указал, что в напутственном слове председательствующий неоднократно напомнил присяжным заседателям их обязанность принять решение по делу исключительно на основе доказательств, без влияния каких-либо других факторов, при этом разъяснил им, что если он каким-либо образом выразил свое мнение по делу, то его не стоит принимать во внимание, поскольку его мнение не имеет для них никакого значения. Тем самым председательствующий «нивелировал свое общение с присяжными по поводу исследованных доказательств, и нет оснований для вывода о том, что он оказывал воздействие на присяжных заседателей, формируя у них предубеждение по отношению к подсудимым» (Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2023 г. по делу № 55-259/2023). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации поддержала позицию апелляции, указав, что стадия судебного разбирательства, когда имело место внепроцессуальное общение председательствующего с присяжными заседателями, позволяла устранить негативные последствия такого общения, в том числе предпринятыми со стороны председательствующего мерами по разъяснению свободы присяжных заседателей в принятии решения (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 4-УД 23-58СП-А1).

Итак, в описанной ситуации, когда сам суд отступил от требований закона, «правилу фильтра председательствующего»

сработало и разъяснения председательствующего в напутственном слове устранили возникшие негативные последствия его же действий. Однако это удалось установить во многом благодаря опросу самих присяжных заседателей. Получается, что противоречащие закону действия стороны защиты оцениваются судами по более строгому критерию, нежели действия других участников процесса, в том числе действия председательствующего.

Подводя итог анализу, можно сделать следующие выводы о правоприменительном толковании ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ:

- под иными существенными нарушениями уголовно-процессуального закона суды понимают действия стороны защиты, которые нарушают правила проведения судебного следствия с участием присяжных заседателей;
- при анализе того, оказали ли действия стороны защиты воздействие на присяжных заседателей, суды исходят из количества допущенных нарушений;
- противоправные действия стороны защиты, носящие системный, множественный характер, квалифицируются судами как правонарушение, которое в силу ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ влечет процессуальную ответственность в виде применения санкции – отмены оправдательного приговора.

Выявленное содержание правоприменительного толкования не является безупречным, поскольку оно, при отсутствии в норме закона (ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ) точного перечня нарушений стороны защиты, который может быть расценен как незаконное воздействие на присяжных заседателей, позволяет довольно широко трактовать такие нарушения и оценивать их с более строгих позиций, что отрицательно сказывается на реализации принципа состязательности сторон уголовного процесса.

¹ Не разделяли идею о выделении процессуальной ответственности О. Э. Лейст (Лейст О. Э. Санкции и ответственности по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 103–111), И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин (Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 187). Среди сторонников идеи процессуальной ответственности можно выделить В. М. Корнукова (Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 10–11), З. З. Зинатуллина (Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981. С. 10–12), Г. Н. Ветрову (Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. 112 с.), З. Ф. Коврига (Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. 192 с.), В. В. Бутнева (Бутнев В. В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999. 62 с.).

² Одними из первых сторонников идеи о процессуальной санкции в виде отмены правоприменительного акта были В. М. Горшенев, П. Е. Недбайло (Горшенев В. М., Недбайло П. Е. Юридическая процессуальная форма : теория и практика. М., 1976. С. 38–39).

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ, 2016. № 9, сентябрь.

⁴ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 156 ; Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : основные вопросы общей теории социалистического права. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 371–377 ; Ребане И. А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 182: Труды по правоведению. 5. Тарту, 1966. С. 121.

⁵ См.: По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева : постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П.

Ставропольский краевой суд

Спиридонов М. С., кандидат юридических наук, судья

E-mail: mspiridonov305@gmail.com

Tel.: 8-919-730-35-57

Stavropol Regional Court

Spiridonov M. S., Candidate of Legal Sciences, Judge

E-mail: mspiridonov305@gmail.com

Tel.: 8-919-730-35-57

СЛЕДСТВЕННАЯ ТАКТИКА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ)

А н н о т а ц и я: исследуются вопросы соотношения криминалистической (следственной) тактики с уголовно-процессуальным законом. Определяются тактико-криминалистические компоненты, содержащиеся в нормах уголовно-процессуального закона. Делается вывод о единстве следственной тактики и уголовно-процессуального закона как диалектических категорий и правовых конструкций.

Ключевые слова: следователь, следственная тактика, уголовно-процессуальный закон, уголовно-процессуальная норма, тактический прием.

INVESTIGATIVE TACTICS AND THE CRIMINAL PROCEDURE LAW (ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF CRIMINALISTIC CONTENT AND PROCEDURAL FORM)

Abstract: the article examines the issues of correlation of criminalistic (investigative) tactics with the criminal procedure law. The tactical and criminalistic components contained in the norms of the criminal procedure law are determined. The conclusion is made about the unity of investigative tactics and criminal procedure law as dialectical categories and legal constructions.

Key words: investigator, investigative tactics, criminal procedure law, criminal procedure norm, tactical technique.

Поступила в редакцию 4 декабря 2023 г.

Одним из факторов дифференциации научного знания, как известно, выступает объект научного исследования, его специфика. Для криминалистической науки важен особый – криминалистически значимый объект исследования.

В то же время понятие *криминалистической значимости объекта* весьма относительно, поскольку криминалистически значимая информация, как совершенно точно на это обстоятельство указал Р. С. Белкин, может быть любой

природы¹. Обусловлено это исследованием конкретного преступного деяния и необходимостью установления истины по конкретному уголовному делу, а опосредовано – нормами уголовно-процессуального закона.

По сути, объектом изучения криминалистики является и сам уголовно-процессуальный закон, его нормы. На данное обстоятельство еще в 60-х гг. XX столетия обратил внимание Р. С. Белкин, указав, что «нормы уголовно-процессуального закона – это не наука криминалистика и не наука уголовного процесса,

это закон, который может быть объектом изучения как криминалистики, так и уголовного процесса, причем каждая из этих наук изучает его в своих собственных целях и в своем специальном аспекте»². А в 1977 г. вышла в свет монография О. Я. Баева «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон»³ – многогранное научное исследование, содержащее анализ теоретических и прикладных вопросов соотношения криминалистической тактики (в частности, следственной тактики) с уголовно-процессуальным законом.

Обращение к данной проблеме обусловлено и тем, что криминалистическая тактика (со всем многообразием разработанных в ее системе тактических средств) является центральным разделом криминалистики, через средства которого реализуются все достижения криминалистической техники; криминалистическая же методика в значительной своей части представляет собой адаптацию достижений и средств криминалистической тактики к исследованию определенных видов и категорий преступлений⁴.

Со времени издания указанной работы О. Я. Баева прошли десятилетия, произошли существенные социально-экономические преобразования, изменилось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Но определенные проблемы в части соотношения норм уголовно-процессуального закона и криминалистической тактики не утратили своей актуальности, практической значимости, дискуссионности и на сегодняшний день.

Проблема соотношения следственной (криминалистической) тактики с уголовно-процессуальным законом может быть раскрыта в первую очередь через характеристику соотношения с законом целей и средств тактической дея-

тельности следователя. Именно на основе этих взаимосвязанных элементов (целей и средств) та или иная деятельность, в том числе и деятельность следователя, становится возможной и продуктивной.

Цель следственной тактики, как нам представляется, можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах.

Во-первых, речь идет об *обеспечении* рациональными средствами процесса собирания и исследования доказательств, т. е. собственно о *формировании системы* тактических средств.

Это очевидно, поскольку без средств деятельности цель следственной тактики представляет собой «не более, чем абстрактное стремление, неопределенный идеал, к которому можно стремиться, которого можно желать, но не реализовать»⁵. Любая деятельность, как известно, представляет собой определенное воздействие субъекта на объект. «Однако следователь – это еще не система управления. Ни один руководитель не может никем и ничем управлять, если у него нет средств управления, т. е. каких-либо рычагов, “педалей” и “приводных ремней”»⁶.

Во-вторых, цель следственной тактики выражается, собственно, в *рационализации* (на основе использования тактических средств) процесса получения доказательств в типовых условиях производства того или иного следственного действия с учетом существующих или потенциальных форм противодействия расследованию преступлений.

В этой связи единство уголовно-процессуальной формы (закона) и криминалистического содержания (следственной тактики) заключается в том, что уголовно-процессуальная норма, регламентирующая порядок производства того или иного следственного действия, есть не что иное, как модель структуры этих типовых условий (ситуаций). И эта модель

(норма), по замечанию О. Я. Баева, рационально учитывает гарантии объективности условий для естественного проявления закономерностей, лежащих в основе того или иного следственного действия, порядок производства которого она регламентирует⁷.

Это обстоятельство в первую очередь и предопределяет вывод о том, что уголовно-процессуальный закон «следует понимать не только как внешнюю форму существования уголовно-процессуального права, но и как законченное содержательное целое»⁸. Причем это «целое» включает в себе и определенные компоненты тактико-криминалистического характера, в частности, тактические приемы.

Еще много лет назад ученых-криминалистов заинтересовал вопрос о том, выпадает ли из тактико-криминалистической системы тактический прием, получив свою законодательную регламентацию. Их мнения на этот счет разделились⁹. Разрешение же данного вопроса значимо как для теории криминалистики, практики расследования преступлений, так и, собственно, для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального закона.

В ответах на вышеуказанный вопрос мы придерживаемся убедительного мнения ученых, полагающих, что законодательная регламентация тактического приема означает лишь одно – то, что законодатель признал этот прием «наиболее целесообразным, наиболее рациональным, наиболее эффективным способом действия»¹⁰, и при этом уголовно-процессуальное закрепление тактических приемов «ни в какой степени не затрагивает их содержательной стороны»¹¹.

Эти законодательные конструкции, а именно структурные элементы уголовно-процессуальных норм (о следственных действиях), отражают результаты проявления соответствующих кримина-

листических закономерностей, что позволяет их учитывать наиболее рациональным образом в опосредованном уголовно-процессуальным законом процессе собирания, исследования и использования доказательственной информации. И по своей природе и сути указанные конструкции и их элементы имеют криминалистическую природу.

Иначе возникает некое логическое противоречие, заключающееся в том, что способы действий, установленные законом, и способы действий, выработанные наукой (причем часть из которых, образно выражаясь, принята законом на вооружение), при полной общности их целей представляют собой различные категории, будто бы речь идет о кардинально различных сущностях.

Но если это было бы так, то налицо и более глубокое противоречие, выражающееся в конфликте формы и содержания, закона и науки, а соответственно, в игнорировании их единства, общности целей и способов их достижения.

Дело в том, что тот или иной, в сути своей, тактический элемент (прием, рекомендация, правило), прежде чем стать нормой закона, развивается чаще всего по определенным стадиям – разработки, становления, совершенствования, модернизации. Направления такого развития задает наука и практика, теория и эксперимент.

В этой связи можно вести речь о своего рода трансформации конструктивной правоприменительной (следственной) рефлексии в конструктивную рефлексию нормотворчества, в рефлексию законодателя. Хотя процесс такого рода взаимодействия является обоюдным. Ведь и сами многочисленные нормы уголовно-процессуального закона сформулированы таким образом, что представляют собой, по сути, рефлексивные модели, обращенные к сознанию следователя.

В свою очередь, криминалистическая наука и практика способствуют появлению и усовершенствованию рекомендаций по реализации этих норм, создавая своего рода рефлексивные технологии.

Так, до 1960 г. следственный эксперимент как криминалистический метод познания не признавался самостоятельным следственным действием, поскольку не был урегулирован уголовно-процессуальным законом. В «Настольной книге следователя», изданной в 1949 г., ее авторы характеризовали следственный эксперимент как разновидность следственного осмотра, придавая ему статус «тактического приема расследования, производящегося на научной основе»¹².

В этом же издании обращалось внимание на то обстоятельство, что следственный эксперимент является незаменимым методом решения ряда важнейших задач:

- 1) проверки правильности показаний свидетеля;
- 2) проверки правдоподобности объяснений обвиняемого;
- 3) проверки противоречивости показаний свидетелей и обвиняемых;
- 4) разоблачения сговора о даче ложных показаний¹³.

В свою очередь, восприятие законодателем успешной практики применения данного «экспериментального тактического приема» и его системное осознание как оптимального способа решения ряда криминалистических задач способствовало принятию и реализации законодателем решения о закреплении следственного эксперимента в уголовно-процессуальном законе (УПК РСФСР 1960 г.) как самостоятельного следственного действия.

Разработка в криминалистической науке тактики производства данного следственного действия, предпринятая в том числе и на основе выделения тактических элементов, образующих под-

системы (виды) следственного эксперимента, явилась основой дальнейшей модернизации соответствующей правовой нормы в УПК РФ 2001 г. с включением в нее указания на конкретные классификационные разновидности следственного эксперимента как наиболее рациональные способы его реализации при достижении соответствующих целей.

Аналогичные ранее упомянутым задачи могут быть достигнуты и в ходе проверки показаний на месте – самостоятельного следственного действия, близкого по характеру к следственному эксперименту (а по мнению ряда криминалистов, являющегося его разновидностью¹⁴), в отдельные периоды своего практического применения также именовавшегося «воспроизведением показаний на месте» или «выходом на место».

Однако еще задолго до своего законодательного закрепления в УПК РФ 2001 г. в криминалистической науке подчеркивалась значимость проверки показаний на месте как одного из оптимальных процессуально-тактических средств доказывания, имеющего характер самостоятельного следственного действия. В частности, обобщая опыт «воспроизведения показаний на месте», А. Н. Васильев и С. С. Степичев еще в 1959 г. писали о системности и целесообразности разработанной и апробированной на тот период времени тактики данного следственного действия¹⁵, что и было впоследствии осознано и учтено законодателем при конструировании соответствующей правовой нормы – ст. 194 УПК РФ 2001 г.

Криминалистика в построении своих тактических и иных криминалистических систем, как известно, нередко опирается на обобщения и закономерности, выявленные в иных сферах научного знания. Это обстоятельство, в частности, послужило основанием для систематики тактических средств по их научной природе.

Так, А. Н. Васильев, взяв за основание систематики характер науки, используемой для формирования тактических приемов, выделяет следующие их классификационные группы:

- тактические приемы, основанные на данных логики;
- тактические приемы психологического характера;
- тактические приемы научной организации расследования.

При этом, как замечает А. Н. Васильев, хотя данные логики, психологии и НОТ и являются определяющими в формировании указанных тактических средств, в этом процессе возможно и использование данных иных специальных наук, например, педагогики или кибернетики¹⁶.

Однако это же не приводит (да и не может привести) к утрате приемом (в случае законодательного закрепления) его психологической, логической или какой-либо иной научной «составляющей», а равно, к выпадению приема из устоявшейся криминалистической конструкции – системы тактических средств.

Так, например, к числу известных тактических приемов допроса относится установление с допрашиваемым лицом психологического контакта. В криминалистической науке имеется немало рекомендаций в части достижения собственно цели этого приема – установления контакта с лицом в зависимости от его типологической специфики (с взрослым лицом, несовершеннолетним, малолетним). При этом, что совершенно понятно, криминалистика в обоснование необходимости достижения этой цели допустимыми и рациональными средствами опирается на многочисленные рекомендации представителей психологической области научного знания.

В связи с этим обратимся к ч. 4 ст. 191 УПК РФ, где на сегодняшний день в императивной форме закреплено следующее положение: «При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно». Очевидно, участие такого рода «посредника» в указанных следственных действиях получило законодательное закрепление не просто так. Это правило имеет тактическую направленность (и, думается, является тактическим приемом), а при соблюдении соответствующих рекомендаций, разработанных на стыке психологии и криминалистики, может позитивно способствовать достижению целей, обусловивших выбор и закрепление законодателем в уголовно-процессуальном законе названного императивного предписания (в частности, способствовать установлению и поддержанию с допрашиваемым лицом благоприятного взаимодействия – психологического контакта).

В этой связи убедительным является мнение О. Я. Баева, выделившего, наряду с приемами и рекомендациями, не имеющими процессуального закрепления, также императивные и альтернативные тактические элементы (приемы и рекомендации), содержащиеся в нормах уголовно-процессуального закона¹⁷.

В качестве примера *рекомендательных* по своему характеру тактико-криминалистических элементов (отраженных в нормах УПК РФ в альтернативном виде) можно привести положение, содержащееся в ч. 3 ст. 191 УПК РФ – о праве следователя не допустить к участию в допросе

несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля; очевидно, реализация этого права зависит от тактического усмотрения следователя.

К этой же группе относится тактическое положение (прием-рекомендация), заключающееся в праве следователя запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (ч. 8 ст. 182 УПК РФ). Тактическая цель такого (возможного) запрета очевидна – не допустить какого-либо противодействия производству обыска и достижению задач данного следственного действия.

Нормативно-обязательные (императивные) для реализации тактико-криминалистические элементы, оптимизирующие процесс собирания криминалистически значимой информации, находят свое выражение, например, в ранее упомянутой ч. 4 ст. 191 УПК РФ (об обязательном участии психолога); в ч. 4–6 ст. 193 УПК РФ (о количестве объектов, предъявляемых для опознания) и др.

Следует также отметить, что уголовно-процессуальный закон содержит и запреты на применение отдельных («тактических», в сути своей) способов действий: запрет на постановку наводящих вопросов (ч. 2 ст. 189, ч. 7 ст. 193, ч. 2 ст. 194 УПК РФ); запрет на повторное опознание (ч. 3 ст. 193 УПК РФ); запрет на постороннее вмешательство в ход проверки показаний на месте (ч. 2 ст. 194 УПК РФ) и др.

Анализ действующего УПК РФ (в части, регламентирующей производство следственных действий) позволяет систематизировать имеющиеся в нем тактико-криминалистические элементы не только по их характеру, но и по иным основаниям.

Так, *по целевому назначению* тактико-криминалистические элементы (приемы, рекомендации), отраженные в нормах уголовно-процессуального закона, могут быть подразделены, на наш взгляд, на превентивные (предупредительные), коммуникативные, объяснительные и удостоверительные.

Тактико-криминалистические элементы *превентивного* типа, рационализирующие процесс получения криминалистически значимой информации, находят свое отражение, к примеру, в ч. 8 ст. 193 УПК РФ, предоставляющей следователю возможность (в целях обеспечения безопасности опознающего) производства предъявления для опознания вне визуального восприятия опознаваемым опознающего. Превентивными, по своей сути, выступают положения, закрепленные в ч. 8 ст. 182 УПК РФ (о котором говорилось выше), в ч. 3 ст. 194 УПК РФ (содержащей запрет на одновременную проверку на месте показаний нескольких лиц) и др.

Тактико-коммуникативную направленность, полагаем, имеет законодательная конструкция ч. 1 ст. 187 УПК РФ, согласно которой следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого (как известно, выбор такого места во многом зависит от типологических особенностей допрашиваемого лица, что, в свою очередь, оптимизирует процесс установления психологического контакта и получения от лица криминалистически значимой информации).

Указания на тактические элементы *объяснительного* типа содержатся в ч. 5 ст. 164 УПК РФ, согласно которой потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик предупреждаются об ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ; в ч. 2 ст. 191 УПК РФ, содержащей положение о том, что при

разъяснении потерпевшим и свидетелям в возрасте до шестнадцати лет их процессуальных прав им указывается на необходимость говорить правду; и др.

Удостоверительный характер имеет, к примеру, тактическое положение ч. 14 ст. 182 УПК РФ (о необходимости фиксации в протоколе обыска предпринятых попыток уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы или ценности, с указанием на принятые меры).

В целом же, по особенностям отражения в норме уголовно-процессуального закона ее тактико-криминалистической сущности можно выделить:

1) нормы, непосредственно и явно отражающие свою тактико-криминалистическую сущность (ч. 8–9 ст. 182, ч. 8 ст. 193 УПК РФ и др.);

2) нормы, опосредованно отражающие свою тактико-криминалистическую сущность (уже упомянутая ч. 1 ст. 187 УПК РФ; ч. 11 ст. 182 УПК РФ, тактическая интерпретация которой предполагает возможность и целесообразность осуществления наблюдения за поведенческими реакциями обыскиваемого в целях оптимизации поиска при производстве обыска; и др.).

Научная дискуссия о соотношении криминалистической тактики и уголов-

но-процессуального закона имеет принципиальное значение для четкого разрешения ряда задач:

- определения сущности тактических средств и толкования соответствующих понятий с целью определения их смыслового объема;

- уяснения границ классификационной системы тактических средств (в частности, приемов) и оснований тактовой систематики;

- разграничения по соответствующим признакам категориальных конструкций криминалистической тактики (а именно тактических приемов и тактических рекомендаций);

- совершенствования норм уголовно-процессуального закона на основе достижений криминалистической тактики и систематизации конструктивной практики их применения.

В этой связи возникает необходимость постоянного обращения к вопросам соотношения криминалистической тактики и уголовно-процессуального закона как диалектических категорий и правовых конструкций (на основе осознания их единства), что в конечном счете будет способствовать дальнейшему развитию криминалистической науки и совершенствованию уголовно-процессуального закона.

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 84.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 183.

³ Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Воронеж, 1977.

⁴ Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. М., 2017. С. 168.

⁵ Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 70.

⁶ Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 21.

⁷ См.: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. С. 27.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ См., например: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973. С. 91–98.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. С. 29–30.

¹² Настольная книга следователя / под общ. ред. Г. Н. Сафонова. М., 1949. С. 368.

¹³ См.: Там же. С. 370.

¹⁴ См., например: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 362.

¹⁵ См.: Васильев А. Н., Степичев С. С. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959. С. 2, 19.

¹⁶ См.: Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 33.

¹⁷ См.: Баев О. Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. С. 32.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

ОБ УЧАСТИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКОВ ЛИЦ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ АДВОКАТАМИ

Аннотация: рассматриваются проблемы участия в уголовном процессе лиц, допускаемых к защите наряду с адвокатами, стадии, на которых участие таких лиц предусмотрено законом; предлагается расширить возможность их участия по отдельным вопросам в стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: допуск лиц к защите наряду с адвокатом, «общественный» защитник.

ON PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS REPRESENTSTIVES OF INDIVIDUALS NOT ACTING AS LAWYERS

Abstract: the paper addresses issues related to the involvement in criminal proceedings of individuals allowed to participate in defense alongside lawyers. It examines the stages at which the participation of such individuals is authorized by law and proposes expanding their involvement on specific matters during the preliminary investigation stage.

Key words: participation of non-lawyers in defense, «public» defender.

Поступила в редакцию 12 декабря 2023 г.

Право каждого пользоваться помощью защитника в случае уголовного преследования проистекает из конституционных норм, содержащихся в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ 1993 г. о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи и ч. 2 ст. 48 Конституции РФ 1993 г.: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ, защитник – лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав

и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. На основании ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

В уголовном судопроизводстве сложилась практика, что защитник, не являющийся адвокатом, не вправе участвовать в стадии предварительного следствия, хотя прямого запрета в законе на это не имеется.

До введения в действие УПК РФ 2001 г. в уголовно-процессуальном законодательстве существовали нормы, определяющие статус и процесс допуска к участию в деле «общественного» защитника. Под таковым понимался представитель обвиняемого, выбранный для его защиты коллективом профсоюза, общественного объединения или их коллегиальными руководящими органами, по просьбе о защите от уголовного обвинения, исходящей от обвиняемого или иного лица.

Ст. 47 УПК РСФСР¹ предусматривала допуск защитника (так называемого «общественного» защитника) – представителя профессионального союза или общественного объединения. Допуск к защите производился на любой стадии уголовного судопроизводства на основании документа, удостоверяющего личность такого защитника, протокола собрания коллектива и, разумеется, с согласия самого обвиняемого.

Усмотрения в допуске такого защитника со стороны компетентных должностных лиц и суда закон не разрешал. В стадии судебного разбирательства дела, по усмотрению суда, к защите могли быть допущены близкие родственники обвиняемого (по предъявлении документа о родстве) и иные лица – юристы, работники юридических фирм.

Л. Романова видит важность и необходимость института общественных защитников в уголовном процессе в следующем: «Во-первых, общественный защитник, как правило, обладал особым доверием со стороны подзащитного в силу расчета подзащитного не на его ква-

лификацию, а на его добросовестность. Особенно важным участие такого защитника становилось в условиях назначения адвоката, то есть в таких условиях, когда обвиняемый или члены его семьи, другие заинтересованные в его судьбе лица не могли оплатить услуг адвоката по найму, либо тот адвокат, которого намеревался пригласить доверитель, оказывался до определенного момента занят в иных непрерывных процессах, болен и т. п. Как правило, согласие на роль общественного защитника исходило от лица, обладающего высокой гражданской активностью, обостренным чувством социальной справедливости. И, как правило, участие в деле такого общественного защитника, при условии отсутствия юридического образования, заставляло его изучить нормы уголовного и уголовно-процессуального закона – тем более что эти нормы ни большим объемом, ни повышенной сложностью никогда не отличались. В условиях назначения адвоката уже со стадии предварительного следствия именно общественные защитники выполняли функцию «адвокатского расследования»: собирали сведения и материалы, которые могли стать доказательствами по уголовному делу, оправдывающими подзащитного или смягчающими его вину. То есть использовали те активные незапрещенные законом «иные средства и способы» защиты, которые в рамках социальной бесплатной юридической помощи адвокаты по назначению не использовали и не используют. Кроме того, немаловажно, что обвиняемый в целом обладал правом выбора общественного защитника (например, он мог обратиться в общественную организацию, обратиться в профсоюз своего трудового коллектива или члены его семьи могли обратиться в свои профсоюзы), тогда как даже международным правом признается, что в случае предоставления социаль-

ной юридической помощи у обвиняемого права выбора адвоката нет. Во-вторых, участие в уголовном деле общественного защитника являлось своеобразной формой общественного контроля за законностью именно в сфере уголовного судопроизводства. Следует отметить, что этот факт не являлся «преградой» на пути профессиональной борьбы следователей с преступниками – в советском уголовно-процессуальном законодательстве долгий период времени существовал и статус «общественного обвинителя»².

Одно из первых общественных обсуждений данных проблем состоялось 2 марта 2011 г. в Общественной палате РФ, где проводились слушания по вопросу возвращения в современный уголовно-процессуальный закон защитников от профсоюзных и общественных объединений и защитников-неадвокатов из числа иных лиц с теми же позициями, какие они занимали согласно соответствующим нормам УПК РСФСР. В мероприятии приняли участие представители общественных организаций, Общественной Палаты РФ, Российской Гильдии адвокатов, Адвокатской палаты Московской области, Аппарата Уполномоченного по правам человека в Московской области и представители московской прокуратуры. Участники дискуссии отметили, что московские суды отказывают в допуске к участию в уголовном деле защитникам-неадвокатам в 19 случаях из 20, зачастую безосновательно, например, со ссылкой на возможное затягивание этим защитником судебного процесса. По окончании обсуждений было принято решение о выработке рекомендации к государственным органам о положительном решении вопроса темы мероприятия.

В настоящее время судебная практика складывается таким образом, что по ходатайству лица в стадии судебного

разбирательства в большинстве случаев допускаются иные лица, наряду с адвокатами.

Среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, закрепился термин «общественный защитник», несмотря на то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не использует такое понятие.

Согласно ч. 2 ст. 49 УПК РФ, защитник, не являющийся адвокатом, из числа родственников обвиняемого или иных лиц может быть допущен к участию в деле по усмотрению суда (т. е. только в стадии судебного разбирательства уголовного дела по существу либо судебных разбирательств жалоб подозреваемого, обвиняемого в порядке ст. 125 УПК РФ) и только наряду с адвокатом. Таким образом, участие защитника, не являющегося адвокатом, на стадии предварительного следствия оказалось законодателем полностью ликвидированным, в связи с чем видится нелогичным подход правоприменителя, согласно которому нельзя воспользоваться помощью защитника, не являющегося адвокатом, по вопросам рассмотрения в суде ходатайств по мерам пресечения, обжалования действий лиц в порядке ст. 125 УПК РФ, обжалования таковых решений в суде апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, положения, связанные с участием защитника, не являющегося адвокатом, во многом актуальны и на сегодняшний день, так как на практике сохраняются отдельные проблемы участия таких лиц.

Исходя из изложенного, полагаем, что наиболее востребован «общественный» защитник в современных реалиях в стадии апелляционного и кассационного судопроизводства, а также при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. Верховным судом неоднократно высказывалась позиция, что «...сам по

себе переход от одной процессуальной стадии к другой не может влечь за собой ограничение права на защиту, закрепленного в качестве принципа уголовного судопроизводства»³.

Осужденный, находящийся в местах лишения свободы, – лицо, возможности которого в использовании всех возможных законных средств и способов защиты от уголовного обвинения при обжаловании судебных решений в значительной степени объективно ограничены. Определенной проблемой является сбор осужденным к лишению свободы документов, которые он считает необходимыми приложить к жалобе (апелляционной, кассационной). Осужденный вправе снимать копии документов из материалов дела за свой счет и собственными техническими средствами, но если у него по какой-либо причине этих документов в исправительном учреждении нет, то сделать их самостоятельно осужденный, естественно, не может. Также эта проблема относится к судебным разбирательствам вопросов в стадии исполнения приговора, например, ходатайств осужденных об условно-досрочном освобождении, о замене вида наказания либо исправительного учреждения.

Кроме того, помощь осужденному может понадобиться и в других случаях, которые хотя и рассматриваются в рамках гражданского и административного судопроизводства, но напрямую связаны с порядком и условиями отбывания наказания: обжалование взысканий, наложенных администрацией исправительного учреждения; перевод для дальнейшего отбывания наказания в другое исправительное учреждение того же режима; нарушение иных прав осужденного действиями (бездействием) представителей администрации ИУ и т. д.

Следует отметить, что какие-либо специальные познания, высокая юриди-

ческая квалификация для сбора необходимых документов не всегда требуются (справки с места жительства, документы об имеющемся образовании, справка от работодателя с гарантируемой в случае освобождения осужденного вакансией и т. п.). Подобная деятельность, как и взаимодействие осужденного со своим «неофициальным защитником», свидетельствуют о социальной адаптации заключенного к жизни в обществе.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться этим способом защиты и тем самым ограничение гарантируемого ст. 45 (ч. 2) Конституции Российской Федерации права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, может иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований, одним из которых является неспособность предполагаемого защитника оказывать юридическую помощь подсудимому и выполнять другие свои процессуальные обязанности (определения от 21 октября 2008 г. № 634-О-О, от 28 мая 2009 г. № 792-О-О и от 20 февраля 2014 г. № 227-О). Положения ст. 49 УПК РФ не предполагают право суда произвольно – без учета иных положений УПК РФ, обстоятельств конкретного дела и особенностей личности приглашаемого в качестве защитника – отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого (определения от 22 апреля 2005 г. № 208-О, от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 18 декабря 2007 г. № 917-О-О, от 19 февраля 2009 г. № 152-О-О, от 22 апреля 2010 г. № 486-О-О, от 21 апреля 2011 г. № 577-О-О, от 28 мая 2013 г. № 696-О, от 27 октября 2015 г. № 2319-О, от 26 апреля 2016 г. № 708-О, от 25 января 2018 г. № 188-О и др.).

Так, судам необходимо иметь в виду, что предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ

право на приглашение защитника не означает право обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и не предполагает возможность участия в деле любого лица в качестве защитника. По смыслу положений ч. 2 ст. 49 УПК РФ защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат.

Кроме того, при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства.

Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изоличение одним обвиняемым другого и т. п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 13 «Кодекса профессиональной этики адвоката» (принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.)).

Исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 72 УПК РФ, установленное в п. 3 данной нормы ограничение относится к случаям, когда защитник в рамках данного или выделенного из него дела оказывает или ранее оказывал в ходе досудебного производства либо в предыдущих стадиях судебного производства и судебных заседаниях юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого. Однако это не исключает возможности отвода защитника и в иных случаях выявления подобных противоречий, не позволяющих ему участвовать в данном деле.

При разрешении ходатайства обвиняемого, заявленного в соответствии

с ч. 2 ст. 49 УПК РФ о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника, суду следует не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, но и учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу.

В случае отказа в удовлетворении такого ходатайства решение суда должно быть мотивированным⁴.

Однако так как именно суд своим определением или постановлением разрешает вопрос о возможности участия в судебном заседании в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, то суд, исходя из конституционного требования о реализации права защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом, и не нарушая права и свободы других лиц, также вправе не допустить к участию в деле лицо, о допуске которого в качестве защитника ходатайствует обвиняемый, если поведение такого лица свидетельствует о злоупотреблении правом с его стороны, о неуважении к суду, препятствует надлежащему отправлению правосудия и осуществлению иными участниками процесса своих прав и обязанностей (например, нарушение им порядка в судебном заседании либо неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава). В этом случае суд выносит определение или постановление в том же порядке, что и о допуске к участию в деле.

Что касается стадий участия защитника, допущенного наряду с адвокатом, то по смыслу ст. 49, 51, 52 и 72 УПК РФ и в силу правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда Российской

Федерации, такой участник сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности до тех пор, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе (отстранении от участия в деле) (определения от 24 июня 2008 г. № 453-О-О, от 25 декабря 2008 г. № 871-О-О, от 28 мая 2009 г. № 803-О-О, от 13 октября 2009 г. № 1107-О-О, от 25 сентября 2014 г. № 1916-О и др.). Лицо, не являющееся адвокатом и допущенное к участию в суде первой инстанции в качестве защитника, вправе обжаловать судебное решение в апелляционном порядке и принять участие в заседании суда апелляционной инстанции; если же такое лицо не принимало участия в суде первой инстанции, то в суде апелляционной инстанции оно по определению или постановлению суда может быть допущено в качестве защитника лишь наряду с адвокатом⁵.

С учетом приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации это означает, что статус защитника не требует дополнительного подтверждения судом в последующих судебных стадиях производства по уголовному делу только тогда, когда указанное лицо принимало участие в качестве защитника в суде первой (предыдущей) инстанции.

Однако при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом согласно ч. 1 и ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ неустрашимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на стадии предварительного расследования, предполагает проведение необходимых следственных и иных процессуальных действий в процедурах досудебного производства по уголовному делу, а потому, принимая во внимание, что конституционные принципы правосудия требуют неукоснительного следования процедуре уголовного судопроизводства, гарантирующей соблюдение процессуальных прав его участников, и что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться схожим образом, – защиту обвиняемого на данном этапе уголовного процесса вправе осуществлять лишь адвокат.

Следует отметить, что расходы, понесенные лицом, допущенным к участию в деле в качестве защитника наряду с адвокатом по ходатайству осужденного, не относятся к процессуальным издержкам и не могут быть возмещены такому защитнику за счет средств федерального бюджета⁶. К процессуальным издержкам относятся лишь расходы, связанные с производством по уголовному делу, перечисленные в ч. 2 ст. 131 УПК РФ.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Романова Л. Участие защитника в уголовном производстве : проблемы правоприменения. URL: www.zagr.org/1105.html

³ Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам (с комментариями и пояснениями) / отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин. М. : Юрайт, 2008. С. 80–81.

⁴ См.: О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (в ред. от 28.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Воронежский государственный университет

Суворова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики, адвокат
ВОКА АК «Баяв и партнеры»

E-mail: maidon@yandex.ru

Тел.: 8-903-851-59-51

Voronezh State University

Suvorova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics
Department, Attorney

E-mail: maidon@yandex.ru

Tel.: 8-903-851-59-51

ПРОКУРОР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОБЪЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются актуальные проблемы теории и практики, связанные с процессуальными гарантиями независимости и самостоятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: объективность, беспристрастность, отводы, правовые гарантии, уголовное судопроизводство, прокурор, суд, следователь, обвинительное заключение.

PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROCEDURAL GUARANTEES OF OBJECTIVITY OF ACTIVITY

A b s t r a c t: the article discusses current problems of theory and practice related to procedural guarantees of the independence and independence of the prosecutor in criminal proceedings.

Key words: objectivity, impartiality, challenges, legal guarantees, criminal proceedings, prosecutor, court, investigator, indictment.

Поступила в редакцию 19 декабря 2023 г.

Требование объективности лиц, осуществляющих обвинение, содержится в ряде международно-правовых документов. Важную роль в системе данных документов играют Рекомендации R (2000) Комитета министров государствам – членам совета Европы о роли государственного обвинения в системе уголовного правосудия (приняты Комитетом министров 6 октября 2000 г.). Так, согласно ст. 9 Рекомендаций в отношении организации и внутренней деятельности государственного обвинения, в частности, распределения дел и принятия дела к производству, их осуществление должно отвечать требованиям беспристрастности и независимости. В соответствии со ст. 10 Рекомендаций

все государственные обвинители должны иметь право требования того, чтобы отдаваемые им инструкции были изложены в письменном виде. Если государственный обвинитель считает, что отданная ему инструкция незаконна или противоречит его внутреннему убеждению, должна существовать адекватная процедура возможной замены такого лица.

Установлено также, что при выполнении своих обязанностей государственные обвинители должны выполнять свои обязанности честно, беспристрастно и объективно (ст. 24). Государственные обвинители должны воздерживаться от дискриминации по полу, расе, цвету кожи, языку, религии, политическим и иным мнениям, национальности и социальному происхождению, принадлежно-

сти к национальному меньшинству, имеющемуся имуществу, месту рождения и иным статусам (ст. 25).

Процессуальные гарантии объективности прокурора установлены в ст. 66 УПК РФ «Отвод прокурора». Согласно ч. 1 указанной статьи решение об отводе прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает вышестоящий прокурор, а в ходе судебного производства – суд, рассматривающий дело. В соответствии с ч. 2 ст. 66 УПК РФ участие прокурора в производстве предварительного расследования, а равно его участие в судебном разбирательстве, не является препятствием для дальнейшего участия прокурора в производстве по данному уголовному делу.

В настоящее время неоднозначно оценивается законоположение, согласно которому участие прокурора в производстве предварительного расследования не является препятствием для его дальнейшего участия в производстве по данному уголовному делу.

Мнение большинства исследователей в данном случае совпадает с позицией законодателя. В частности, Е. В. Сидоренко, аргументируя указанное мнение, отмечает, что если один и то же прокурор будет осуществлять надзор за законностью на предварительном следствии и впоследствии он же будет поддерживать государственное обвинение в суде, то надлежащее выполнение одной функции будет не мешать, а только способствовать эффективному выполнению другой¹. По мнению А. М. Баскаловой, знание государственным обвинителем всей истории уголовного дела позволит ему более свободно ориентироваться в деле во время его рассмотрения в суде, что, в свою очередь, повысит качество поддержания государственного обвинения, а следовательно, и обеспечение прав и свобод потерпевшего и подсудимого².

Согласно иной точке зрения, высказанной, в частности, Л. А. Курочкиной, непосредственное участие прокурора в производстве предварительного следствия следует рассматривать как препятствие к объективному исследованию обстоятельств дела в суде, исключающее свободу прокурора в оценке доказательств и формулировании окончательной позиции в судебном заседании. Это обстоятельство необходимо рассматривать как основание для отвода государственного обвинителя³.

На наш взгляд, согласиться с точкой зрения Л. А. Курочкиной нельзя. Отметим, что и большинство опрошенных автором данной работы сотрудников правоохранительных органов (78 % прокуроров и 80 % следователей) полагают обоснованным законоположение, согласно которому участие прокурора в производстве предварительного расследования не является препятствием для его дальнейшего участия в производстве по данному уголовному делу.

В то же время вызывает возражения аргументация по существу верного вывода А. М. Баскаловой о том, что участие прокурора в производстве предварительного расследования не препятствует его дальнейшему участию в судебном разбирательстве. Напомним, что указанный автор утверждает, что знание государственным обвинителем всей истории уголовного дела позволит ему более свободно ориентироваться в деле во время его рассмотрения в суде, что, в свою очередь, повысит качество поддержания государственного обвинения, а следовательно, и обеспечение прав и свобод потерпевшего и подсудимого.

Думается, что участие прокурора в производстве предварительного расследования не должно являться основанием для его отвода, поскольку это не сказывается на его объективности. На наш

взгляд, дело не в том, что повышение качества поддержания государственного обвинения, как полагает А. М. Баскалова, ведет к повышению обеспечения прав подсудимого. Повышение качества обвинения делает защиту более сложной, что, в свою очередь, затрудняет обеспечение законного интереса подсудимого на защиту от предъявленного обвинения.

Следует учесть, что и на стадии предварительного расследования, и на стадии судебного разбирательства основной функцией прокурора является осуществление уголовного преследования. Это утверждение в настоящее время получило четкое закрепление в ч. 1 ст. 37 УПК РФ. Согласно данной норме, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Не случайно и то, что законодатель в главе 6 УПК РФ «поставил» прокурора на первое место среди участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. При этом необходимо учитывать верное и важное замечание И. М. Михайловской о том, что реализация функции обвинения и обвинительный уклон – вещи совершенно различные. Обвинительный уклон является проявлением ненадлежащего выполнения функции обвинения соответствующими участниками процесса⁴.

Таким образом, и на стадии судебного разбирательства, и в суде прокурор, прежде всего, осуществляет уголовное преследование (обвинительную деятельность). Если прокурор убеждается в том, что оснований для уголовного преследования нет, он прекращает ее на стадии предварительного рассле-

дования либо отказывается от обвинения на стадии судебного разбирательства. Поэтому необоснованно говорить о предвзятости прокурора, который участвовал в производстве предварительного расследования, а затем, продолжая эту деятельность, поддерживает обвинение в суде.

Если рассматривать проблему объективности и беспристрастности прокурора более широко, то следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Объективность и беспристрастность прокурора в уголовном судопроизводстве возрастет, если функцию уголовного преследования и функцию надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия будут осуществлять различные подразделения прокуратуры.

Некоторые авторы полагают, что прокурором в уголовном процессе осуществляется единственная функция – уголовное преследование, с которой несовместим «так называемый прокурорский надзор»⁵.

Думается, указанная точка зрения противоречит ч. 1 ст. 37 УПК РФ, в которой, как отмечалось ранее, закреплены две функции прокурора – осуществление от имени государства уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия⁶. Тем не менее рассуждения «о дефектности» сочетания прокурорского надзора и уголовного преследования не лишены смысла. Как отмечал видный дореволюционный отечественный правовед А. Квачевский «от стороны, преследующей, обвиняющей нельзя ожидать отсутствия увлечения одним интересом»⁷.

Участие прокурора в судебном разбирательстве исключается, если имеются общие обстоятельства, исключющие

участие в производстве по уголовному делу, предусмотренные ст. 61 УПК РФ.

Как отметила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая дело Ф. и других, государственное обвинение в суде первой инстанции поддерживала помощник прокурора Б., которая являлась родной сестрой старшего следователя ОМВД, проводившего расследование по делу. Указания в постановлении президиума областного суда о том, что помощник прокурора Б. надзора за расследованием этого дела не осуществляла и что поэтому родственные отношения следователя и государственного обвинителя не являются препятствием для участия ее в суде первой инстанции в качестве государственного обвинителя, противоречат требованиям уголовно-процессуального закона⁸.

На наш взгляд, в УПК РФ не в полной мере закреплены процессуальные гарантии объективности прокурора, в случае расхождения позиции государственного обвинителя с выводами обвинительного заключения, утвержденного руководителем прокуратуры.

В литературе, посвященной прокурорской деятельности, в таких случаях рекомендуется безотлагательно ставить в известность руководителя органа прокуратуры, который утвердил обвинительное заключение, направил дело в суд и поручил ему поддержание государственного обвинения в суде. В результате они должны согласовать единую правовую позицию прокурора, участвующего в судебном рассмотрении уголовного дела. Когда же им не удалось согласовать единую позицию, прокурор, назначенный для поддержания государственного обвинения в суде, должен быть заменен другим прокурором⁹.

По нашему мнению, нельзя согласиться с Л. А. Курочкиной, утверждающей, что такой порядок представляется логичным, так как он исключает по-

спешные и произвольные шаги государственного обвинителя. Дав подчиненному прокурору поручение о поддержании обвинения в суде, руководитель органа прокуратуры не утрачивает контроля за процессуальной деятельностью государственного обвинителя¹⁰.

Согласиться с указанным мнением трудно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, процедура согласования государственного обвинителя с руководителем органа прокуратуры, который утвердил обвинительное заключение, направил дело в суд, не предусмотрена уголовно-процессуальным законом. В соответствии с ч. 4 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства обнаружится невозможность дальнейшего участия прокурора, то он может быть заменен. В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Таким образом, законодатель четко ограничивает случаи невозможности участия государственного обвинителя и его отказ от обвинения, для которого не требуется согласовательных процедур.

Во-вторых, в ходе такого согласования мнение прокурора-руководителя, утвердившего обвинительное заключение, неизбежно будет доминировать над мнением подчиненного прокурора, которому данный руководитель поручил поддержание государственного обвинения по делу. Выражая несогласие с выводами обвинительного заключения, государственный обвинитель вольно или невольно ставит под сомнение компетентность прокурора-руководителя, утвердившего обвинительное заключение. Результаты опроса прокуроров и судей, произведенного самой Л. А. Курочкиной, наглядно подтвер-

ждает этот вывод. В ходе опроса указанный автор выяснял причины, побуждающие государственных обвинителей настаивать на осуждении тех, чья виновность с несомненностью не доказана. В качестве основной причины такой позиции прокурора в суде 60 % прокуроров и 61 % судей назвали подчинение государственного обвинителя руководителю органа прокуратуры, который утверждает обвинительное заключение, назначает государственного обвинителя и направляет дело в суд¹¹.

По указанным основаниям неприемлемым представляется предложение Е. А. Снегирева о том, что необходимо законодательно закрепить правило: работник прокуратуры, которому поручено поддерживать обвинение в суде по конкретному делу, обязан перед направлением дела в суд изучить его и заявить отвод от своего участия в судебном раз-

бирательстве в случае, если доказательственная база обвинения вызывает у него сомнения. Данный самоотвод подлежит обязательному удовлетворению¹².

В связи с данной ситуацией возникает вопрос: не следует ли предусмотреть судебный порядок разрешения спора между государственным обвинителем и руководителем органа прокуратуры, который утвердил обвинительное заключение? Думается, что такое решение рассматриваемой проблемы неоптимально, ибо в таком случае суду придется до вынесения приговора предрешать вопрос о виновности подсудимого.

На наш взгляд, выходом из данной ситуации может быть лишь закрепление в УПК РФ положения о том, что обвинительное заключение утверждает прокурор, который будет поддерживать государственное обвинение.

¹ См.: *Сидоренко Е. В.* Процессуальное положение прокурора в суде первой инстанции в условиях судебной реформы // *Современные проблемы уголовного процесса, криминалистики, прокурорского надзора.* М. ; СПб. ; Кемерово, 1998. С. 115.

² См.: *Баскалова А. М.* Доказывание прокурором обвинения в суде // *Правовые проблемы укрепления российской государственности.* Томск, 2002. С. 52.

³ См.: *Курочкина Л. И.* Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. М., 2004. С. 58.

⁴ См.: *Михайловская И. М.* Права личности новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Рос. юстиция.* 2002. № 7. С. 4.

⁵ *Баев О. Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования. М., 2006. С. 37.

⁶ См.: *Халиулин А. Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 56.

⁷ *Квачевский А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 г. СПб., 1866. Ч. 1. С. 83 ; См. также: *Щегловитов И.* Прокуратура на предварительном следствии // *Юрид. вестн.* 1887. Т. 26. С. 89–90.

⁸ См.: *Бюллетень Верховного Суда РСФСР.* 1985. № 4. С. 8–9.

⁹ См.: *Курочкина Л. И.* Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. С. 52–53.

¹⁰ См.: Там же. С. 52.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: *Снегирев Е. А.* Оценка доказательств по внутреннему убеждению : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 25.

Воронежский государственный университет

Федорин В. Е., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Тел.: 8-950-756-76-19

Voronezh State University

Fedorin V. E., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminalistics

E-mail: fedorin-ve@mail.ru

Tel.: 8-950-756-76-19

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ст. 159.2 УК РФ В СЛУЧАЯХ УМОЛЧАНИЯ О ФАКТАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВЫПЛАТ

Аннотация: приводятся статистические данные количества осужденных лиц по ст. 159.2 УК РФ, указываются поводы для возбуждения уголовного дела, а также подлежащие выдвигению общие версии в случаях умолчания о фактах прекращения социальных выплат. Автор подробно рассматривает обстоятельства, подлежащие установлению при выявлении признаков совершения мошенничества при получении выплат в случаях бездействия лица при необходимости им в установленном порядке проинформировать социальное учреждение о наступлении условий, влекущих изменение (прекращение) социальных выплат. Также приводится перечень проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: мошенничество; умолчание о фактах прекращения выплат; обстоятельства, подлежащие установлению; возбуждение уголовного дела; проверка сообщения о преступлении.

PECULIARITIES OF INSTITUTING CRIMINAL PROCEEDINGS UNDER ARTICLE 159.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CASES OF NON-DISCLOSURE OF FACTS OF TERMINATION OF PAYMENTS

Abstract: the article provides statistical data on the number of convicted persons under article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, indicates the grounds for initiating criminal proceedings, as well as the general theories to be put forward in cases of silence about the facts of termination of social payments. The author examines in detail the circumstances to be established when identifying signs of committing fraud in receiving payments in cases of inaction of a person when he/she is required to inform a social institution in accordance with the established procedure about the occurrence of conditions entailing the change (termination) of social payments. It also provides a list of verification measures prior to the initiation of criminal proceedings.

Key words: fraud, default on the facts of termination of payments, circumstances to be established, initiation of criminal proceedings, verification of the crime report.

Поступила в редакцию 29 мая 2024 г.

Согласно данным судебной статистики Российской Федерации в 2023 г. по ст. 159.2 УК РФ за все время существования этой статьи было осуждено рекордное количество человек, а имен-

но 3527 лиц, при этом по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ осуждено только 439 человек, что объясняется тем, что обычные граждане меньше склонны совершать подобные преступления, нежели лица, работающие в государственных социальных учреждениях и использующие свое служебное

положение в целях выдачи криминальных социальных выплат себе либо несуществующим гражданам, а также соучастникам преступления. Необходимо отметить, что в суде 9 лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ст. 159.2 УК РФ, было оправдано. Это объясняется тем, что далеко не всегда необоснованное получение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат связано с прямым умыслом получателя на хищение данного имущества. Ведь субъективная сторона указанного преступления – прямой конкретизированный умысел¹, а в случаях умолчания о фактах прекращения выплат получатель мог и не знать, что в соответствующем порядке нужно было об этом сообщить в социальное учреждение либо вообще физически не мог этого сделать, а имущественные средства были начислены на его счет либо было передано право ими распоряжаться на его имя без его непосредственного участия.

Поводами для возбуждения уголовного дела по ст. 159.2 УК РФ после выявления признаков совершения мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах, влекущих их прекращение (изменение), являются:

- заявление представителя органа исполнительной власти, учреждения или организации, осуществляющих социальное обеспечение граждан, о фактах получения незаконных выплат после наступления обстоятельств, влекущих их изменение или прекращение;
- сообщения физического лица или представителя юридического лица о ставших им известными фактах получения незаконных социальных выплат после наступления обстоятельств, влекущих их изменение или прекращение;
- рапорт сотрудника правоохранительного органа об обнаружении при-

знаков мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах, влекущих их прекращение.

При поступлении сообщения о совершении мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах их прекращения могут выдвигаться следующие общие версии:

- 1) мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ);
- 2) мошенничество (ст. 159 УК РФ);
- 3) мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ либо ст. 158.1 УК РФ);
- 4) причинение ущерба без прямого умысла на получение незаконных выплат, который может быть возмещен в порядке гражданского судопроизводства.

Рассмотрим следующие обстоятельства, подлежащие установлению при выявлении признаков совершения мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах их прекращения в целях возбуждения уголовного дела по ст. 159.2 УК РФ.

1. Наличие фактов, влекущих прекращение (изменение) социальных выплат, о которых социальное учреждение не было в установленном порядке извещено.
2. В чем конкретно выразилось бездействие лица, продолжающего незаконно получать социальные выплаты.
3. Наличие прямого умысла.

Необходимо установить, что заподозренный знал, что в случае появления оснований для прекращения (изменения) выплат он об этом должен в установленном порядке оповестить соответствующую организацию, осуществляющую социальное обеспечение. Об этом обстоятельстве будут свидетельствовать соответствующие документы, подписанные получателем средств. Например, по делу № 1-44/2021 согласно заявлению о назначении пенсии подсудимый был

ознакомлен с порядком выплаты пенсии с учетом районного коэффициента 1.4, установленного для жителей Крайнего Севера, и что пенсия выплачивается по месту жительства или по месту пребывания, а в случае наступления обстоятельств, влекущих изменение (прекращение) выплат пенсии, обязуется немедленно сообщить в пенсионное отделение. Однако затем он начал проживать на другой территории вне района Крайнего Севера, и, исходя из расчетных листов, пенсия продолжала начисляться с учетом районного коэффициента 1.4. Указанное личное (пенсионное) дело после осмотра признано вещественным доказательством и приобщено к материалам уголовного дела².

Отсутствие соответствующих документов, подписанных заподозренным, о том, что в определенный срок он обязан сообщить о наступлении обстоятельств, влекущих прекращение выплат, будет свидетельствовать об отсутствии прямого умысла на совершение хищения незаконно полученных имущественных средств. Например, в случае смерти пенсионера его близкий родственник, не будучи заведомо предупрежден о необходимости оповестить Социальный фонд России о наступлении смерти лица, влекущего прекращение выплаты пенсии, не может подлежать уголовной ответственности, ведь лицо, даже получая (наследуя) незаконные социальные выплаты, может быть и не в курсе, что необходимо в определенном порядке оповестить подразделение, осуществляющее выплату, об изменении юридических фактов, влекущих прекращение социального обеспечения.

4. Наличие цели хищения.

В некоторых случаях заподозренные в силу занятости, забывчивости и иных субъективных причин не сообщают в социальные органы о наступлении обстоя-

тельств, влекущих прекращение выплат. При этом далеко не всегда они преследуют цель и дальше продолжать получать незаконно социальные выплаты и совершать их хищение. Об этом будет свидетельствовать тот факт, что они сами без угроз привлечения к уголовной ответственности возвращают полученные имущественные средства, а не похищают их, имея возможность ими распорядиться.

Так, например, по делу № 1-44/2021 подсудимая С. обвинялась в хищении денежных средств Минобороны России, а именно в том, что незаконно получила денежную компенсацию за наем жилого помещения на общую сумму 36 091 руб. 20 коп. путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплаты указанной компенсации, а именно о приобретении в собственность жилого помещения. В судебном заседании защитником подсудимой заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, поскольку С. еще до того, как о ее противоправных действиях стало известно правоохранительным органам, возместила причиненный государству ущерб. Рассмотрев ходатайство, в соответствии со ст. 254 УПК РФ суд вынес постановление о прекращении уголовного дела в судебном заседании³. Полагаем, что в случае доказывания факта отсутствия у заподозренной цели хищения необоснованно полученных денежных средств можно было вообще не возбуждать уголовное дело, что значительно бы сэкономило процессуальные издержки, а также силы и средства правоохранительных органов.

5. Наличие реальной возможности в определенный срок оповестить социальные органы о наступлении обстоятельств, влекущих прекращение выплат.

В соответствии с законодательством и иными НПА лица, получающие пособия, компенсации, субсидии и иные со-

циальные выплаты, должны в определенный срок известить органы социального обеспечения о наступлении фактов, влекущих их прекращение (изменение). Например, в соответствии со ст. 10 Федерального закона от 17 июля 1999 г. (в ред. от 14.02.2024) № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» заявитель обязан известить орган социальной защиты населения, который назначил государственную социальную помощь, об изменениях, являвшихся основанием для назначения либо продолжения оказания ему (его семье) государственной социальной помощи в течение двух недель со дня наступления указанных изменений.

Обстоятельствами, затрудняющими взаимодействие заподозренного с соответствующими подразделениями, предоставляющими имущественные льготы и указывающими на невозможность в определенный срок проинформировать социальные органы о наступлении фактов, влекущих прекращение (изменение) социальных выплат, могут являться тяжелое состояние во время болезни; нахождение за рубежом; форс-мажорные обстоятельства, связанные со стихийными бедствиями. Об этом будут свидетельствовать истребованные больничные листы, авиабилеты, командировочные документы, погодные сводки, акт о пожаре и т. д.

6. Принятие необоснованной выплаты осуществлено с ведома и согласия ее получателя.

На практике бывают случаи, когда в отношении лица ошибочно принято решение о социальных выплатах (например, в силу тождественности его фамилии и инициалов с лицом, которому эти выплаты полагаются). В подобных случаях заподозренный вообще не в курсе, от кого и в связи с чем на его счет поступили выплаты. И как указыва-

ет П. С. Яни, если, например, денежные средства зачисляются на банковскую карту лица без его ведома, а он лишь использует полученные средства, не желая их возвращать, то подобное деяние не содержит признаков мошенничества⁴. В правоприменительной практике часто такие события квалифицируют как кража по ст. 158 УК РФ, однако и признаков тайного хищения чужого имущества здесь не усматривается, поскольку случайный получатель ничего не похищал и распорядился денежными средствами, которые считал своими. В случаях отказа возвращать подобные выплаты, опять же в силу разных причин, например, исходя из неблагоприятного материального положения, можно их истребовать в порядке гражданского судопроизводства, для этого совершенно не обязательно привлекать лицо к уголовной ответственности и притягивать за уши какую-нибудь статью Уголовного кодекса. Так, в соответствии с законодательством, регулирующим социальные выплаты, предписано осуществлять удержание излишне выплаченных сумм, например, в соответствии со ст. 19 Федерального закона от 19 мая 1995 г. (в ред. от 25.12.2023) № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», а также в соответствии с ч. 2 ст. 1102 ГК РФ лицо обязано возратить неосновательное обогащение.

7. Заподозренный может подлежать уголовной ответственности.

Уголовная ответственность за совершение мошенничества при получении выплат наступает с 16 лет, однако не во всех случаях подросток достигает соответствующей психической зрелости и осознает противоправный характер своих действий, не говоря уже о бездействии. Поэтому в подобных случаях необходимо назначать в отношении него судебную психологическую экспертизу.

8. Размер причиненного ущерба, нанесенного государству, субъекту РФ, муниципалитету или юридическому лицу, не менее двух тысяч пятисот рублей.

При установлении размера материального ущерба при получении выплат в большинстве случаев умолчания о фактах их прекращения не требуется производства судебно-бухгалтерских экспертиз. Представители потерпевших, как правило, сами предоставляют документы, в соответствии с которыми начислялись незаконные выплаты. На основании бухгалтерских и иных документов социальных учреждений складывается сумма незаконно начисленных выплат с даты прекращения права на их получение, которые должны подтверждаться банковскими документами об их зачислении.

9. Причины и условия, способствующие совершению мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах их прекращения.

Самым распространенным условием, способствующим совершению рассматриваемых преступлений, является отсутствие четкого разъяснения гражданам, в каком порядке и в какой срок они должны оповестить социальную организацию о прекращении (изменении) социальной выплаты, и какой ответственности они могут подлежать в случаях бездействия.

В целях выявления признаков совершения мошенничества при получении выплат в случаях умолчания о фактах их прекращения на этапе возбуждения уго-

ловного дела необходимо проводить следующие проверочные мероприятия:

- получение объяснений от представителей органов и организаций, осуществляющих социальные выплаты;
- получение объяснений от сотрудников социальных учреждений, с которыми непосредственно контактировало заподозренное лицо;
- истребование локальных нормативных актов, на основании которых осуществлялись социальные выплаты;
- истребование документов, свидетельствующих об осуществлении незаконных социальных выплат, от представителей органов и организаций, осуществляющих социальные выплаты;
- получение объяснений и истребование документов от лица, незаконно получавшего выплаты;
- запросы в кредитные организации в целях получения информации о перечисленных заподозренному социальных выплат за определенный период времени;
- запросы в подразделения ЗАГС, больницы и иные организации в целях установления фактов, влекущих прекращение (изменение) социальных выплат;
- осмотр истребованных документов;
- назначение судебных экспертиз в случаях их необходимости.

По результатам проверочных мероприятий дознаватель принимает одно из следующих решений: об отказе в возбуждении уголовного дела; о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ; о передаче сообщения по подследственности.

¹ Ст. 159.2 УК РФ с Комментариями и судебной практикой за 2023–2024 годы (действующая редакция с последними изменениями). URL: <https://stykrf.ru/159-2>

² См.: Приговор от 29 ноября 2023 г. № 1-378/2023 по делу № 1-378/2023. Октябрьский районный суд г. Мурманска (Мурманская область) // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TNLw4zwAKALn/>

³ См.: Постановление № 1-44/2021 от 12 июля 2021 г. по делу № 1-44/2021. Балтийский гарнизонный военный суд (Калининградская область) // СудАкт : судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZF6kgmbyJzHm/>

⁴ См.: Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 4 (966). С. 23–28.

*Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя*

Шельская С. Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики

E-mail: sveta.mila2@mail.ru

Тел.: 8-909-622-60-71

*Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikoty*

Shelskaya S. N., Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Criminalistics

E-mail: sveta.mila2@mail.ru

Tel.: 8-909-622-60-71

С. Н. Боков, Л. В. Матасова

Воронежский государственный университет

ВОЗМОЖНОСТИ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: молекулярно-генетическое тестирование с использованием ДНК имеет широкое применение в сфере правосудия. Кроме анализа последовательностей геномной ДНК, развиваются методы, основанные на анализе митохондриальной ДНК, эпигенетических маркеров, а также РНК. Перспективным видом анализа является судебно-медицинское фенотипирование, которое включает в себя прогнозирование на основе образцов ДНК характеристик человека, включая внешний вид, биогеографическое происхождение и возраст.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, молекулярно-генетическая экспертиза, полимеразная цепная реакция, эпигенетика, судебно-медицинское фенотипирование.

THE POSSIBILITIES OF MOLECULAR GENETIC RESEARCH IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

A b s t r a c t: molecular genetic testing using DNA has wide application in the field of justice. In addition to the analysis of genomic DNA sequences, methods based on the analysis of mitochondrial DNA, epigenetic markers, and RNA are being developed. A promising type of analysis is forensic phenotyping, which involves predicting human characteristics based on DNA samples, including appearance, biogeographical origin, and age.

Key words: forensic identification; molecular genetic examination; polymerase chain reaction, epigenetics, forensic phenotyping.

Поступила в редакцию 13 марта 2024 г.

Современный вектор развития и совершенствования раскрытия и расследования преступлений предполагает постоянное внедрение новых методов исследования. Это касается всех разделов криминалистики, включая криминалистиче-

скую идентификацию, которая является одним из важнейших инструментов, используемых для установления истины.

Криминалистическая идентификация выступает как часть судебно-медицинской идентификации и имеет большое доказательное значение. Ценность метода идентификации заключается в

возможности эксперта сопоставлять следы, оставленные на месте преступления, со следами, обнаруженными на других материалах. Медико-криминалистическая идентификация основана на научных методах, заимствованных из биомедицинских наук.

В настоящее время молекулярно-генетическое тестирование с использованием ДНК широко применяется в сфере правосудия¹. Этот метод используется для установления кровного родства, идентификации подозреваемых, подтверждения вины, оправдания невиновных лиц, идентификации жертв террористических актов или стихийных бедствий, идентификации тканей для гистологического исследования.

Вскоре после открытия в 1983 г. полимеразной цепной реакции (ПЦР), которое связывают с именем Кэри Муллиса, Алекс Джеффрис предложил использовать эту методику в судебно-медицинских исследованиях (единственным исключением являются монозиготные близнецы). Джеффрис называл этот подход получением генетических отпечатков пальцев, или ДНК-дактилоскопией. Из каждого биологического следа человека или микроследа, в котором имеются ядродержащие клетки, извлекается ДНК для проведения реакций амплификации. Метод ПЦР представляет собой технологию, в ходе которой участки ДНК образуют большое количество копий для получения пригодного для использования генетического профиля².

За последние десятилетия результаты анализа ДНК были приняты в качестве доказательств в судах во многих странах. Рассмотрим методы, используемые в криминалистике для идентификации человека.

1. Аутосомные STR-профилирование. Для STR-профилирования наиболее часто используют STR-локусы (Short

Tandem Repeat – короткие тандемные повторы) – многократно повторяющиеся последовательности нуклеотидов, так называемые микросателлиты. Наиболее часто применяются тетрамерные STR-локусы, у которых длина повторяющейся единицы составляет 4 п. н. В зависимости от локуса можно идентифицировать от девяти до более чем сорока различных аллелей, а комбинация полученных генотипов делает такой профиль STR статистически уникальным в пределах человеческой популяции³. STR были описаны в 1980-х гг., и с тех пор они являются золотым стандартом в идентификации человека при проведении судебно-медицинских расследований. В ходе анализа проводят амплификацию полиморфных последовательностей образца ДНК методом ПЦР. При этом синтезируются фрагменты ДНК, длина которых зависит от числа повторяющихся единиц в локусе тандемных повторов. Затем разделяют продукты ПЦР методом электрофореза, в результате чего получают аллельный профиль образца ДНК. Все современные наборы рассчитаны на 24 локуса. Профили STR, полученные из биологических образцов, найденных на месте преступления, сравниваются с другими профилями известных подозреваемых или включаются в национальную базу данных судебно-медицинской экспертизы ДНК. Чаще всего в криминалистике используются аутосомные STR и маркеры Y-хромосомы.

2. Генотипирование SNP. Однонуклеотидный полиморфизм (single nucleotide polymorphisms, SNP) представляет собой замену одного нуклеотида в определенном положении в геноме, которая присутствует в достаточной большей части популяции. Есть несколько технологий генотипирования SNP. Основным методом является непосредственное определение последовательности нуклеоти-

дов методом секвенирования. Массовое параллельное секвенирование называют секвенированием нового поколения (NGS). В этом методе пространственно разделенные амплифицированные матрицы ДНК секвенируются одновременно массово параллельным образом без необходимости физического разделения. Разработаны ряд платформ для этого, каждая использует свою стратегию. Распараллеливание реакций секвенирования генерирует от сотен мегабайт до гигабайт считывания нуклеотидных последовательностей за один запуск прибора. SNP имеют ряд характеристик, важных для судебной экспертизы: небольшой процент мутаций, что играет существенную роль при установлении отцовства; SNP можно анализировать в коротких ампликонах, полученных при амплификации ДНК из деградировавших образцов; генотипирование SNP возможно автоматизировать и создавать на основе результатов базы данных. К примеру, SNP-типирование было использовано в 2001 г. для идентификации жертв катастрофы во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке.

3. Анализ Y-хромосомы. В судебной медицине Y-хромосома обладает полезным свойством: она присутствует только у мужчин. Установлено, что вазэктомизированные или азооспермические насильники не оставляют следов сперматозоидов, и обнаружить сперматозоиды при микроскопическом исследовании невозможно. В таких случаях полезно профилирование Y-STR, предлагающее информацию о личности насильника.

4. Анализ митохондриальной ДНК. Генетический анализ митохондриальной ДНК (мтДНК) всегда был полезным инструментом для судебных генетиков, главным образом из-за ее повсеместного присутствия в биологическом материале, даже при отсутствии ядерной ДНК⁴. Митохондриальная ДНК (мтДНК) насле-

дуется по материнской линии; при этом каждый индивидуум является гаплоидом, что облегчает проводить исследование мтДНК методом секвенирования. Различные типы митохондрий, или гаплогруппы, описываются в соответствии с теоретическим филогенетическим деревом и названы в порядке букв от А до Z. Митохондриальный геном имеет более высокую скорость мутаций по сравнению с ядерным геномом. Секвенирование мтДНК дает значительные преимущества, когда требуется подтверждение материнского происхождения или когда ядерная ДНК ограничена, например, при анализе костей, зубов и волос. Его часто используют при анализе древней ДНК и при идентификации жертв катастроф. Анализ митохондриальной ДНК сыграл значительную роль в понимании перемещений населения, а также в расследовании массовых захоронений, связанных с прошлыми конфликтами. Иногда его можно использовать для ответа на вопросы, представляющие исторический интерес. МтДНК была использована для идентификации останков царской семьи.

В связи с недавними достижениями в области молекулярной генетики было предложено использовать другие биомаркеры для судебно-медицинской идентификации, такие как эпигенетические маркеры ДНК, матричная РНК (мРНК) и микроРНК.

Идентификация жидкостей организма с использованием профилирования РНК основана на том принципе, что, хотя содержание ДНК одинаково в большинстве типов клеток, РНК различается в зависимости от типа и функции клеток. Первоначальные анализы были направлены на выявление маркеров информационной РНК (мРНК), однако подверженность мРНК деградации ограничивает их применение для судебно-медицинских исследований. Совсем недавно вни-

мание было сосредоточено на микроРНК как альтернативных маркерах для идентификации жидкостей организма. Они обладают повышенной стабильностью по сравнению с мРНК за счет их меньшего размера и включения в белковый комплекс внутри клетки.

Эпигенетическая экспертиза появилась недавно. По аналогии с ДНК-фingerprintом выделяют и эпигенетический fingerprint, т. е. эпигеномные вариации, возникшие у индивидуума в ответ на воздействия окружающей среды. В отличие от нуклеотидной последовательности ДНК, эпигенетический профиль значительно варьирует как от ткани к ткани, так и во времени.

Один из основных эпигенетических механизмов – метилирование цитозина в составе CpG-динуклеотида. Метилирование ДНК используют из-за стабильности *in vitro* и небольшого количества требуемой для анализа ДНК. Уровень метилирования CpG-сайтов определяют разными способами, чаще с помощью микрочипов после обработки геномной ДНК бисульфитом натрия (бисульфитной конверсии).

Есть ряд задач, которые можно решить с помощью эпигенетического анализа.

1. Идентификация типа биологического материала. В настоящее время идентифицировано более 150 эпигенетических маркеров, специфичных для различных тканей.

2. Возможность различения монозиготных близнецов – у них разный профиль метилирования, который формируется под влиянием факторов окружающей среды, особенности пищевого поведения и вредных привычек.

3. Идентификация человека. По эпигенетическому профилю – уровням метилирования CpG-островков определенных участков ДНК – можно узнать воз-

раст преступника. В большинстве современных моделей прогнозирования возраста для судебно-медицинских исследований включен ген элонгазы жирных кислот ELOVL 2, поскольку он не проявляет тканеспецифичности, как это наблюдается для большинства эпигенетических маркеров, идентифицированных до сих пор. Эта технология используется для проверки возраста людей, доступа к документам которых нет, например, для установления, достиг ли человек, оказавшийся без паспорта, совершеннолетия. Сейчас модели прогнозирования возраста в основном созданы для крови, но таковые существуют и для слюны, спермы и зубов. Такие системы позволяют прогнозировать возраст с погрешностью 2,5–3 года.

Влияние факторов окружающей среды и некоторые особенности стиля жизни также связаны с метилированием ДНК. Курение – один из наиболее надежно предсказываемых по метилированию признаков. Исследуют также изменение уровня метилирования при употреблении алкоголя и различных наркотических веществ, но пока что этот вопрос изучен недостаточно. Есть также исследование зависимости метилирования от места проживания и характера питания.

Перспективным видом анализа является судебно-медицинское фенотипирование, которое включает в себя прогнозирование характеристик человека (внешний вид, биогеографическое происхождение и возраст) на основе образцов ДНК, взятых с места преступления, для обеспечения следственных данных и помощи в поиске неизвестных преступников, которых невозможно идентифицировать с помощью судебно-медицинского STR-профилирования⁵. Фенотипирование ДНК используется, когда необходимо сузить круг возможных индивидуумов или идентифицировать неизвестные остан-

ки, узнав о происхождении и внешности человека. Когда подозреваемый индивидуум идентифицирован, для подтверждения совпадения может быть использовано традиционное профилирование ДНК при условии наличия эталонного образца, который можно использовать для сравнения. За последние годы прогнозирование внешности с помощью ДНК расширилось за пределы цвета глаз, волос и кожи и теперь включает в себя другие характеристики, такие как цвет бровей, веснушки, структура волос, тип выпадения волос у мужчин и рост. Выводы о биогеографическом происхождении на основе ДНК продвинулись от континентального происхождения к выявлению этнического происхождения у генетически смешанных людей. Оценка возраста по ДНК вышла за рамки крови и теперь охватывает больше тканей, таких как слюна и кости, а также новые маркеры и инструменты для анализа спермы. Технологический прогресс позволил использовать в судебно-медицинской экспертизе технологию одновременного анализа ДНК со значительно увеличенной мультиплексной способностью для сотен предикторов ДНК с помощью целевого массового параллельного секвенирования.

Большинство маркеров для фенотипирования представляют собой диаллельные вставки/делеции или SNP. Одной из основных категорий, которая идентифицирует человека, является цвет. В США разработана программа HIrisPlex-S, предназначенная для прогнозирования цвета глаз, волос и кожи

человека по соответствующим SNP. Прогнозирование показывает разные уровни точности среди разных групп населения.

Есть разные подходы для прогнозирования черт лица на основе анализа ДНК. Подход «от фенотипа к генотипу», также известный как подход «лицо к ДНК», использует среднее лицо. Оно генерируется на основе пола и геномного происхождения. Затем лицо ремоделируется/модифицируется на основе нескольких SNP, которые ранее были определены как связанные с конкретными чертами лица. Модификации лиц выполняются с использованием инструментов машинного обучения, баз данных сканирования лиц, генетических характеристик и других способов 3D-биометрической аутентификации человека. Программа прогнозирования показала более низкую производительность при применении к лицам, перенесшим пластическую операцию, прибегающим к окраске для волос, ношению цветных контактных линз и использованию средств для загара.

За последнее десятилетие были сделаны новые шаги в так называемой судебной молекулярной патологии и посмертной фармакогенетике. Исследования, касающиеся молекулярной диагностики генетических нарушений сердечного ритма или синдрома удлиненного интервала QT, приводящего к внезапной смерти, и посмертный анализ гена CYP2D6, вариация которого приводит к неблагоприятным лекарственным эффектам и в конечном итоге к смерти, являются новыми инструментами в криминалистике.

¹ См.: ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы / В. А. Анисимов [и др.] // Биомика. 2019. Т. 11, № 3. С. 282–314.

² См.: Кириленко В. С., Хомутова Е. А. Проблемы и перспективы применения ДНК в системе уголовного правосудия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11-1. С. 123–128. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1904>

³ См.: Jäger R. New Perspectives for Whole Genome Amplification in Forensic STR Analysis // Int. J. Mol. Sci. 2022. V. 23 (13): 7090. DOI: 10.3390/ijms23137090

⁴ Syndercombe C. D. Mitochondrial DNA in forensic use // Emerg. Top Life Sci. 2021. V. 5(3). P. 415–426. DOI: 10.1042/ETLS20210204

⁵ См.: Recent advances in Forensic DNA Phenotyping of appearance, ancestry and age / M. Kayse [et al.] // Forensic Sci. Int. Genet. 2023. V. 65:102870. DOI: 10.1016/j.fsigen.2023.102870

Воронежский государственный университет

Бокков С. Н., кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры криминалистики юридического факультета, доцент кафедры медицинской биохимии, молекулярной и клеточной биологии, кафедры медицинских дисциплин медико-биологического факультета

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Tel.: 8-920-210-88-38

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology of the Faculty of Law, Associate Professor of the Department of Medical Biochemistry, Molecular and Cellular Biology, Department of Medical Disciplines of the Faculty of Medicine and Biology

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Tel.: 8-920-210-88-38

Матасова Л. В., кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры медицинской биохимии, молекулярной и клеточной биологии медико-биологического факультета

E-mail: larissamatasova@yandex.ru

Tel.: 8-920-219-96-21

Matasova L. V., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Medical Biochemistry, Molecular and Cellular Biology of the Faculty of Medicine and Biology

E-mail: larissamatasova@yandex.ru

Tel.: 8-920-219-96-21

К. И. Дорофеев

Управление правовой информации
Договорно-правового департамента МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОПРАВНОЙ МАНИПУЛЯЦИЕЙ АУДИОВИЗУАЛЬНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ («DEEP FAKES»)

Аннотация: рассмотрен опыт отдельных зарубежных стран относительно законодательной регламентации создания и оборота аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в том числе осуществляемых в противоправных целях. Для решения указанной задачи проанализирован опыт Евросоюза, США и Китая, который может быть использован в Российской Федерации с учетом особенностей национального законодательства нашей страны.

Ключевые слова: искусственный интеллект, законодательные инициативы в части противодействия противоправному созданию и распространению аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, «deep fakes».

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF LEGISLATIVE REGULATION IN SEPARATE FOREIGN COUNTRIES OF ACTS RELATED TO THE ILLEGAL MANIPULATION OF AUDIOVISUAL MATERIALS («DEEP FAKES»)

Abstract: the article examines the experience of individual foreign countries regarding the legislative regulation of the creation and circulation of audiovisual materials obtained using artificial intelligence technologies, including those carried out for illegal purposes. To solve this problem, the experience of the European Union, the USA, and China was analyzed, which can be used by the Russian Federation, taking into account the peculiarities of the national legislation of our country.

Key words: artificial intelligence, legislative initiatives to combat the illegal creation and distribution of audiovisual materials obtained using artificial intelligence technologies, «deep fakes».

Поступила в редакцию 5 июня 2024 г.

Использование технологий искусственного интеллекта и обработки больших данных (далее – технологии ИИ), помимо явных преимуществ для обще-

ственно-экономических отношений, обусловило возникновение рисков и угроз, связанных с противоправным использованием указанных технологий. В частности, одними из таких угроз стали появление и последующий рост числа деяний,

© Дорофеев К. И., 2024

связанных с противоправным созданием и распространением ложной информации («фейков»), а также аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ.

Последнее явление в зарубежной научной и публицистической литературе получило название «deep fake», которое является производным от двух понятий «deep (machine) learning» (в переводе с английского языка – «глубокое» или «машинное обучение») и «fake» (в переводе с английского языка – «фальшивка»).

Примером законодательного закрепления понятия «deep fake» выступает «Закон об искусственном интеллекте» (Artificial Intelligence Act), принятый в соответствии с резолюцией Европейского Парламента и Европейского Союза от 13 марта 2024 г. № P9_TA(2024)0138. В соответствии с пунктом 60 статьи 3 Artificial Intelligence Act под «deep fake» понимается созданное (сгенерированное) или обработанное (модифицированное) с помощью технологий ИИ аудио, фото или видеоизображения, напоминающие существующих людей, объекты, места или другие вещи или события, которые будут ложно восприниматься человеком как подлинные или правдивые¹.

Зачастую термин «deep fake» используется наряду с иными схожими понятиями, такими как «синтетические средства массовой информации», «синтезированный контент», «внутрикадровый монтаж видеоизображения, выполненный с помощью нейронных сетей».

Широкое распространение получило программное обеспечение, позволяющее без глубоких познаний в сфере информационно-коммуникационных технологий совершать различные манипуляции с аудиовизуальными материалами.

Например, такое программное обеспечение, как «Deep Nude», позволяет преобразовывать статические фотоизо-

бражения в очень реальные изображения обнаженной натуры. Используемые в указанном приложении нейронные сети обучены работать только с изображениями женских тел.

Смоделированные с помощью технологии ИИ голоса уже успешно используются мошенниками в рамках «социальной инженерии» при совершении «телефонных мошенничеств», тогда как программное обеспечение («виртуальная комната»), используемое одновременно с видео-конференц-связью, проводимой с сотрудниками кредитных организаций, позволяет злоумышленникам подменять свою личность в ходе такого общения в целях неправомерного получения доступа к денежным средствам третьих лиц.

Кроме того, программное обеспечение, основанное на использовании больших языковых моделей (например, Generative Pre-trained Transformer или Chat GPT), способно генерировать тексты, содержащие произвольные факты и цитаты. В дальнейшем полученные материалы могут использоваться в целях проведения кампаний по дезинформации населения, дискредитации чести и достоинства общественно-политических деятелей или руководителей крупных организаций либо персональной атаки на бренд организации.

Существует и другой термин «cheap fakes» (в переводе с английского языка – «дешевые подделки»), подразумевающий осуществление манипуляций с изображениями, аудио- или видеоматериалами, созданными с помощью относительно несложных и распространенных цифровых технологий. Примерами «cheap fakes» выступают аудиовизуальные материалы, которые содержат монтаж (например, уменьшение скорости аудиозаписи, улучшение или восстановление фото- или видеоизображений), по-

становочные или вводящие в заблуждение аудиовизуальные материалы².

Стоит отметить, что вне зависимости от наименования указанного явления или технологических особенностей, используемых для создания «синтезированного контента», риски психологического влияния на население России такой информации, распространяемой в том числе в ходе проведения недружественными странами информационных операций, трудно переоценить.

В этой связи автором предпринята попытка проанализировать опыт различных зарубежных стран, которыми на законодательном уровне приняты отдельные меры по урегулированию вопросов обращения аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ.

Законодательство Соединенных штатов Америки

В 2019 г. в США на федеральном уровне принят «Закон о национальной обороне на 2020 финансовый год» (National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 или NDAA)³. Так, секцией 5709 NDAA директору Национальной разведки предписано ежегодно представлять в Конгресс США подробный отчет об использовании зарубежными странами технологий «deep fakes», применяемых в качестве информационного оружия. В указанном отчете также подлежит отражению следующая информация:

- оценка технических возможностей по применению «deep fakes» зарубежными странами, включая Россию и Китай;
- анализ существующих и перспективных технологий, способных противодействовать применению «deep fakes», в том числе разработанных и применяемых зарубежными странами;
- описание имеющихся исследований и разработок, позволяющих авто-

матизировать процесс выявления «deep fakes», в том числе скорость и точность алгоритмов, применяемых для оценки таких материалов;

- изучение рисков и угроз применения зарубежными странами, организациями или физическими лицами «deep fakes» в целях нанесения ущерба национальной безопасности США посредством распространения дезинформации за рубежом или внутри страны, дискредитации политических оппонентов или воздействия на наиболее уязвимые группы населения, проведения информационных операций, нацеленных на США и их союзников;

- предложения по принятию дополнительных мер юридического, материального или кадрового характера для противодействия «deep fakes».

Кроме того, требованиями секции 5709 NDAA директору Национальной разведки надлежит уведомлять Конгресс США о каждом подтвержденном случае, свидетельствующем о наличии у иностранной организации технологий «deep fakes», которые могут быть использованы для влияния на выборы и внутриполитические процессы в США.

В целях установления понятийного аппарата указанным нормативным правовым актом под «синтезированным контентом» понимается аудиозапись, фото- или видеоизображение, созданные или существенно измененные с помощью технологий ИИ, используемые для ложного отображения событий, выступлений или поведения человека, а также изображения людей, которых не существует в природе (секция 5709 NDAA).

Согласно «Закону об определении результатов генеративно-состязательных сетей» (Identifying Outputs of Generative Adversarial Networks Act) директор Национального научного фонда должен поддерживать наиболее успеш-

ные исследования в сфере создания и обнаружения «синтезированного контента». Сведения, полученные в рамках указанных исследований, надлежит использовать для анализа технических инструментов, применяемых для проверки подлинности информации и выявления манипуляций в средствах массовой информации, изучения вопросов влияния указанных технологий на права и свободы граждан, а также разработки образовательных программ по повышению осведомленности общественности о технологии «deep fakes»⁴.

Кроме того, Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) с целью противодействия размещению в сети Интернет ложной информации запущена государственная программа, призванная изучать особенности аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ. В рамках указанной программы реализуются проекты MediFor (Media Forensics) и SemaFor (Semantic Forensics).

Так, задачами MediFor выступает разработка алгоритмов автоматической оценки целостности фото- и видеоизображений, а также сбора информации о способах создания противоправного «синтезированного контента», тогда как SemaFor направлена на работу с источниками происхождения и последующего распространения такой информации⁵.

Отдельный научно-практический интерес представляет обзор законопроектов, внесенных на рассмотрение в Сенат США, устанавливающих отдельные аспекты законодательной регламентации создания и оборота «синтезированного контента», в том числе «deep fakes», подготовленного Институтом жизни будущего (The Future of Life Institute)⁶. Приведем основные положения указанных законопроектов.

1. Законопроекты, направленные на защиту персональных данных лиц, в том числе актеров и музыкантов, от несанкционированного цифрового воссоздания их лиц, голосов и видеоизображений (цифровых копий), на которые предлагается распространить право интеллектуальной собственности.

1.1. Законопроектом «Воспитывайте оригинальность, поощряйте искусство и обеспечивайте безопасность развлечений» (NO FAKES Act of 2023) предлагается установить гражданскую ответственность за производство, публикацию, распространение или доведение до всеобщего сведения цифровых копий без получения предварительного согласия собственника или правообладателя таких биометрических данных. Также предусматривается возможность подачи искового заявления в адрес разработчиков информационных систем или приложений, использующих технологии ИИ, позволяющих создавать такие цифровые копии.

1.2. Положениями законопроекта «Никакого искусственного интеллекта, поддельных реплик и несанкционированных дубликатов» (NO AI FRAUD Act of 2024) предложено дополнительно установить штраф в размере 50 000 долларов США в отношении физических или юридических лиц, осуществляющих несогласованное распространение таких цифровых копий.

2. Законопроекты, направленные на защиту частных прав лиц, представленных на цифровых изображениях интимного содержания.

2.1. Так, положениями законопроекта «О предотвращении оборота «deep fakes», содержащих интимные изображения лиц» (The Preventing Deepfakes of Intimate Images Act), предусматривается возможность подачи гражданского иска лицом, представленным на цифро-

вом изображении интимного содержания. Указанный гражданский иск может быть подан в отношении разработчика информационной системы или поставщика, представляющего услуги доступа к информационной системе или приложению, использующих технологии ИИ (далее – разработчики ПО, поставщики услуг) в случае, если такие информационная система или приложение использовались для создания или изменения цифрового изображения интимного содержания и если разработчик ПО или поставщик услуг умышленно или по неосторожности не приняли разумных мер для предотвращения такого использования их информационных систем.

2.2. Предложения о подаче гражданского иска в отношении лица, осуществившего несогласованное распространение цифрового изображения интимного содержания, также содержатся в законопроекте «О неповиновении» (The DEFIANCE Act of 2024).

3. Законопроекты, направленные на установление обязанности по маркировке («уведомление о раскрытии информации») аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ.

3.1. Так, положениями законопроекта «О маркировке искусственного интеллекта» (AI Labeling Act of 2023) предлагается обязать разработчиков ПО и поставщиков услуг осуществлять маркировку аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ. Помимо соответствующей маркировки указанные аудиовизуальные материалы должны содержать служебную информацию (метаданные) о технологии производства «синтезированного контента». Также рекомендовано включать в открытые лицензии и пользовательские соглашения требования, запрещающие удаление пользователями информационных

знаков (маркировки), которые нанесены на соответствующие аудиовизуальные материалы.

3.2. Законопроектом «О раскрытии информации об искусственном интеллекте» (The AI Disclosure Act of 2023) также предлагается проводить маркировку «синтезированного контента» с внесением в метаданные сведений о названии и версии нейронной сети, персональных и контактных данных ее разработчика, даты и времени получения аудиовизуальных материалов.

3.3. Аналогичные требования о маркировке содержатся в законопроектах «Об ответственности за “deep fakes”» (The DEEPFAKES Accountability Act) и «О защите потребителей от обманного искусственного интеллекта» (The Protecting Consumers from Deceptive AI Act). При этом последним законопроектом предлагается проводить маркировку соответствующих аудиовизуальных материалов машиночитаемыми «водяными знаками», которые будут способствовать автоматизированному выявлению и идентификации «синтезированного контента».

Полагаем, что законодательное принятие указанного комплекса мер позволит эффективно противодействовать неправомерному созданию и обороту «синтезированного контента», в том числе «deep fakes».

Законодательство Европейского Союза

В различных резолюциях Европейский Союз неоднократно призывал государства-члены на национальном уровне противодействовать распространению ложной информации, в том числе «deep fakes».

Например, требования о маркировке «синтезированного контента», а также о принятии мер по недопущению использования указанных аудиовизуальных мате-

риалов в избирательных кампаниях приведены в Резолюции об искусственном интеллекте: вопросы толкования и применения международного права, которое затрагивает правоотношения в сферах гражданского и военного использования, а также государственной власти вне сферы уголовного правосудия, принятой Европейским парламентом от 20 января 2021 г. № P9_TA(2021)0009⁷.

Требованиями пункта 87 «Закона о цифровых услугах» (The Digital Services Act или DSA) крупным поставщикам, предоставляющим услуги в сети Интернет, а также крупным поисковым системам предписано незамедлительно предпринимать меры по удалению со своих платформ реальных или сгенерированных цифровых изображений интимного характера, распространяющихся без согласия таких лиц⁸.

При этом за невыполнение требований DSA, в том числе мер по удалению ложной или запрещенной информации, поддельных учетных записей на своих платформах, компании могут быть оштрафованы на сумму до шести процентов от их годового глобального оборота в предыдущем финансовом году.

Вместе с тем понятийный аппарат и конкретные действия относительно действий в отношении «синтезированного контента» были изложены только в «Законе об искусственном интеллекте» (Artificial Intelligence Act).

Так, согласно п. 4 ст. 50 Artificial Intelligence Act разработчики ПО, осуществляющего генерацию или модификацию аудиовизуальных материалов («deep fakes»), должны обеспечить маркировку такого «синтезированного контента». Указанное предписание не применяется, если материалы используются для обнаружения, предотвращения или расследования противоправных деяний.

В случае, если «синтезированный контент» является частью художественного, творческого, сатирического или иного аналогичного произведения или программы, в отношении таких аудиовизуальных материалов применяются только обязательства по маркировке.

Разработчики ПО, осуществляющего генерацию или модификацию текстовых данных, публикуемых в целях информирования населения по вопросам, представляющим общественный интерес, должны обеспечить информирование заинтересованных лиц относительно того, что «синтезированный текст» создан искусственно или подвергался модификации посредством использования технологий ИИ.

Указанное предписание не применяется, если указанные материалы используются для обнаружения, предотвращения или расследования противоправных деяний, а также в случае, когда они прошли процедуру проверки человеком или редакционный контроль, в связи с чем юридические или физические лица несут редакционную ответственность за публикацию такой информации.

В 2022 г. в Европейском Союзе принят Усиленный кодекс по борьбе с дезинформацией (The Strengthened Code of Practice on Disinformation)⁹, в котором определены обязательства подписавших его организаций по снижению воздействия ложного цифрового контента. В соответствии с документом подписанты должны иметь прозрачную политику в отношении алгоритмов для обнаружения и удаления «deep fakes».

По состоянию на 16 июня 2022 г. к кодексу присоединились 34 крупные компании, среди которых Meta (призна на экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации), Twitter, Google, Microsoft. В июле 2022 г. Еврокомис-

сия опубликовала официальный призыв к подписанию Усиленного кодекса по борьбе с дезинформацией (далее – Кодекс), согласно которому отраслевые компании должны придерживаться стандартов саморегулирования для борьбы с дезинформацией¹⁰.

Отдельные положения Кодекса также представляют научно-практический интерес, предусматривающий следующие положения:

- подписавшие Кодекс стороны (далее – подписанты) должны в течение шести месяцев выполнять взятые на себя обязательства и меры, а также по прошествии семи месяцев с момента подписания Кодекса обязуются представить в Европейскую комиссию подробные отчеты о выполнении принятых обязательств;

- подписанты обязуются пересмотреть свою политику относительно программы монетизации распространяемых аудиовизуальных материалов и распределения доходов от рекламы в отношении субъектов, которые систематически предоставляют заведомо ложную информацию (далее – «дезинформацию»), а также противодействовать использованию своих информационных систем в указанных целях;

- подписанты готовы обмениваться между собой информацией о тенденциях, новых методах или угрозах «дезинформации»;

- подписавшие Кодекс стороны будут обязаны создавать и поддерживать специальные банки данных учета поданных объявлений о размещении направленной «таргетированной» политической и тематической рекламы на площадках подписантов, включая сам аудиовизуальный контент, с возможностью поиска информации по указанному репозиторию;

- информация в таких банках данных должна быть размещена в откры-

том доступе сроком не менее пяти лет и содержать сведения о спонсоре рекламной кампании, дате показа объявления, общей сумме, потраченной на рекламу, количестве произведенных показов; критериях аудитории, используемых для определения получателей, демографических данных и количестве получателей, увидевших рекламу, географических регионах, в которых было показано объявление;

- подписанты в целях противодействия «дезинформации» должны использовать инструменты, которые не нарушают права и свободы граждан;

- подписавшие Кодекс организации обязуются сотрудничать с независимыми специалистами или организациями по проверке фактов, используя для этих целей политику информационных меток для информирования населения о модифицированном контенте, рейтинги проверки фактов, предоставления доступа к инструментам площадки заинтересованным лицам в целях сообщения о наличии ложной информации;

- подписанты должны разрабатывать инструменты и функции, позволяющие пользователям выявлять дезинформацию, а также ограничить платформе ее «вирусное распространение» с учетом должной защиты конфиденциальности, путем внедрения соответствующих функций (ограничение пересылки информации в рамках нескольких разговоров посредством дополнительных требований, использование информационных меток о том, что аудиовизуальные материалы прошли процедуру проверки, особенно в тех случаях, когда аудиовизуальные материалы из социальных сетей распространяются через приложение для обмена сообщениями);

- подписанты должны предоставлять беспрепятственный автоматизированный доступ специалистам по про-

верке фактов для проведения процедуры проверки фактов в отношении размещенных на платформе аудиовизуальных материалов;

– организации, подписавшие Кодекс, обязуются внести свой вклад в финансирование банков данных сведений, в отношении которых была проведена процедура проверки фактов.

Представленные организационно-правовые меры, принимаемые Европейским Союзом, свидетельствуют о максимальном вовлечении заинтересованных лиц к процессу поиска, учета и анализа информации, которая может быть использована в противоправных целях. Для решения указанной задачи привлекаются все участники интернет-сообщества, входящие в экосистему, предусматривающую создание и передачу информации (поставщики услуг, социальные сети, мессенджеры).

Законодательство Китайской Народной Республики

1 марта 2022 г. в Китае принято «Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями для информационных интернет-услуг» (Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services), установлен запрет на применение юридическими или физическими лицами приложений, использующих технологии ИИ, в целях создания или оборота запрещенной информации либо участия в противоправной деятельности против интересов государства, общества, личности¹.

Кроме того, требованиями указанного нормативного правового акта предусмотрен следующий комплекс мер, направленный на противодействие созданию и обороту «синтезированного контента»:

– поставщики услуг или их пользователи не должны использовать возможно-

сти указанных информационных систем для создания или распространения ложной новостной информации («фейковых новостей»);

– поставщики услуг должны осуществлять техническую и ручную проверку регистрационных данных, представленных пользователями, а также модерацию аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ;

– верификация пользователей должна осуществляться поставщиками услуг посредством проверки информации, представленной пользователем, о номере мобильного телефона, документов, удостоверяющих личность, или с помощью информационной системы проверки личности с последующим отказом в предоставлении доступа пользователям, не прошедшим соответствующую проверку;

– поставщики услуг должны создавать и обновлять процедуры и перечни признаков, способствующие выявлению противоправной или негативной информации, а также вести и обеспечивать хранение сетевых журналов;

– в случае выявления противоправной или негативной информации поставщики услуг обязаны проинформировать об этом уполномоченные органы, а также принять соответствующие меры реагирования в отношении пользователей (вынесение предупреждения, ограничение функций, приостановление доступа, удаление учетной записи);

– поставщики услуг обязаны предусмотреть на своих официальных сайтах формы для обратной связи в целях подачи обращений пользователями;

– магазины и иные платформы распространения интернет-приложений должны проводить оценку размещенного программного обеспечения, использующего технологии ИИ, на предмет его

соответствия требованиям информационной безопасности, с принятием в необходимых случаях мер реагирования вплоть до удаления такого приложения;

– в случае предоставления услуг по созданию цифровых копий голоса или изображений лиц, биометрические персональные данные которых используются для создания аудиовизуальных материалов, поставщики услуг должны уведомлять пользователей о необходимости информирования и получения согласия указанных лиц на совершение таких действий;

– поставщики услуг должны периодически проверять используемые алгоритмы на предмет их соответствия требованиям информационной безопасности, а также осуществлять маркировку аудиовизуальных материалов, полученных с использованием технологий ИИ.

С 10 января 2023 г. в Китае введены обновленные правила для интернет-провайдеров, призванные обеспечить оперативное реагирование в отношении случаев несогласованного использования злоумышленниками их биометрических персональных данных в «deep fakes».

Стоит отметить, что с учетом обозначенных выше документов высказываются отдельные мнения о том, что Китайская Народная Республика опережает Евросоюз и США в части установления комплексных мер по регулированию «синтетического контента»¹².

Законодательство Российской Федерации

В российском законодательстве также присутствуют нормы, устанавливающие уголовную и административную ответственность за распространение различных видов ложной информации.

Например, ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена ответственность за публичное рас-

пространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

Кроме того, положениями ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлен запрет на распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданско-правовыми средствами регламентирована ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Тем не менее быстрое развитие общественно-экономических отношений обуславливает необходимость законодательного реагирования на отдельные противоправные проявления, совершаемые посредством использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе сети Интернет.

Так, депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации разработан законопроект об уголовной ответственности за использование ИИ в преступных целях, которым предлагается дополнить ст. 128 «Клевета», 158 «Кража», 159 «Мошенничество», 163 «Вымогательство» и 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» ква-

лифицирующим признаком – «совершение преступления с использованием изображения или голоса человека, а также его биометрических данных».

В настоящее время законопроект проходит процедуру получения официальных отзывов в Правительстве Российской Федерации и Верховном Суде Российской Федерации, после чего планируется внести его в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации¹³.

В заключение отметим следующее. Опыт зарубежных стран свидетельствует

об активной законодательной регламентации правоотношений в сфере создания и оборота аудиовизуальных материалов, полученных с помощью технологий ИИ, в том числе «deep fakes».

В этой связи изучение и внедрение в российское законодательство наиболее успешных практик, в том числе с учетом специфики нашего национального законодательства, позволит эффективнее противодействовать неправомерному созданию и обороту таких «синтезированных материалов».

¹ См.: Artificial Intelligence Act / European Parliament. URL: <https://goo.su/wDqE> (дата обращения: 05.06.2024).

² См.: Deep fakes and cheap fakes. The manipulation of audio and visual evidence // Data & Society. URL: <https://goo.su/Tf0NRV> (дата обращения: 05.06.2024).

³ См.: National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 // Congress USA. URL: <https://goo.su/qW2NW3h> (дата обращения: 05.06.2024).

⁴ См.: *Бирин Д.А.* Дипфейки как угроза информационной безопасности // Форум «Технологии доверенного искусственного интеллекта». М., 2024. URL: <https://goo.su/xdJyWYY> (дата обращения: 05.06.2024).

⁵ См.: Identifying Outputs of Generative Adversarial Networks Act // Congress USA. URL: <https://goo.su/Zg2R> (дата обращения: 05.06.2024).

⁶ См.: Recommended Amendments to Legislative Proposals on Deepfakes // Future of Life Institute. URL: <https://goo.su/ROohCXX> (дата обращения: 05.06.2024).

⁷ См.: European Parliament resolution of 20 January 2021 № P9_TA(2021)0009 on artificial intelligence : questions of interpretation and application of international law in so far as the EU is affected in the areas of civil and military uses and of state authority outside the scope of criminal justice // European Parliament. URL: <https://goo.su/lzFvmz> (дата обращения: 05.06.2024).

⁸ См.: Digital Services Act // Europa Lex. URL: <https://goo.su/rxvIWW2> (дата обращения: 05.06.2024).

⁹ См.: The Strengthened Code of Practice on Disinformation // European Union. URL: <https://goo.su/CWWUX> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁰ См.: Дипфейки в цифровом пространстве : основные международные подходы к исследованию и регулированию : аналитический обзор. М., 2023. С. 39 // Центр глобальной ИТ-кооперации. URL: <https://goo.su/2LHjTa> (дата обращения: 05.06.2024).

¹¹ См.: Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services // China Law Translate. URL: <https://goo.su/LPPbjX> (дата обращения: 05.06.2024).

¹² См.: Дипфейки в цифровом пространстве : основные международные подходы к исследованию и регулированию. С. 42.

¹³ См.: Разработан законопроект об уголовной ответственности за «дипфейки» // Рос. газета. URL: <https://goo.su/lSy2> (дата обращения: 05.06.2024).

Управление правовой информации Договорно-правового департамента МВД России

Дорофеев К. И., подполковник внутренней службы, старший эксперт отдела мониторинга законодательства и правовой пропаганды

E-mail: moskowlirik@mail.ru

Department of Legal Information of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Dorofeev K. I., Lieutenant Colonel of the Internal Service, Senior Expert of the Department of Legislation Monitoring and Legal Propaganda

E-mail: moskowlirik@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КЛИНКОВОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация: осуществлен краткий анализ действий эксперта при проведении судебно-экспертного исследования клинкового холодного оружия. Выявлены некоторые особенности изучения клинкового холодного оружия на стадии детального исследования экспертом.

Ключевые слова: холодное оружие, клинковое холодное оружие, эксперт, судебно-экспертное исследование.

PECULIARITIES OF FORENSIC RESEARCH OF BLADED EDGED WEAPONS

Abstract: the article briefly analyzes the actions of the expert in the forensic study of bladed edged weapons. Some features of the study of bladed edged weapons at the stage of detailed examination by the expert are revealed.

Key words: edged weapon, bladed edged weapons, expert, forensic research.

Поступила в редакцию 19 декабря 2023 г.

На сегодняшний день судебная экспертиза холодного оружия, несмотря на кажущуюся простоту, является одним из наиболее спорных и трудоемких видов судебных исследований. В связи с этим остается актуальным рассмотрение вопроса об особенностях судебно-экспертного исследования клинкового холодного оружия.

Под клинковым холодным оружием следует понимать объекты, специально изготовленные и предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, путем нанесения колотых, колото-резаных, резаных, рубленых, колото-резано-рубленых, рублено-резаных механических повреждений, за счет наличия в конструкции клинкового поражающего элемента и элемента, служащего для удержания¹.

Оружие этой группы характеризуется следующими особенностями конструкции:

- 1) наличием клинка (используется для поражения объекта атаки);
- 2) наличием рукоятки (служит для удержания оружия, защиты кисти руки и улучшения баланса оружия).

Итак, методика экспертного исследования холодного оружия, в том числе клинкового, направлена на установление относимости (принадлежности) исследуемого объекта к холодному оружию и способу его производства, определение вида и типа холодного оружия. По данной методике объектами исследования являются все виды клинкового холодного оружия (режущие, рубящие, колющие, режуще-колющие, рубяще-колющие, рубяще-режущие, рубяще-режуще-колющие). Графические изображения предметов в виде иллюстраций, зарисовок, фотографий, чертежей не являются объектами экспертизы.

Сущность методики заключается в установлении и оценке соответствия необходимых и достаточных характеристик исследуемого объекта комплексу признаков, присущих холодному оружию определенных видов, типов и образцов.

Алгоритм действий эксперта при производстве экспертизы холодного оружия определен методикой «Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия» и включает следующее.

1.1. Ознакомление с текстом документа о назначении экспертизы (постановления следственных органов, судьи либо определения суда, либо уполномоченными органами (лицами)) и материалами экспертизы.

1.2. Осмотр представленного объекта исследования, а также фотофиксация его конструктивных особенностей и внешнего строения.

1.3. Измерение основных технических параметров объекта.

1.4. Установление способа изготовления объекта.

1.5. Оценка внешнего строения и особенностей конструкции исследуемого объекта.

1.6. Детальное описание объекта исследования.

1.7. Сравнительное исследование объекта, которое включает в себя установление групповой принадлежности исследуемого объекта и сопоставление с аналогами-образцами холодного оружия.

1.8. Определение поражающих свойств.

1.9. Обязательное сравнение всех исследуемых объектов, кроме самодельных, с данными информационные листов к протоколам сертификационных криминалистических испытаний холодного оружия, по образцу которого он изготовлен.

1.10. Обобщение и оценка результатов проведенных исследований.

2. Формулирование выводов. По результатам проведенного исследования

даются выводы о способе изготовления; принадлежности исследуемого объекта к холодному оружию; наличии достаточной и необходимой совокупности признаков, дающей возможность отнести его к определенному виду и типу холодного оружия².

В ходе производства экспертизы холодного оружия экспертное исследование проводится в несколько стадий: предварительная, детальная, экспертный эксперимент, сравнительная, оценка результатов исследования и формулирование выводов.

На стадии предварительного исследования эксперт прежде всего знакомится с текстом документа о назначении экспертизы (постановления органов дознания, следствия либо определения суда) и объектов, представленных на экспертизу. При этом эксперт должен отразить в своем заключении обстоятельства дела и основание для назначения экспертизы; вид экспертизы и ее характеристики (комплексная, дополнительная, повторная, комиссионная); список и наименование объектов, поступивших на исследование; вопросы, поставленные перед экспертом³.

После ознакомления с материалами уголовного дела и характером вопросов, поставленных на разрешение, эксперт обязан проверить состояние упаковки объекта и сам объект. На этом этапе исследования важно установить, обеспечивает ли упаковка отсутствие доступа к объекту и невозможность его видоизменения без повреждения упаковки, соответствует ли внешний вид объекта его описанию в постановлении о назначении экспертизы. При несоответствии внешнего вида предоставленного объекта описанию в постановлении следователя о назначении экспертизы эксперт обязан прекратить производство экспертизы и уведомить лицо, назначившее экспертизу, о несоответствии объекта сведениям, представленным в постановлении. О на-

личии упаковки и ее целостности делается соответствующая запись в вводной части заключения.

Ознакомившись с представленным на исследование объектом, эксперт выбирает методику, технические средства и порядок дальнейшего исследования объекта экспертизы. Также осуществляется подбор справочной и методической литературы, необходимой для производства экспертизы. Стоит отметить, что недопустимо проводить экспертизу холодного оружия по описанию, рисункам, чертежам изделия, фотографиям и им подобным объектам.

На стадии детального исследования процесс исследования объекта начинается с тщательного осмотра и выяснения, из каких основных конструктивных элементов он состоит.

У клинкового холодного оружия при исследовании клинка необходимо определить, изучить и в заключении отразить:

- материал (магнитный, немагнитный) и его цвет;

- форму (прямая, изогнутая, змеевидная и т. д.);

- длину, ширину. Измерение толщины клинка производится в наиболее толстом его месте (например, на ребре жесткости). Измерение ширины клинка производится в наиболее широком его месте;

- количество и длину лезвий, вид и степень их заточки (двусторонняя, односторонняя), расположение линии заточки относительно осевой линии клинка;

- наличие, длину и форму скоса обуха (прямой, переменный, вогнутой формы);

- наличие острия и его расположение относительно осевой линии клинка (выше или ниже, на осевой линии), угол схождения острия клинка;

- наличие и размеры пяты (форму, длину и толщину);

- наличие, количество, расположение, форму и размеры дол, ребер жесткости;

- наличие, размеры, форму обуха и его элементов (выступы, пилообразные насечки – серрейторная заточка);

- наличие, форму и размеры боевого острия (у длинноклинкового оружия)⁴.

Сопоставление исследуемых предметов позволяет проследить прямую взаимосвязь между их признаками, наблюдать очевидную картину совпадения или отличия их элементов.

Необходимо различать границу между холодным оружием как средством, предназначенным для поражения цели, и объектами, пригодными для этого, но имеющими хозяйственно-бытовое назначение. К холодному оружию можно относить только те объекты, которые действительно обладают всеми основными особенностями холодного оружия и не имеют иного целевого назначения, кроме как поражения цели⁵.

Категорические решения (выводы) эксперта должны быть точными и исключать возможность неоднозначного понимания их содержания. В ряде случаев эксперт не может прийти к окончательному заключению и формулирует его в виде предположения или вовсе отказывается разрешать вопрос по существу. Это может зависеть от ряда объективных факторов: порча образцов и материальных доказательств для сравнительного исследования; недостающее число данных, содержащихся в предметах исследования; отсутствие необходимых методик для изучения того или иного вопроса.

Таким образом, рассмотрев данный вопрос, следует подчеркнуть, что технология криминалистической экспертизы холодного оружия, также как и экспертиз иных типов, состоит из установленных стадий. При этом действия эксперта на каждой из стадий исследования подробно описаны в криминалистической литературе. Также были выявлены особенности изучения клинкового холодного оружия на стадии детального исследования экспертом.

¹ См.: *Пилякин М. И.* Понятие холодного оружия, его видов в современном правовом поле // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 111–113.

² См.: Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к холодному оружию : методика производства судебной экспертизы : утв. 18 ноября 1998 г. // Федеральный межведомственный координационно-методический совет по проблемам экспертных исследований. М., 1998.

³ См.: *Борсов А. И.* О некоторых особенностях, связанных с производством дознания в сокращенной форме // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. С. 96–98.

⁴ См.: *Казанцев С. Я., Мазуренко П. Н.* Проблемные вопросы криминалистической экспертизы холодного оружия // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 188–191.

⁵ См.: Об оружии : закон Российской Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 16.12.1996. № 51. Ст. 5681.

*Донбасский государственный университет
юстиции*

Ефимов К. А., магистрант 2-го курса

E-mail: yefimov.kir01@mail.ru

Тел.: 8-949-454-00-35

Donbass State University of Justice

Yefimov K. A., 2nd year Post-graduate Student

E-mail: yefimov.kir01@mail.ru

Tel.: 8-949-454-00-35

ВКЛАД КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: констатируется важная роль ученых кафедры криминалистики Воронежского государственного университета в формировании базовых элементов методики расследований серийных преступлений. Это относится к методике их выявления, в том числе с использованием возможностей кибернетики, а также к разработке комплексов следственных и иных действий (тактических операций) по доказыванию совпадающих обстоятельств серийных преступлений, изобличению совершивших их лиц. Данные разработки представляют собой существенный вклад в отечественное и европейское криминалистическое наследие.

К л ю ч е в ы е с л о в а: серийные преступления, выявление преступлений, криминалистическая методика, тактические операции, оптимизация доказывания, научное наследие.

CONTRIBUTION OF THE DEPARTMENT OF CRIMINOLOGY OF VORONEZH STATE UNIVERSITY TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF METHODS OF INVESTIGATION OF SERIAL CRIMES

A b s t r a c t: the important role of scientists of the Department of Criminology of Voronezh State University in the formation of the basic foundations of the methodology of investigation of serial crimes is stated. This applies to the method of their detection, including using the capabilities of cybernetics, as well as to develop complexes of investigative and other actions (tactical operations) to investigate the coincidental circumstances of serial crimes, by exposing the perpetrators of them. These developments represent a significant contribution to the domestic and European forensic heritage.

Key words: serial crimes, crime detection, forensic techniques, tactical operations, optimization of evidence, scientific heritage.

Поступила в редакцию 6 мая 2024 г.

Проблема выявления и расследования серийных преступлений не теряет актуальности, что подтверждают факты нередкого их выявления спустя значительное время после совершения. Это свидетельствует об определенном внима-

нии следственных и оперативно-разыскных органов данному участку работы. В то же время при их расследовании выявляются грубые просчеты в следственной и оперативно-разыскной работе по многим делам о преступлениях, впоследствии составивших ту или иную серию, что позволяло совершившим их субъек-

там безнаказанно продолжать преступную деятельность.

В середине 1980-х гг. данная проблема стала очевидной. Поэтому наряду с комплексом организационно-практических мер, разработанных и осуществлявшихся Главным следственным управлением Прокуратуры СССР и Главным управлением уголовного розыска МВД СССР, началась проработка научно-методического обеспечения организации выявления, раскрытия и расследований серийных убийств. В октябре 1987 г. на расширенном заседании Ученого совета ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности специально обсуждался доклад профессора Н. А. Селиванова о методах своевременного распознавания признаков серийности в группе преступлений, иллюстрированный в том числе примерами расследования серии убийств, совершенных студентом одного из московских вузов Сальмингом. Ряд положений этого доклада в последующем использовался в разработке соответствующей методики.

Вопросы выявления и расследования серийных преступлений в той или иной степени нашли отражение в трудах Л. А. Соя-Серко, В. А. Образцова, В. П. Лаврова, Г. Г. Зуйкова, И. М. Лузгина и других ученых.

Существенный вклад в становление и совершенствование методики расследования серийных преступлений внесли ученые кафедры криминалистики Воронежского государственного университета – в первую очередь Олег Яковлевич Баев, Вячеслав Иванович Батищев и другие ее сотрудники. Остановлюсь на некоторых наиболее важных разработанных ими положениях.

Монография профессора В. И. Батищева «Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами» (1992 г.), а затем его доктор-

ская диссертация «Расследование неоднократных преступлений отдельных лиц и постоянных групп: процессуальные и криминалистические основы» (1994 г.) были фундаментальными научными работами, в которых наиболее глубоко в тот период исследовались эти проблемы. Ученый верно отмечал, что преступления, обстоятельства которых указывают на их совершение одним и тем же лицом или лицами, нужно рассматривать с двух сторон: объективной – наличия в материалах расследования информации о преступлении и его участниках; субъективной – умения следователя установить ее источники и с помощью процессуальных и криминалистических средств ее собрать, исследовать, оценить и правильно использовать¹. В сущности, В. И. Батищев обращал внимание на те навыки, которыми обязан владеть действующий следователь и которые обязан приобретать студент юридического вуза, стремящийся стать следователем.

Не утрачивают своего теоретического и практического значения выводы В. И. Батищева о значении применения кибернетических идей в отборе, группировании, соединении в одном производстве уголовных дел о преступлениях с признаками серийности. Эту работу обоснованно предлагалось рассматривать как информационно-логический процесс, в ходе которого каждое из обстоятельств, установленных по одному уголовному делу, сопоставляется с установленными по другим делам для определения установления сходства их природы и содержания.

Здесь необходимо отметить, что ранее вопрос о решении проблемы кибернетизации процесса расследования с позиции теории информации, науки управления поднял профессор Геннадий Федорович Горский, работавший профессором, заведующим кафедрой уголовно-

го процесса и криминалистики, проректором Воронежского государственного университета. Исследуя возможности и перспективы использования математико-кибернетических методов в криминалистике, он выделил три направления математизации криминалистических научных исследований: 1) в криминалистической экспертизе; 2) при анализе процесса доказывания по уголовному делу в целом; 3) при решении проблем криминалистической тактики и методики. Г. Ф. Горский пришел к обоснованному выводу, что усложнение работы следственного аппарата настоятельно требует совершенствования практики расследования с позиций теории информации, кибернетики, науки управления и криминалистической науки. Здесь также возможно и необходимо объединение интеллекта и средств организационной техники, в частности, ЭВМ и средств организационной техники, совокупных достижений эпохи и области социальной и научно-технической².

В. И. Батищев сформулировал заслуживающее безусловного внимания положение о том, что совместное аналитическое сравнение, группировка и сопоставление данных, т. е. суммарная обработка информации о месте, времени, способе совершения однотипных преступлений и других обстоятельствах, содержащаяся в одних уголовных делах, но частично отсутствующая в других, позволяет выдвинуть и проверить предположение об их наличии посредством выполнения комплекса соответствующих следственных, иных процессуальных действий, проверок по системам криминалистической регистрации. В конечном результате это ведет к накоплению значимой информации по всем уголовным делам в ходе всего процесса их соединения, а также в ходе расследования объединенного производства³.

Безусловно, построение вывода о серийности группы однотипных преступлений возможно исключительно на выявлении и уяснении характера закономерностей, проявляющихся в установленных обстоятельствах их совершения, т. е. в результате криминалистического подхода к их анализу и оценке. Олег Яковлевич Баев, формулируя определение термина «предмет криминалистики» (а выявление признаков серийности в группе преступлений есть в первую очередь криминалистический процесс), специально акцентировал внимание на том, что его составляют закономерности преступной деятельности, возникновения и существования обусловленной ею информации, ее собирания, исследования и использования⁴. Выявление, правильная оценка, улавливание в ее содержании закономерно повторяющихся деталей – необходимое средство и необходимое условие решения задачи установления серийного характера группы однотипных преступлений.

Здесь следует отметить, что дальнейшее исследование проблем выявления и расследования серийных преступлений подтвердило обоснованность данных положений. На их основе в том числе был сформулирован вывод о том, что выявление признаков серийности преступлений не только составляет важную познавательную и процессуальную задачу, но и имеет собственное гносеологическое и методологическое содержание. В функциональном значении решение о соединении уголовных дел о преступлениях, обстоятельства которых указывают на их совершение одним и тем же лицом или одними и теми же лицами, выступает в роли правового основания начала качественно нового этапа расследования, предметом которого являются два и более однотипных преступления.

Приведенные положения, содержащиеся в трудах В. И. Батищева, в сово-

купности с разработками других ученых середины 1990-х гг. учитывались в качестве базовых при разработке первых и совершенствовании последующих компьютерных программ, используемых для выявления серийных убийств.

Теоретически и практически значимы выводы В. И. Батищева о системном подходе к организации расследования серий преступлений, базирующемся на выявлении закономерностей, отражающихся в ее криминалистической характеристике. Ученый аргументированно обосновал вывод о возможности ее построения как совокупности реальных данных из группы уголовных дел об однородных преступлениях, включающих в себя сведения об их обстановке, способе совершения преступления, обстоятельствах, ему способствовавших или препятствовавших⁵.

К данному тезису автор настоящей статьи обращался в процессе работы над докторской диссертацией «Проблемы теории и практики расследования серийных убийств». Его развитие позволило построить следующие выводы.

Криминалистическая характеристика серии преступлений содержит информацию об обстановке и других обстоятельствах, свойственных ограниченному количеству составляющих эту серию преступлений, совершенных определенными лицами, и в индивидуальных деталях, отличающую их от серийных преступлений, совершенных другими субъектами. По мере возрастания количества выявленных однотипных преступлений с признаками их совершения одним и тем же лицом или одними и теми же лицами, их разыскные признаки, являющиеся элементами криминалистических характеристик отдельных преступлений, все более конкретизируются и вместе с другими элементами образуют единую криминалистическую характе-

ристику, которая ближе к криминалистической характеристике конкретного преступления, нежели к криминалистической характеристике вида или разновидности преступлений, поскольку она возникла в результате преступного поведения конкретных лиц или группы лиц. Представляется, что правильнее было бы ее назвать индивидуальной криминалистической характеристикой преступного поведения «серийщика».

Данная криминалистическая характеристика имеет двухуровневое построение: а) совпадающие элементы, выявленные в каждом составляющем серию преступлении; б) совпадающие элементы, выявленные только при расследовании отдельных из них с меньшей степенью повторяемости, но тем не менее дающей основания для определенных выводов и характера действий на их основе⁶. Материалы следственной практики подтверждают, что использование в расследовании серий преступлений элементов второй группы нередко приводит к установлению и изобличению совершивших их лиц. Вместе с тем отмеченная специфика криминалистической характеристики серии преступлений не исключает возможности использования в ее расследовании типовых криминалистических характеристик преступлений разновидности преступлений, аналогичных составляющим расследуемую серию.

К сожалению, встречаются пособия по расследованию серийных убийств, в которых перечисляются только типичные компоненты криминалистических характеристик преступлений того или иного вида, составляющих серию⁷, что представляется несомненным упущением. На практике нередко именно использование сведений, выявленных лишь по отдельным составляющим серию преступлениям, совершенным без очевидцев,

оптимизирует деятельность по их установлению, формирует индивидуальную методику их расследования.

Олег Яковлевич Баев особо подчеркивал прикладной характер криминалистической методики, непосредственно обеспечивающий эффективность решения задач расследования преступлений, относящихся к отдельным криминалистическим классификациям⁸. Эти положения в полной мере относятся и к формированию методик расследования конкретных серий преступлений отдельных категорий и разновидностей, базирующихся на их индивидуальных криминалистических характеристиках.

Важное теоретическое и практическое значение в разработке данных методик имеют разработанные под научным руководством О. Я. Баева положения о комплексах действий, осуществляемых по объединенному уголовному делу о серии преступлений, адаптированных под конкретные устанавливаемые при этом совпадающие обстоятельства. Данные комплексы именовались тактическими операциями, хотя такому названию можно и возражать. Но они верно рассматриваются как динамичные системы следственных действий, оперативно-разыскных и иных мероприятий, ориентированных как на получение доказательств, обеспечивающих в том числе установление совпадающих обстоятельств группы преступлений с индивидуальными характеристиками, свойственными только данной, но не другой их серии, так и на установление и изобличение серийного преступника, осуществляемое путем доказывания. Безусловно, при этом учитывается, что предмет доказывания по объединенному уголовному делу о серии преступлений представляет собой сложную систему, элементами которой являются отдельные совершенные обвиняемым

(обвиняемыми) преступления. Доказывание осуществляется по каждому из них, поскольку, с одной стороны, все они имеют собственный предмет доказывания, с другой стороны, совпадение отдельных обстоятельств совершения этих преступлений, сходство элементов их механизма, обусловившее определенное сходство следовых картин если не всех, то отдельных составляющих серию преступлений, создает возможность использования в их доказывании сходных комплексов действий (тактических операций).

Это весьма существенно для оптимизации доказывания по уголовным делам о серийных преступлениях. О. Я. Баев постоянно подчеркивал его значение как основного гносеологического «инструмента» осуществления целенаправленного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам⁹. При этом он обоснованно расценивает фактически как свидетельство профессиональной несостоятельности субъектов уголовного преследования отсутствие у них глубоких знаний о закономерностях возникновения, изменения, существования и исчезновения криминалистически значимой информации, а также основанных на этом средств и приемов ее обнаружения, изъятия, превращения в доказательства, их использования в уголовно-процессуальном исследовании преступлений и доказывании виновности обвиняемых¹⁰.

Приведенные и другие научно обоснованные и практически целесообразные разработки ученых кафедры криминалистики Воронежского государственного университета сохраняют значение, являются важным и неотъемлемым вкладом в отечественное, европейское научное криминалистическое наследие. Без сомнения, они получают на кафедре дальнейшее развитие.

- ¹ См.: Батищев В. И. Раскрытие и расследование преступлений, совершенных одними и теми же лицами : монография. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. С. 22.
- ² См.: Горский Г. Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос-та, 1970. С. 131.
- ³ См.: Батищев В. И. Указ. соч. С. 28–32.
- ⁴ См.: Баев О. Я. Основы криминалистики. Курс лекций. М. : Экзамен, 2001. С. 35.
- ⁵ См.: Батищев В. И. Указ. соч. С. 34–35.
- ⁶ См.: Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 49–50.
- ⁷ См., например: Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Н. Расследование серийных убийств : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2016. С. 16–37 ; Барыгина А. А., Майоров В. И. Организация расследования серийных сексуальных убийств : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 25–51.
- ⁸ См.: Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики // Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Т. 2. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. С. 7.
- ⁹ См.: Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности) : науч.-практ. пособие. М. : Прометей, 2017. С. 52.
- ¹⁰ См.: Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступления : система и ее качество. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 85–86.

Государственный университет просвещения
(Москва)

Исаенко В. Н., доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры уголовного
права, уголовного процесса и криминалистики,
заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: viach.isaenko2015@yandex.ru

Тел.: 8-916-557-90-44

State University of Education (Moscow)

Isaenko V. N., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Professor of the Department of Criminal
Law, Criminal Procedure and Criminalistics,
Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: viach.isaenko2015@yandex.ru

Tel.: 8-916-557-90-44

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация: рассмотрены проблемы определения цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также выявлен ряд проблем криминалистического исследования данного вида доказательств.

Ключевые слова: доказывание, электронные доказательства, цифровые доказательства, искусственный интеллект.

FORENSIC PROBLEMS OF USING DIGITAL EVIDENCE

Abstract: the article discusses the problems of defining digital (electronic) evidence in criminal proceedings of the Russian Federation, and also identifies a number of problems in the forensic study of this type of evidence.

Key words: evidence, electronic evidence, digital evidence, artificial intelligence.

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Проблема использования в доказывании электронных документов, в смысле информации, полученной с помощью средств электронно-вычислительной техники: цифровых видео-, фотокамер, персональных компьютеров, стала в последнее время более чем актуальной. В настоящее время существует немало исследований, посвященных собиранию, проверке и оценке компьютерных или электронных доказательств¹.

Перечень источников сведений, имеющих доказательственное значение, установлен в настоящее время Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Система доказательственных источников, посредством которых устанавливаются значимые для дела обстоятельства, определена законом. Однако на протяжении уже не одного десятилетия в научной среде идет спор о необходимости выделения электронных документов и в

целом цифровой информации в самостоятельный вид доказательств – электронные или цифровые доказательства.

Как пишет С. Ф. Афанасьев, «вопросы доказывания и доказательств занимают центральное место в процессуальных отношениях. В научном мире тщательно анализируются понятие доказывания и доказательств, предмет доказывания, пределы исследования юридически значимых обстоятельств по делу и т. д. Понятие "доказательство" на сегодняшний день подвержено значительным изменениям в связи с повсеместной цифровизацией с точки зрения как формы, так и содержания»².

Разнообразие взглядов на определение термина «электронное» или «цифровое» доказательство приводит к неопределенности не только относительно самого понятия, но и правовой природы данных доказательств.

Так, например, Д. В. Замула под электронными доказательствами пони-

мает «информацию, содержащуюся на электронном носителе, способную передаваться по информационно-телекоммуникационным сетям или обрабатываться в информационных системах, имеющую значение для рассмотрения и разрешения конкретного дела»³.

В. Б. Вехов, подчеркивая специфическую форму представления информации в электронных доказательствах, указывает, что «электронные доказательства – это любые сведения (сообщения, данные), представленные в электронной форме, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном процессуальном законодательством порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела»⁴.

А. Б. Смушкин определяет электронные доказательства в общем виде «как сведения, имеющие значение для уголовного дела, представленные в электронной форме и закодированные цифровым способом, которые можно использовать для доказывания в суде»⁵.

М. П. Поляков и А. Ю. Смолин указывают, что «в чистом концептуальном понимании электронное доказательство – это доказательство, от начала до конца сформированное электронным устройством. Точнее, устройство не формирует доказательство (в его сложившемся понимании), а фиксирует кусок действительности, который содержит информацию, имеющую отношение к делу»⁶.

Е. С. Левенкова выделяет следующие признаки электронных доказательств: 1) являются источником информации; 2) содержат сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела; 3) сведения зафиксированы на материальном носи-

теле; 4) сведения доступны для восприятия человеком при использовании ЭВМ; 5) сведения пригодны для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям; 6) сведения пригодны для обработки в информационных системах⁷.

Как справедливо отмечает А. Б. Смушкин, «специфическими характеристиками электронных доказательств являются практически полная неизменность электронного доказательства в его копии (образе) (копия и оригинал отличаться не будут); электронные данные формируются согласно программному алгоритму, заданному разработчиком программы; требование перевода в аналоговый человекочитаемый вид с помощью информационно-технологических устройств; быстрота и легкость изменения или удаления, что вызывает повышенные требования к осторожности обращения с такими доказательствами; опосредованность (невозможность существования без материального носителя); возможность дистанционной передачи электронных доказательств; универсальность электронных доказательств вне зависимости от типа и формы носителя; неосязаемость электронных доказательств»⁸.

Мы неоднократно отмечали в своих публикациях, что цифровые объекты, которые могут выступать как цифровые (электронные) доказательства, отличаются еще и тем, что существуют в специфическом формализованном пространстве. Мы указывали, что «средой существования таких объектов является такое пространство, в котором любой признак может принимать одно из фиксированных значений в пределах заданного набора возможных значений»⁹. Кроме того, «под электронной (цифровой) средой существования понимается система объектов (компьютерных средств и систем), взаимодействующих

на основе формальных правил (архитектура, стандарты, технические параметры устройств, языки программирования и пр.) обработки, хранения и передачи информации, представленной в цифровой форме»¹⁰. Таким образом цифровые (электронные) доказательства имеют свою внутреннюю специфику, не зависящую от носителя, на котором они зафиксированы.

С учетом всех специфических особенностей цифровых (электронных) доказательств возникает необходимость не только их определения, но и классификации. Цель любой классификации состоит в том, чтобы ограничить выбор подходов к исследуемой системе (объекту), сопоставить выделенному классу объектов адекватные приемы и методы анализа, сформировать понимание и правильное отношение к определению эффективности системы. При этом надо помнить, что любая классификация всегда условна, относительна и служит главным образом текущим потребностям проводимого исследования, направленного на упорядоченное представление знаний о свойствах изучаемых объектов по выбранным классификационным признакам. Аккумулируя различные классификационные основания, В. Б. Вехов предложил следующие:

1) файл – поименованная область электронных записей на материальном носителе, где в закодированном виде хранится строго определенная информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать;

2) сетевой адрес – идентификатор в сети передачи данных, определяющий при оказании телематических услуг связи абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему;

3) доменное имя – обозначение символами, предназначенное для адресации

сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, которая в ней размещена;

4) электронное сообщение – информация, переданная или полученная пользователем информационно-коммуникационной сети (сообщения «электронной почты», «sms», «mms» и др.);

5) электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по информационно-коммуникационным сетям или обработки в информационных системах;

6) информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств;

7) сайт в сети Интернет – совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-коммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в этой сети;

8) страница сайта в сети Интернет – часть сайта в сети Интернет, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта;

9) электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с ней и используемая для определения лица, подписавшего информацию;

10) программа для ЭВМ (компьютерная программа) – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для

функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе ее разработки, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения;

11) база данных – представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы они могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ;

12) электронный журнал – документ или совокупность документов в электронной форме, сформированный (сформированных) банкоматом и (или) электронным терминалом за определенный период времени при совершении операций с использованием данных устройств;

13) электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа¹¹.

В своей монографии Н. В. Галяшин при оценке электронных документов как доказательств предлагает их деление на следующие виды.

1. Документы, хранимые на компьютере, – это документы, содержащие текст, составленный человеком или несколькими людьми и сохраненный в электронном виде. Примером являются сообщения электронной почты, файлы

обработки текстов и сообщения интернет-чатов. Если документы приняты для доказывания истинности содержащихся в них заявлений, представившее их лицо должно привести обстоятельства, свидетельствующие о том, что утверждения, содержащиеся в документах, заслуживают доверия и документы должны быть подлинными.

2. Документы, созданные компьютером, содержат результат работы компьютерных программ, полученный без вмешательства человека. Данные интернет-провайдеров о входе в систему, телефонные записи и чеки из банкоматов являются документами, созданными компьютером. В отличие от документов, хранимых на компьютере, документы, созданные компьютером, не содержат утверждений людей и являются лишь результатом работы компьютерной программы, предназначенной для обработки входящих данных по определенному алгоритму.

3. Некоторые компьютерные документы одновременно и созданы компьютером, и хранятся на компьютере. Например, подозреваемый в деле о мошенничестве мог использовать программу электронных таблиц для обработки финансовых показателей, связанных с мошеннической схемой. Сторона, требующая принятия документа в качестве доказательства, должна ответить как на вопрос о достоверности производных доказательств, связанный с изначально введенными данными, так и на вопрос о подлинности (аутентичности), который связан с компьютерной обработкой¹².

При этом, как показывает изучение следственной практики, существуют особенности, связанные с закреплением полученной (найденной) информации, и проблема доказывания подлинности полученных электронных (цифровых) документов.

Нам представляется, что проблема использования цифровой информации как источника доказательств в уголовном судопроизводстве в настоящее время все более актуализируется и, несомненно, требует дальнейших углубленных исследований с позиции как теории судебного доказывания, так и криминалистики.

Использование цифровых (электронных) доказательств в криминалистике представляет собой как прогрессивное средство в расследовании преступлений, но вызывает ряд проблем и вызовов.

Одна из ключевых проблем, с которыми сталкиваются криминалисты при работе с цифровыми данными, – аутентичность и целостность цифровых доказательств. Решение проблемы аутентичности и целостности данных требует строгости в методах сбора и анализа цифровых доказательств, а также применение современных технологий и методов для обеспечения надежности этих данных. Н. В. Галяшин (и мы с ним полностью согласны) констатирует, что проблемы подлинности компьютерных данных часто принимают одну из трех форм. «Так, например, стороны могут оспорить подлинность документов, созданных компьютером и хранимых на компьютере, поднимая вопрос о том, могли ли документы быть изменены или повреждены после того, как они были созданы. Или, например, стороны могут усомниться в подлинности документов, созданных компьютером, оспорив надежность компьютерной программы, создавшей документ. Наконец, стороны могут оспорить подлинность документов, хранимых на компьютере, поставив под сомнение личность их автора»¹³.

Другой достаточно серьезной проблемой, с которой сталкиваются криминалисты, специалисты и эксперты при анали-

зе и восстановлении цифровых доказательств, являются технические аспекты работы с цифровой информацией:

1) шифрование данных: если данные зашифрованы, их расшифровка может быть крайне сложной, особенно если используется сильное шифрование и отсутствуют доступные ключи;

2) утерянная или поврежденная информация: цифровые носители могут быть подвергнуты повреждениям или износу, что может привести к утере части данных. Восстановление таких данных может быть трудным или даже невозможным;

3) несовместимые форматы данных: старые форматы данных или специфические форматы программного обеспечения могут представлять трудности при анализе, особенно если нет соответствующих инструментов для их интерпретации;

4) разнообразие устройств и ОС: существует множество различных устройств и операционных систем, каждая из которых имеет свои особенности и форматы хранения данных. Работа с различными платформами может потребовать дополнительных навыков и знаний;

5) восстановление удаленных данных: после удаления данных с носителя информации они могут быть восстановлены, но это может быть сложной задачей, особенно если прошло много времени или данные были перезаписаны;

6) анализ больших объемов данных: с ростом объемов данных, например, в случае анализа массовых данных или облачных хранилищ, возникают сложности в обработке и анализе таких больших объемов информации;

7) скрытые данные и стеганография: в некоторых случаях данные могут быть скрытаны в других файлах с использованием стеганографии, что делает их обнаружение и анализ сложным;

8) компьютерно-техническая экспертиза и оборудование: анализ цифровых доказательств требует специализированной экспертизы и инструментов, а иногда и дорогостоящего оборудования.

На сегодняшний день обнаружение, закрепление, изъятие, сохранение и исследование цифровых объектов (в том числе «виртуальных») в качестве следов преступлений осуществляется с использованием различных программно-технических средств, сложность применения которых сопряжена с объективными трудностями технического характера и обусловлена отсутствием в УПК РФ норм, регламентирующих возможность, порядок и отдельные особенности их использования.

При работе с цифровыми (электронными) доказательствами неизбежно возникает вопрос об их достоверности. Известно, что исказить или внести изменения в цифровые объекты достаточно легко, чем и пользуются современные преступники (при создании, например, ложного «цифрового» алиби). Однако научный прогресс не стоит на месте. Еще 10–20 лет назад достаточно было изменить системную дату и время в компьютере, чтобы затруднить установление факта работы определенного лица за данным компьютером. Позже возможности Интернета и программ VPN позволили преступникам исказить свое местоположение и распределять информацию по разным серверам (зачастую находящимся в разных странах), что значительно усложнило установление местоположения преступников, их личности и изъятие уголовно-релевантной информации. В настоящее время наиболее современным видом информационных технологий является искусственный интеллект, который может использоваться для совершения преступлений. Мошенники переходят на «цифровые личности»: все чаще для обмана они создают «циф-

ровых клонов» людей, используя для этого в том числе дипфейки, и таким образом обманывают их коллег и близких. Как рассказывал РИА Новости в марте начальник отдела информационной безопасности SearchInform Алексей Дрозд, мошенники стали распространять аудиодипфейки в мессенджерах, основными сценариями их применения стали шантаж и вымогательство. Для их создания требуется всего лишь 45 секунд записи голоса человека. А подделать видео мошенники могут с помощью фотографий и видеозаписей из социальных сетей¹⁴.

По сути синтетическая цифровая личность (далее – СЦЛ) – это несуществующая цифровая личность, имеющая определенный набор данных (имя, фамилия, телефон, адрес и т. д.). Они полностью придуманы или являются компиляцией из реальных и вымышленных данных.

Для создания СЦЛ злоумышленник использует один из трех методов:

1) фабрикация – личность создается из вымышленных элементов, без использования похищенных или скомпрометированных данных;

2) манипуляция – личность создается путем частичных изменений данных реально существующего человека (например, правильные имя и дата рождения и измененные данные паспорта);

3) компиляция – личность создается с использованием реальных (украденных) и вымышленных элементов (массовая генерация СЦЛ).

Несмотря на довольно простые методы, процесс создания профиля СЦЛ может быть технологически сложным и включать использование средств автоматизации и машинного обучения, особенно если нужно большое количество СЦЛ для их имплементации в базу данных организации¹⁵.

Предполагается, что актуальность проблемы будет расти по мере развития

рынка удаленного предоставления различных услуг, так как открывает возможность для реализации данной схемы мошенничества без необходимости личного присутствия мошенника или подставного лица. Кроме того, в течение ближайших пяти лет при внедрении единой биометрической системы возможности использования СЦЛ для противоправных действий расширятся, так как для прохождения идентификации не будет требоваться личное присутствие человека. Технологии генерации изображений и видео с помощью искусственного интеллекта могут помочь злоумышленникам создать правдоподобный дипфейк-образ для прохождения удаленных проверок по видеосвязи. СЦЛ является существенным активом для киберпреступников. Жертва может понести финансовый и репутационный ущерб, ведь мошенники способны взять деньги в долг или совершить преступление от имени другого человека.

Данная проблематика носит масштабный характер и в нашей стране, и за рубежом и относится к латентному виду правонарушений. СЦЛ используются для совершения преступлений на многих уровнях криминальной активности: от мошенничества с переводами денег до финансирования глобальной террористической деятельности.

Становится очевидным, что работа с цифровыми доказательствами предъявляет все более высокие требования к квалификации и технической подготовке следователей и специалистов в области информационных технологий. Очевидно, что их недостаточная квалификация может привести к появлению недостовер-

ных цифровых доказательств или ошибочных интерпретаций при анализе данных. Приведем лишь некоторые из факторов, которые могут способствовать этим проблемам.

1. Неправильное понимание технических данных или нечеткость в методах анализа могут привести к ошибочным выводам.

2. Неквалифицированные аналитики могут совершать ошибки при анализе данных или в интерпретации результатов.

3. Баги или ошибки в программных средствах, используемых для анализа, могут привести к неверным результатам.

4. Информация о метаданных может быть ошибочно интерпретирована или неполностью понята.

5. Важно учитывать контекст и сопутствующую информацию при анализе данных, чтобы избежать неправильных выводов.

6. Отсутствие унифицированных методов анализа и интерпретации данных может приводить к различным результатам от разных экспертов.

7. Отсутствие независимой проверки результатов анализа может привести к необоснованным выводам.

Становится очевидным, что особенности цифровых (электронных) доказательств и их использования в уголовном судопроизводстве требуют формирования новых правовых предписаний. На основе серьезного осмысления необходима разработка детальной уголовно-процессуальной регламентации проблем придания им значения самостоятельного вида доказательств и разработки новейших криминалистических методик по их исследованию.

¹ См.: *Ефремов И. А.* О достоверности электронных документов при осуществлении уголовного судопроизводства // Информационное право. 2006. № 2 ; *Зигура Н. А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010 ; *Кукарникова Т. Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003 ;

Полякова Т. А. Вопросы создания правовых условий внедрения электронного документооборота и использования электронных документов в качестве доказательств // Человек : преступление и наказание. 2008. № 1 ; Тульская О. В. Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2009. № 6 (14).

² Афанасьев С. Ф. О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в цивилистической процессуальной деятельности // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 87.

³ Замула Д. В. Понятие электронного доказательства // Вестник современных исследований. 2018. № 8 (23). С. 189.

⁴ Вехов В. Б. Электронные доказательства : проблемы теории и практики // Правопорядок : история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 47.

⁵ Смушкин А. Б. Цифровизация криминалистической деятельности + eПриложение : дополнительные материалы : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2024. С. 84.

⁶ Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 143.

⁷ См.: Левенкова Е. С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 481–483.

⁸ Смушкин А. Б. Указ. соч. С. 86.

⁹ Краснова Л. Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 43.

¹⁰ Кукарникова Т. Э. Указ. соч. С. 57.

¹¹ См.: Вехов В. Б., Смагоринский Б. П., Ковалев С. А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19.

¹² См.: Галяшин Н. В. Показания с «чужих слов» как производные доказательства в уголовном процессе : монография. М. : Проспект, 2017.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ См.: URL: <https://finance.mail.ru/2024-06-28/cb-sobiraetsya-sozdat-fond-podderzhki-bankovskogo-sektora-61713730/?from=swap&swap=2>

¹⁵ См.: URL: <http://www.sberbank.ru>

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Кукарникова Т. Э., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

Kukarnikova T. E., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: tanya@law.vsu.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ ОБМАННЫМ ПУТЕМ

Аннотация: в современном понимании экономика – это используемые людьми для удовлетворения собственных потребностей, обеспечения жизни блага: хозяйство, совокупность средств и объектов. Под экономикой понимается совокупность общественных отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления блага, способствующих обеспечению жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, преступление, раскрытие киберпреступности.

FORENSIC FUNDAMENTALS FOR IDENTIFYING, SOLVING AND INVESTIGATING ECONOMIC CRIMES, COMMITTED FRAUDULENTLY

Abstract: in the modern understanding, the economy is used by people to satisfy their own needs, to ensure life benefits, such as: an economy, a set of means and objects. The economy is understood as a set of social relations that develop in the system of production, distribution, exchange and consumption of goods that contribute to the livelihoods of people.

Key words: economic crimes, crime, detection of cybercrime.

Поступила в редакцию 2 апреля 2024 г.

Преступления экономической направленности по-прежнему одни из часто совершаемых в России путем обмана или злоупотребления доверием. В большинстве случаев они характерны для сферы предпринимательства и налогообложения. В настоящее время ситуация по экономическим преступлениям не собирается меняться. Наоборот, появляются новые технологии, которыми пользуются злоумышленники для собственного обогащения за чужой счет. В данный момент нарушения становятся более интеллектуальными и сложными, злоумышленники

активно осваивают новые технологии в области компьютерных технологий. Но старые способы и методы совершения экономических преступлений также никуда не делись, разве что немного уменьшились. Конечно, способы криминалистического расследования преступлений тоже не стоят на месте, правоохранительными органами создаются новые и совершенствуются старые методы и способы их раскрытия.

Опираясь на статистические показатели, приведенные сотрудниками МВД России, в 2022 г. экономический ущерб для России составил 420 млрд рублей, а 138,3 млрд рублей ущерба нанесли эко-

номические преступления. Но примечателен тот факт, что киберпреступность сократилось на 10 %. Также экономические преступления снизились, но всего лишь на 0,6 % и составили около 59 700 случаев.

За 2023 г. правоохранительные органы выявили 45 829 экономических преступлений, как следует из статистики МВД. Самый большой процент – 39,9 % – это преступления против собственности. Общее количество таких нарушений – 16 298. Большая часть из них связана с мошенничеством (ст. 159–159.3 и 159.5–159.6 УК). В сфере экономической деятельности выявлено 13 655 проступков, или 33,5 %. Против госвласти и интересов госслужбы было совершено 7849 нарушений, или 19,2 %, большая часть из них – взяточничество. Против интересов службы в коммерческих организациях зарегистрировано 843 преступления, или 2,1 %, основной процент – коммерческий подкуп¹.

На этих принципах уже реализуется деятельность в соответствии с законодательством различных отраслей права. Исключается или сокращается любая возможность выражения преступной формы поведения.

Экономическое преступление – это общественно опасные и противоправные деяния, причиняющие ущерб экономическим и хозяйственным интересам предприятий и граждан. Экономическое преступление включается в себя более узкие виды преступлений:

- мошенничество;
- взяточничество;
- сбыт поддельных денег, ценных бумаг;
- налоговые преступления.

1. Мы знаем, что в криминалистической характеристике мошенничества присутствуют различные способы: продажа поддельных драгоценностей, обман при игре в карты, мнимое представительство, т. е. участие преступника в сделке без пол-

номочий на это; создание поддельных ценных бумаг, хищение денежных средств под видом участия потерпевших в предпринимательской деятельности в качестве «партнеров», хищение денежных средств граждан под видом лотерей, мошенничество с целью завладения жилищем, захват предприятий при помощи поддельных документов и противоправных судебных решений, хищения денежных средств граждан под видом компенсации за ущерб в дорожно-транспортном происшествии и т. п. Мошенничества в сфере высоких технологий выглядят как сайты, предназначенные для получения данных, кредитных карт. Когда гражданин пытается приобрести тот или иной товар или услугу, вводя данные в сайт-ловушку, теряет конфиденциальность своих данных, вследствие чего злоумышленник получает полный доступ к чужому денежному счету.

При совершении мошенничества преступники, как правило, оставляют идеальные следы, когда потерпевший и очевидцы запоминают внешность мошенника. Также при современных способах мошенничества образуются материальные следы – записи в документах, представленных преступником в различные организации. На первоначальном этапе расследования мошенничества проводятся диагностические экспертизы в основном для установления происхождения различных объектов. По делам о мошенничестве назначаются:

- судебно-почерковедческая экспертиза для установления обстоятельств выполнения рукописного текста и подписи, а также выполнения их конкретным лицом;

– судебно-бухгалтерская, судебная финансово-аналитические экспертизы. Они относятся к классу судебно-экономических экспертиз, назначаются для исследования документов финансово-хозяйственной деятельности предприятия

с целью установления правильности отражения этой деятельности;

- судебно-геммологическая экспертиза – исследование искусственных и драгоценных камней и различных изделий из них;

- дактилоскопическая экспертиза – идентификация конкретного человека;

- судебно-компьютерная экспертиза – исследование компьютерной информации, компьютерных средств, программного обеспечения и т. п.;

- технико-криминалистическая экспертиза документов для исследования документов и их реквизитов, технических средств, использованных для подделки, а также для восстановления содержания поврежденных документов с целью установления их подлинности и т. д.

В судебно-оценочной экспертизе объектом являются материальные объекты (вещи); имущество лиц (движимое или недвижимое), право собственности и иные вещные права на имущество или отдельные вещи из состава имущества; информация; иные объекты гражданских прав, в отношении которых законодательством Российской Федерации установлена возможность их участия в гражданском обороте, а также объекты интеллектуального права. Проще говоря, объект оценки может быть и нематериальным.

2. Большая опасность взяточничества состоит в том, что оно нарушает нормальную работу аппаратов государственного управления. Коррупция на сегодняшний день является одной из самых актуальных и злободневных проблем, поскольку именно коррупция тормозит развитие не только российской, но и мировой экономики².

Для дел о взяточничестве наиболее характерны следующие криминалистические экспертизы:

- трасологическая экспертиза исследования следов, следовоспринимающих

и слеодообразующих объектов для идентификации объектов, оставивших следы, определения групповой принадлежности объектов;

- почерковедческая экспертиза необходима для установления обстоятельств выполнения рукописного текста и подписи;

- технико-криминалистическая экспертиза исследования документов и их реквизитов;

- судебно-бухгалтерская экспертиза для проверки правильности оформления товарно-денежных операций, связанных с получением взятки должностным лицом;

- товароведческая экспертиза, когда нужно получить ответ на вопрос, однороден ли предмет взяткодателя и должностного лица, на каком предприятии изготовлен; определить состав партии и стоимость данного предмета.

3. Одним из первоначальных следственных действий в отношении фальшивомонетничества является назначение экспертизы, проводящейся в МВД, ГУВД, УВД на уровне субъектов Федерации, в экспертно-криминалистических подразделениях, а также специалистами ЭКЦ МВД РФ³. Данная экспертиза проводится специалистами-криминалистами комиссионно (биологами, химиками и представителями других отраслей науки в экспертно-криминалистических центрах областного уровня). В результате проведения комплексной экспертизы денег и ценных бумаг разрешаются вопросы определения подлинности или поддельности денежных банкнот; выявления способа подделки денег; определения технического оборудования, использованного для подделки; однородности материалов, использованных при подделке и обнаруженных у подозреваемого.

4. Налоговые преступления, среди которых основное место занимает уклонение от уплаты налогов и (или) сбо-

ров с физических лиц либо организаций, представляют серьезную общественную опасность, так как в их результате государство недополучает средства (нередко весьма значительные для пополнения бюджета). Фактически такие преступления подрывают экономическую основу государства. Расследование налоговых преступлений имеет существенную специфику, которую должны знать сотрудники правоохранительных органов⁴.

При расследовании налоговых преступлений назначается и проводится судебно-бухгалтерская экспертиза для выявления фактов использования бухгалтерской документации при сокрытии денежных средств или имущества от налогообложения либо уклонения от уплаты налогов, при несоответствии выводов ревизии фактическим обстоятельствам дела, наличии черновых записей и документов двойного бухгалтерского учета. В процессе такой экспертизы решаются основные вопросы: установление соответствия состояния бухгалтерского учета в донной отрасли, выявление несоответствий в учетных записях движения материальных ценностей; наличие нарушений и проверка финансово-хозяйственных операций, их правильность фиксации в бухгалтерских документах, корректность отражения информации о произведенных производственных затратах, наличие бестоварных операций или неоприходованных материальных

ценностей по бартеру, соответствие данных, указанных в отчетах и налоговой декларации, а также информация бухгалтерского учета, к примеру, какое нарушение бухгалтерского учета привело к снижению налогооблагаемой базы, какая сумма образовалась из-за неуплаченного налога в определенный период.

Для определения и выявления способа фальсификации с использованием экономических показателей проводится финансово-экономическая экспертиза. С помощью данной финансово-хозяйственной деятельности исследуется ее соответствие профилю предприятия, какие виды финансово-хозяйственной деятельности предприятия и их результаты подлежат налогообложению.

В случае обнаружения признаков подделки документов необходимо провести технико-криминалистическую экспертизу: ставить задачи по выявлению факта незаконного воздействия на документ, определить форму воздействия на документ, давность изготовления фрагментов документов, характер изменений, внесенных в документ, создающих сомнение, и др. В ходе обнаружения поддельных подписей в документах назначается также почерковедческая экспертиза.

Таким образом, именно общность методологии применения криминалистических экспертиз способствует быстрому исследованию и впоследствии раскрытию преступления.

¹ См.: <https://pravo.ru/news/246778/>

² См.: Преступность, уголовная политика, законы / под ред. А. М. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016.

³ См.: Экономическая безопасность : учеб. пособие / В. А. Богомолов [и др.] ; под ред. В. А. Богомолова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2018. 295 с.

⁴ См.: Бобовкин М. В., Ручкин В. А. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений на транспорте : актуальные проблемы уголовно-процессуального регулирования и пути их решения // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 48–55.

Волгоградская академия МВД России

Нарыков И. И., старший преподаватель
кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка

E-mail: goganarykov@yandex.ru

Tel.: 8-903-468-00-55

*Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

Narykov I. I., Senior Lecturer of the Department
of Administrative Activities and Public Order
Protection

E-mail: goganarykov@yandex.ru

Tel.: 8-903-468-00-55

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБМАНА КАК МЕТОДА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ НА ПРИМЕРЕ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И СРЕДСТВ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ

А н н о т а ц и я: рассматриваются техники обмана и принуждения, применяемые злоумышленниками в мошенничестве с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций, типичные ошибки в суждениях жертв мошенничества, факторы, способствующие вовлечению в онлайн-мошенничество, предложены рекомендации по защите от мошенничества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мошенничество, Интернет, мобильные телекоммуникации, техники, факторы, ошибки в суждениях.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DECEPTION AS A METHOD OF MANIPULATING A PERSON ON THE EXAMPLE OF FRAUD COMMITTED USING THE INTERNET AND MOBILE TELECOMMUNICATIONS

A b s t r a c t: the article examines the techniques of deception and coercion used by intruders in fraud using the Internet and mobile telecommunications, typical errors in judgment of fraud victims, factors contributing to involvement in online fraud, and offers recommendations for fraud protection.

Key words: fraud, Internet, mobile telecommunications, technology, factors, errors in judgment.

Поступила в редакцию 29 мая 2024 г.

Обман – явление, присущее в основном человеческому обществу. На протяжении тысячелетий существования нашей цивилизации люди повсеместно придумывали множество способов обмана, в том числе техник мошенничества. На сегодняшний день ложь и обман окутали все стороны человеческой жизни, каждый индивид не единожды на протяжении своей жизни прибегал к обману в отношении других лиц.

Первыми, кто классифицировал обман, были арабский мыслитель Абд-ар-Рахман аль-Джавбари в книге «Сорванные покровы» и Фрэнсис Бэкон в трактате «Новый органон». Д. И. Дубровский в монографии «Обман», оценив данное явление с моральной точки зрения, предложил его разделение на злонамеренный и добродетельный. Сторонники прагматического подхода предлагали выделить такие виды обмана, как с извлечением выгоды путем нанесения вреда другому, с извлечением выгоды без нанесения

вреда другому, без извлечения выгоды, в пользу другого и когда никакая сторона не извлекает выгоды из обмана¹. Следовательно, разновидностей обмана достаточно много, однако в данной статье мы рассмотрим такие его способы, которые приносят выгоду одним и вред другим лицам. При этом мы не акцентируем внимание на причинах обмана, которые могут заключаться в передающем информацию, получающем сведения или самом канале передачи сообщения.

В свою очередь, обман с целью получения личной или финансовой выгоды является мошенничеством. Мошенничество может совершаться в государственном (в отношении налогов и льгот), частном (потребительские товары, финансовые услуги, технологии, строительство, телекоммуникации, путешествие, отдых и др.) и благотворительном секторах. В настоящей статье мы рассмотрим дистанционные способы совершения мошенничеств: с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций. Поскольку преступный контингент быстро приспосабливается к научно-техническому прогрессу, обладает изобретательностью в планировании афер, способы совершения данного вида преступления разнообразны и очень убедительны. Например, такой вид мошенничества, как «нигерийские письма», существует с XVI в. Однако изобретение сети Интернет дало возможность нигерийскому мошенничеству приобрести вездесущий характер, поскольку до 1970-х гг. данные письма доставлялись по почте, затем направлялись по факсу и телефону, а в настоящее время анонимно и недорого онлайн-мошенничество находит своих жертв через e-mail. Таким образом, мошенничество, совершенное с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций, процветает, позволяя обманы-

вать людей в разных городах по всему миру, что затрудняет его раскрытие и расследование.

Мошенничество и нечестность используются злоумышленниками в совокупности. Стереотипы о том, что лица, совершающие дистанционные мошенничества, – это ранее судимые, психопаты, нарциссы и др., неоправданны практической деятельностью правоохранительных органов. Нельзя всех мошенников объединить в некий единый образ, исходя из пола, возраста, мотивов и целей преступной деятельности, поскольку лица совершают мошенничества с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций в связи с предполагаемым давлением (долг, отсутствие денежных средств), предполагаемой возможностью (занимаемая должность), рационализацией (оправдание противоправных действий личными причинами) и способностями (личные качества и технологические приемы).

В настоящее время актуальными являются следующие онлайн-мошенничества: 1) «нигерийские письма», мошенничества с предоплатой; 2) мошенничества с персональными сведениями; 3) «романтические» аферы; 4) фишинг и другие атаки с использованием методов социальной инженерии; 5) мошенничество с экстрасенсами; 6) «чудодейственные лекарства»; 7) мошенничество с благотворительностью; 8) лотереи, розыгрыши, призы; 9) инвестиции, бизнес-возможности, трудоустройство; 10) мошенничество, связанное с шантажом, сексуальным вымогательством; 11) мошенничество, связанное с ипотекой; 12) продовольственное мошенничество. На основании перечисленных выше способов совершения мошенничеств с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций можно

сделать вывод о том, что знание факторов восприятия и обнаружения обмана дает понимание процесса реализации данного вида преступления. То есть коммуникация складывается посредством отправления источником (злоумышленником) получателю (жертве) через некий канал сообщения с определенной целью. Таким образом, коммуникация будет успешной, когда жертва преступления точно понимает суть сообщения. В свою очередь на точность сообщения оказывают влияние различные факторы (коммуникативные навыки, установки жертвы, уровень знаний, положение в социуме со стороны как преступника, так и потерпевшего), одни из которых ее снижают, другие повышают.

Для того чтобы мошеннические практики были эффективными и приносили свои плоды, преступники используют техники убеждения (а некоторые из них обладают хорошей квалификацией и применяют психологические тактики), способные повлиять на принятие решений жертвами.

Чаще всего потерпевшими онлайн-мошенничеств становятся люди, которые при принятии решений опираются на бессознательное, произвольное, ассоциативное мышление, в то время как концентрация внимания, когнитивная обработка сведений, рассуждение и моделирование событий способны уберечь потенциальную жертву преступления от перевода денежных средств неизвестным лицам, которые, в свою очередь, стремятся увести потерпевших подальше от фактов, вызывающих подозрение. Например, люди с интуитивным стилем принятия решений (в противовес рациональному стилю) больше подвержены совершению в отношении них мошенничеств с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций ввиду привычки обра-

щаться к другим за помощью в разрешении своих вопросов.

Кроме того, жертвы мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций, допускают типичные ошибки в суждениях, которыми умело пользуются злоумышленники. Например:

1) восприятие информации в зависимости от ее формулировки на выгоде или потере (акцент на прибыли вместо убытков);

2) восприятие неопределенной обратной связи как наиболее верной и точной в отношении себя (расплывчатые формулировки, которые характерны для большинства людей, кажутся адресованными себе; восприятие позитивных утверждений как правдивых и наоборот);

3) ориентация на ранее полученную информацию при принятии решений (при покупке товаров со скидкой, по акции);

4) иллюзия контроля случайных событий (со мной этого не произойдет);

5) ошибка невозвратных затрат (дальнейшее вкладывание ресурсов в услугу, товар, которые на данный момент невыгодны или перестали функционировать).

Очевидно, что мошенники стараются спровоцировать ошибки в суждениях посредством своих предложений и коммуникаций для того, чтобы жертва принимала поспешные решения на эмоциях, не взвешивала их и не мыслила рационально. Поэтому техники мошенничества с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций напрямую связаны с ошибками в суждениях жертв данного вида преступления. Практика показывает, когда на потенциальную жертву преступления направлено большое количество мошеннических действий, то увеличивается вероятность, что какое-либо из них найдет отклик у адресата. Этому способствует использование мошеннических техник обмана и принуждения, что

приводит к подчинению и следованию воле злоумышленника. Рассмотрим некоторые из указанных выше техник:

1) использование примитивных движущих факторов (голод, страх, жадность и др.), способных снизить восприятие жертвы, принудить действовать импульсивно, не давая возможности сконцентрироваться на фактах (например, ограничение во времени);

2) вызывание симпатии со стороны потерпевшего и акцент на сходстве с ним через вхождение в доверие, проявление расположения, наличие общего опыта, биографии или интересов (например, любовные аферы, положительные отзывы о «чудодейственных БАДах»);

3) достоверность и легитимность, где онлайн-мошенничество выглядит как законное маркетинговое предложение с гарантиями, печатями (например, фишинговые сайты и e-mail) либо личная переписка (с другом);

4) эксплуатация мошенниками социально одобряемых норм (благотворительность, принцип «услуга за услугу» в романтических аферах);

5) использование авторитета некоторых профессий (врач, сотрудник банка, сотрудник правоохранительных органов, адвокат, государственный служащий) при совершении мошенничества с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций;

6) приверженность и последовательность как ожидание жертвами рассматриваемого вида преступлений выполнения данных им обязательств (мошенничество с предоплатой, лотереи и призы);

7) дефицит и срочность (предложение преподносится как уникальное, одноразовое с ограниченным сроком действия);

8) социальное доказательство (поддельные отзывы и рекомендации о товаре, услуге) и влияние социума (привлечение в мошенническую схему друзей и

коллег, что расширяет круг воздействия злоумышленника и способствует извлечению большей выгоды);

9) нечестность (мошенничество с предоплатой, обещание получения процента от суммы за помощь в отмывании денежных средств) и отвлечение внимания (предложение получения быстрых инвестиций в ближайшем будущем);

10) вызывание реакции жертвы онлайн-мошенничества путем воздействия конкретного стимула (например, логотип банка или компании, а также использование в сообщении с сексуальным вымогательством в электронном письме или в мессенджере специфических слов, вызывающих отрицательные эмоции у жертвы);

11) проецирование на потенциальную жертву конкретной социальной роли защитника, опекуна, родителя и др. (например, в «нигерийских письмах»);

12) привязывание жертвы через эмоциональную связь и вовлеченность в отношения (например, в романтических мошенничествах) с целью получения денежных средств.

Вместе с тем разные люди на мошеннические предложения реагируют неодинаково. Для того чтобы жертва была вовлечена в мошенничество с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций, необходима комбинация таких факторов, как личностные характеристики, демографические признаки и жизненные события.

К первой группе факторов (личностные характеристики) относятся импульсивность, самоконтроль, податливость (как вероятность согласия с мнением другого лица), подчинение воли авторитета, согласие на риск ввиду отсутствия других вариантов либо по причине выживания (оплата онлайн-курсов в компании, обещающей последующее трудоустройство), поиск острых ощущений (влияние позитивных эмоций от фиктивного выигрыша

в лотереи), запугивание (пожилых людей в отношении их родственников, попавших в беду), лесть (в романтических аферах), способ обработки информации (аргументированно или на основе поверхностных характеристик голоса, оформления веб-сайта), потребность в познании (акцентирование внимания на качестве аргумента, сосредоточение на фактах), доверие, легковерность, бдительность, отложенные решения, осведомленность о способах мошенничества, откладывание принятия решений.

Вторую группу факторов (демографические признаки и жизненные события) составляют неподконтрольные людям жизненные обстоятельства (смерть, брак, развод, болезнь, зависимость, финансовые трудности, социальная изоляция (особенно в пожилом возрасте), старость), гендерные различия (мужчины чаще становятся жертвами киберпреступления, а женщины – «чудодейственных лекарств») и культурные различия. Например, если человек отчаянно ищет способы заработать, то предложения работы и финансовые схемы будут для него наиболее предпочтительны, чем для того, кто имеет стабильный заработок. Или тот, кто недавно развелся, с большей вероятностью будет посещать сайты знакомств и наиболее подвержен онлайн-встрече с «романтическими» мошенниками.

Таким образом, целью мошенничества с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций могут стать определенные качества жертвы. И если потенциальная жертва ими обладает, она будет более восприимчива к данному способу мошенничества. Следовательно, совокупность личностных черт, личностных факторов (возраст,

пол, культура), эмпирических факторов (события из прошлого жертвы, которые стали опытом в настоящем) также имеет непосредственную связь с уязвимостью к онлайн-мошенничеству.

Поскольку мошенничество с использованием сети Интернет и средств мобильных телекоммуникаций всегда основано на элементе неожиданности, а некоторые мошенники окажутся опытнее потенциальной жертвы, нами предложены рекомендации, которые помогут обезопасить себя от нежелательных последствий (денежных переводов, кредитов):

1) при получении любого вида нежелательной корреспонденции следует внимательно ее изучить (перепроверить факты, в том числе при получении сообщений от друзей и родственников);

2) пробовать обнаружить техники мошенничества (ограничение по времени, переходы на сторонние источники, намек на выгоду и получение приза, отсылка к авторитетным личностям, персональная скидка, взаимная услуга);

3) необходимо оценить свое эмоциональное состояние (сильное волнение, страх, жадность, разрыв отношений, финансовые трудности и другое мешают сосредоточиться на фактах и тщательно взвесить полученные сведения);

4) не торопиться с принятием решения (отложить свои действия на время, вместо перехода по ссылке позвонить в банк);

5) делиться своим опытом с другими людьми и заявлять о мошенничестве в полицию (что не позволит злоумышленникам избежать ответственности, не лишит жертв компенсации ущерба, а также информации, как избежать повторной виктимизации).

¹ См.: Щербатых Ю. В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М. : Эксмо, 2005. С. 26–30.

Воронежский институт МВД России

Семенихина Т. Н., преподаватель кафедры
административного права

E-mail: fenix-omelia@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 264-87-90, 8-903-850-74-05

*Voronezh Institute of the Ministry of the Interior
of Russia*

Semenikhina T. N., Lecturer of the Department
of Administrative Law

E-mail: fenix-omelia@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 264-87-90, 8-903-850-74-05

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

А н н о т а ц и я: активное применение малых беспилотных летательных аппаратов гражданского назначения в ходе боевых действий навсегда изменило облик современных вооруженных конфликтов. В реалиях потребительские БПЛА из технических средств, предназначенных сугубо для гражданских целей, превратились в грозное оружие. В результате повсеместного распространения в зоне вооруженных конфликтов систем беспилотной авиации возникли новые вызовы и угрозы. В статье рассматриваются возможности исследования дронов с целью установления криминалистически значимой информации.

Ключевые слова: криминалистическое исследование, БПЛА, дрон, компьютерная экспертиза, военный конфликт.

ON THE ISSUE OF FORENSIC INVESTIGATION OF UNMANNED AERIAL VEHICLES FOR CIVILIAN PURPOSES USED IN MILITARY CONFLICTS

Abstract: the active use of small unmanned aerial vehicles for civilian purposes during combat operations has forever changed the face of modern armed conflicts. In reality, consumer UAVs have turned from technical means designed purely for civilian purposes into formidable weapons. As a result of the widespread use of unmanned aircraft systems in the zone of armed conflict, new challenges and threats have arisen. The article discusses the possibilities of drone research in order to establish criminally significant information.

Key words: forensic investigation, UAV, drone, computer expertise, military conflict.

Поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.

В условиях специальной военной операции на территории Украины ежедневно используются сотни дронов. Малоразмерные дроны активно применяются для разведки и корректировки огня, дроны с большей грузоподъемностью оборудуются системами сброса груза и используются для доставки и сброса легких боеприпасов, таких как ручные осколочные гранаты (РГД-5, РГН, Ф1); гра-

натометные выстрелы ВОГ-17 и ВОГ-25; самодельные взрывные устройства.

Наибольшее распространение в зоне вооруженных конфликтов получили небольшие, легкие и недорогие БПЛА коптерного типа от китайского производителя дронов DJI (семейство Mavic, Matrix, Mini и Phantom), а также их аналоги (Autel, Fimi), геопозиционирование которых осуществляется на частотах от 1100 до 1600 МГц (GPS, ГЛОНАСС, Galileo, Beidou), передача телеметрии,

аудио- и видеосигнала на частотах 2400 и 5800 МГц (Wi-Fi).

Для успешного исследования БПЛА в первую очередь необходимо минимизировать его повреждения при принудительном захвате и посадке. Методы пресечения нахождения БПЛА в воздушном пространстве активно развиваются и пополняются новыми способами. Подавить активность дрона можно при помощи:

- механического воздействия (ловля специальными сетями, огневое и кинетическое воздействие);
- радиоэлектронного воздействия (блокирование, подавление);
- информационно-программного воздействия (перехват управления, спуфтинг, ddos-атаки);
- электромагнитного воздействия;
- лазерно-оптического воздействия¹.

При успешном подавлении и принудительной посадке дрона он подлежит комплексному криминалистическому исследованию с целью установления его владельца (оператора) и другой криминалистически значимой информации.

БПЛА является носителем как традиционных в криминалистике следов, так и цифровых следов. Поверхность дронов в обязательном порядке исследуется на наличие дактилоскопических, биологических, трасологических и других видов следов. При поиске дактилоскопических и биологических следов стоит обращать особое внимание на боковые поверхности корпуса дрона, лопасти, батарею, флеш-карту, подвесные модули, груз. Трасологические следы могут быть обнаружены в местах крепления дополнительного оборудования (защитных кожухов, систем сброса и т. д.).

Идентификация дрона начинается с осмотра его корпуса на наличие наклейки с указанием производителя, модели, серийного номера и регистрационного идентификатора, MAC-адреса Wi-Fi.

Перед проведением компьютерной экспертизы, с целью сохранения информации, необходимо обеспечить изоляцию дрона от беспроводных сетей. Транспортировку дрона рекомендуется осуществлять в клетке Фарадея.

Сбор данных начинается с создания электронной копии информации с исследуемого дрона или других элементов беспилотной авиационной системы. Извлечение и обработка информации производятся при помощи специальных аппаратных и программных средств. Рынок российских производителей в этой сфере представлен:

– ООО «Оксиджен Софт» с программным обеспечением (далее – ПО) «Мобильный Криминалист Эксперт». ПО позволяет производить создание физических образов устройств, восстанавливать удаленные данные и производить анализ полученной информации;

– ООО «Белкасофт» с программным комплексом «Belkasoft Evidence Center X». Комплекс позволяет анализировать компьютерные накопители, их образы в различных представлениях, данные облачных приложений, содержимое оперативной памяти, а также смартфоны на платформах iOS и Android, их резервные копии и дампы, в том числе и в случае наличия блокировки устройства и шифрования данных².

Специфическими для дронов цифровыми следами являются журнал обновлений; лог-файлы диагностики; зарегистрированные учетные записи электронной почты; информация о сопряженных устройствах; мультимедийные файлы; телеметрические лог-файлы; кэш эскизов информации с дрона; карта с отметками географических координат, путей точек и места запуска; специальное ПО дрона; электронные сообщения от производителя; CSV-файлы с данными о телематике, диагностике или GPS-координаты³.

После извлечения данных обязательному анализу подлежат:

1) фото- и видеофайлы. Отдельно следует рассмотреть возможность извлечения метаданных из файлов (GPS-координаты, где был сделан снимок, дата и время создания снимка, а также устройство, использованное для съемки);

2) бортовой журнал. Журналы полетов дрона могут содержать следующие данные: местоположение по GPS, время и дату, данные о параметрах системы (скорость вращения несущего винта, высота и направление), телематика дрона, диагностические коды ошибок и др. Анализ данных в журнале полетов беспилотных летательных аппаратов необходим для определения цели и задач полета;

3) приложения и ПО. Изучение программ позволит получить информацию о правах пользователей приложений и о том, какие регистрационные данные требуются для использования продукта;

4) данные об активности пользователя. Операционная система дрона отслеживает активность пользователей, в том числе время включения и выключения дрона, настройки дрона, использование устройства, логины и учетные запи-

си пользователей, подключение к Wi-Fi и устройствам, телематические журналы дрона. Анализ данных активности позволяет понять действия пользователя и может служить доказательством его умысла;

5) нераспределенное пространство цифрового носителя данных. Нераспределенные области могут содержать артефакты всех типов доказательств, упомянутых выше.

Вопросы исследования беспилотных летательных аппаратов на данный момент проработаны в недостаточной мере. Отсутствие методики комплексного экспертного исследования элементов беспилотных авиационных систем может привести к утрате важной следовой информации и значительному замедлению процесса расследования преступлений, связанных с применением дронов. Также существует ряд нерешенных проблем по поиску и извлечению цифровой информации, содержащейся в БПЛА. В связи с активным внедрением беспилотных летательных аппаратов во все сферы нашей жизни их исследование является одним из приоритетных направлений экспертно-криминалистической деятельности.

¹ См.: Способы обнаружения беспилотных летательных аппаратов. Часть 1. URL: <https://sky-x.pro/blog/sposoby-obnaruzheniya-bespilotnyh-letatelynyh-apparatov> (дата обращения: 10.12.2023).

² См.: Обзор аппаратных и программных средств, применяемых в рамках производства компьютерных экспертиз для обхода парольной защиты и извлечения криминалистически значимой информации из исследуемых мобильных устройств / ЭКЦ МВД России. М., 2021. 18 с.

³ См.: Framework for Responding to a Drone Incident. INTERPOL Global Complex for Innovation. 2019. 130 p.

Уральский юридический институт МВД России

Щербаков И. О., преподаватель кафедры криминалистики

E-mail: technikk@list.ru

Tel.: 8-961-573-76-73

Ural Law Institute of the MIA of Russia

Shcherbakov I. O., Lecturer of the Department of Criminalistics

E-mail: technikk@list.ru

Tel.: 8-961-573-76-73

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Электронную версию текста статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи (сноски концевые);
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Для аспирантов и соискателей – отзыв научного руководителя о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Сноски (автоматические концевые) оформляются шрифтом 12 кегля. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи должен быть не менее 8 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы статьи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной статье автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors), in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provide on e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. For post-graduate students – a review of the supervisor of the ecommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO THE EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text aditor of WinWord, font – Times New Roman, size 14, interval – 1.5.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References (automatic, in the end) made out font 12 point size. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standart specification 7.0.5-2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The article must be at least 8 pages long.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication. In some cases, possible revision of the article by the author on the instructions of the editorial board.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.